

12+

ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ
НАУКИ

Выпуск 1/2023

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

12 +

**ВЕСТНИК
ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Выпуск 1 / 2023

Электронный научный журнал

Пермь
ПГГПУ
2023

Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. № 1. Психологические и педагогические науки. Вып. 1 / 2023: электрон. науч. журн. / ред. кол. вып.: Л.Л. Баландина (отв. ред. вып.), Н.В. Коптева, О.С. Самбикина ; Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. – Пермь, 2023. – 1,9 Мб. – Текст (визуальный) : электронный.

Предлагаемый выпуск «Вестника ПГГПУ» (серия «Психологические и педагогические науки») посвящен психологическим исследованиям, проводимым преподавателями, аспирантами, магистрантами и студентами кафедры педагогики и психологии ПГГПУ, кафедр общей и клинической психологии, психологии развития ПГНИУ. Теоретико-эмпирические исследования сгруппированы по разделам психологии: общая психология и психология личности, психология образования, психология развития и возрастная психология, клиническая психология, психология семьи.

Издание адресовано ученым в области психологии, аспирантам, магистрантам, студентам и всем тем, кто интересуется предложенной проблематикой.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЕСТНИКА ПГГПУ:

Б.А. КРУЗЕ – д-р пед. наук, профессор ПГГПУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ «Психологические и педагогические науки»:

Л.А. КОСОЛАПОВА – д-р пед. наук, проф., зав. кафедрой педагогики ПГНИУ (отв. ред.)

Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (зам. отв. ред.)

Н.А. ГАНГНУС – канд. пед. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. секретарь)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ВЫПУСКА (Психология):

Л.Л. БАЛАНДИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры педагогики и психологии ПГГПУ (отв. ред. вып.)

Н.В. КОПТЕВА – д-р психол. наук, проф. кафедры практической психологии ПГГПУ

О.С. САМБИКИНА – канд. психол. наук, доц. кафедры теоретической и прикладной психологии ПГГПУ

Электронный журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Реестровая запись Роскомнадзора серии ЭЛ № ФС 77-78183 от 27.03.2020 г.

Журнал размещен в НЭБ eLibrary, договор № 270-04/2014 от 28.04.2014 г.

Журнал зарегистрирован как сериальное сетевое издание в международном регистрационном каталоге (ISSN International Centre), ему присвоен международный стандартный сериальный номер ISSN 2308-717X

Сайт журнала Вестник ПГГПУ. Серия № 1 «Психологические и педагогические науки»:

URL: <http://www.vestnik1.pspu.ru>

Префикс DOI: 10.24412/2308-717X

Электронная почта журнала: lbalandina2017@yandex.ru – Баландиной Людмиле Леонидовне

Издается по решению редакционно-издательского совета
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел 1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Дериш Ф.В., Смилянец П.А. ЛИЧНОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ РЕАКТИВНОЙ И ПРОАКТИВНОЙ АГРЕССИИ: ОБЗОР 5
- Мерзляков Д.Е., Аленьковская Т.А. ПЕРЕЖИВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОГИ ЛИЦАМИ С ПРИЗНАКАМИ УЯЗВИМОГО НАРЦИССИЗМА 15
- Шевкова Е.В., Малеев Д.С. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ, ПРАКТИКУЮЩИХ ОПАСНЫЙ СТИЛЬ ВОЖДЕНИЯ .. 22

Раздел 2. ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- Жданова С.Ю., Ельцов С.А. ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УЧИЛИЩА 34

Раздел 3. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Попова Т.А., Попова О.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОВСЕДНЕВНОГО СТРЕССА, СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ И ОТНОШЕНИЯ К СЕБЕ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ 42
- Попова Т.А., Семерикова П.А. СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА СТУДЕНТОВ 51

Раздел 4. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Краснов А.В., Поролло Н.А. ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОЙСТВ ВНИМАНИЯ С ТРЕВОЖНОСТЬЮ У ЛИЦ С ПРИЗНАКАМИ ОБСЕССИВНО-КОМПУЛЬСИВНОГО РАССТРОЙСТВА 58
- Харламова Т.М., Кариева Ф.И. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА ДЕТСКОЙ РЕАНИМАЦИИ 69
- Ястребова А.В. ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И УРОВНЯ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ У ПОДРОСТКОВ 81

Раздел 5. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

- Баландина Л.Л., Гуржий А.П. ВЗАИМОСВЯЗЬ СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ 91

Харламова Т.М., Тазина К.Д. СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ НАРЦИССИЗМА С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА	103
Зарипова Л.З., Гранадский В.С. ДЕТСКАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И ТРЕВОЖНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ В СВЯЗИ С ОПЫТОМ РОДИТЕЛЬСТВА	112

РАЗДЕЛ 1. ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ. ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.922

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-5-14

Дериш Федор Валерьевич

старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии

e-mail: fedor.derish@yandex.ru

Смилянец Полина Александровна

студентка V курса философско-социологического факультета

ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия

614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-66-17

ЛИЧНОСТНЫЕ КОРРЕЛЯТЫ РЕАКТИВНОЙ И ПРОАКТИВНОЙ АГРЕССИИ: ОБЗОР

Fedor V. Derish

Senior Lecturer of Clinical and General Psychology Department

e-mail: fedor.derish@yandex.ru

Polina A. Smilyanets

Student 5th Grade of Philosophy and Sociology Faculty

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

«Perm State National Research University»

15, Bukireva St., 614990, Perm, Russia

PERSONALITY CORRELATES OF REACTIVE AND PROACTIVE AGGRESSION: REVIEW

Аннотация. В статье рассматриваются два типа агрессии – реактивная и проактивная – и их связь с различными личностными чертами. Реактивная агрессия связана с ранним травмирующим опытом и предвзятой атрибуцией враждебности, а также коррелирует с шизотипическими чертами и тревожностью. С другой стороны, проактивная агрессия ассоциируется с одобрением агрессивного поведения и грандиозным нарциссизмом. Также рассматривается связь агрессии с чертами Темной триады личности, такими как нарциссизм, макиавеллизм и психопатия. Представлены различия в коррелятах для обоих типов агрессии, включая связь с шизотипическими чертами,

тревожностью, грандиозным нарциссизмом и дефицитом эмпатии. В работе проанализированы различия между реактивной и проактивной агрессией, а также личностные корреляты рассматриваемых типов агрессивного поведения.

Ключевые слова: типы агрессии, реактивная агрессия, проактивная агрессия, макиавеллизм, нарциссизм, психопатия, Темная триада, личность.

Abstract. The article discusses two types of aggression – reactive and proactive – and their association with various personality traits. Reactive aggression is linked to early traumatic experiences and a biased attribution of hostility, as well as being correlated with schizotypal traits and anxiety. On the other hand, proactive aggression is associated with the approval of aggressive behavior and grandiose narcissism. The text also examines the relationship between aggression and the Dark Triad personality traits, such as narcissism, Machiavellianism, and psychopathy. Differences in correlates for both types of aggression are presented, including the association with schizotypal traits, anxiety, grandiose narcissism and lack of empathy. The paper analyzes the distinctions between reactive and proactive aggression and the personality correlates of the types of aggressive behavior under consideration.

Key words: types of aggression, reactive aggression, proactive aggression, Machiavellianism, narcissism, psychopathy, Dark triad, personality.

Введение

Изучение агрессии, ее видов и форм, проявляющихся в различных поведенческих паттернах, является важным для современных исследователей. Необходимо иметь представление о различных классификациях агрессии и об особенностях ее отдельных видов, чтобы иметь полное представление о том, что из себя представляет данный феномен. Выделяемые характеристики рассматривают множество видов и форм агрессии по разным основаниям [1, 5, 7, 8].

К. Додж и Дж. Койи предложили классификацию, построенную на причинной обусловленности агрессии. В рамках их классификации выделяют реактивный и проактивный виды агрессии [5]. Реактивная агрессия выступает в виде защитного ответа на блокирование обществом какой-либо цели или же на провокацию. При этом субъект не обязательно оказывается действительно провоцируемым: люди, применяющие реактивную агрессию, в принципе склонны воспринимать многие стимулы среды как враждебные по отношению к ним. Описание этого вида агрессии схоже с тем, что представлено в фрустрационной теории. Проактивная же агрессия определяется как агрессия, которая возникает в предвкушении корыстных результатов и является намеренным поведением, контролируемым внешним подкреплением (это определение проистекает из теории социального научения). Проактивная агрессия проявляется в совершении запланированных действий, ассоциирующихся с корыстью и социальным контролем. Это определение проистекает из теории социального научения [5]. Таким образом, классификация агрессии по причине возникновения включает два вида: реактивную и проактивную.

Реактивная и проактивная агрессия

Несмотря на то, что реактивная и проактивная агрессия рассматриваются совместно, они имеют различные теоретические основания. Так, реактивный тип агрессии описывается исходя из фрустрационной теории агрессии, предложенной Д. Доллардом и его коллегами [21] и усовершенствованной Л. Берковицем (1962, 1978). В рамках этой теории агрессию понимают как враждебную, гневную реакцию, которая, как правило, имеет защитный характер и призвана устранить фрустрацию. Теоретической основой проактивной агрессии служит теория социального научения А. Бандуры. В ней агрессия – это приобретенное инструментальное поведение, которое контролируется внешним вознаграждением. Реактивная агрессия проявляется в форме враждебного, оборонительного паттерна реагирования в результате переживания фрустрации или провокации, а проактивная агрессия – это целенаправленное поведение, контролируемое внешним подкреплением и выступающее как средство для достижения цели.

Данные типы агрессии имеют разные концептуальные истоки, они не являются взаимоисключающими или конфликтующими. Так, каждая теория признает как подстрекательские, так и побудительные аспекты мотивации к агрессии. Л. Берковиц (1983) признал, что подкрепление может изменить силу агрессивного проявления, а Д. Бандура (1983) подстраховался, признав, что его теория применима только к «большой части» агрессии [17]. Реактивная агрессия, имеющая свои корни во фрустрационной теории, определяется как «горячая», эмоционально обусловленная форма агрессии, а проактивная, зародившаяся в рамках теории социального научения, как «холодная» агрессия, направленная на достижение цели. В основе данных типов реагирования лежат качественно различные механизмы и факторы.

Различия в механизмах реактивной и проактивной агрессии объясняются с помощью модели обработки социальной информации, предложенной К. Доджем и Н. Криком [13, 14]. Данная модель представляет собой серию социально-когнитивных и когнитивно-эмоциональных процессов в развитии социальной компетентности и поведения на протяжении жизни и предполагает, что в социальной ситуации поведение человека достигается посредством шести последовательных шагов: 1) кодирования социальных сигналов, 2) интерпретации сигналов, 3) прояснения целей, 4) генерации поведенческих реакций, 5) выбора реакции, 6) совершения поступка. Наличие ошибок в процессах обработки социальной информации на различных этапах этой модели приводит к проблематичным поведенческим реакциям, например, к агрессии [31].

Реактивный и проактивный типы агрессивного реагирования, по К. Доджу и Д. Койи (1987), соотносятся с двумя паттернами ошибок и проблем, возникающих на разных этапах обработки социальной информации. Первый паттерн подразумевает проблемы на ранних стадиях обработки социальной информации (распознавание сигнала, его кодирование, интерпретация социальной информации). Сюда можно отнести ошибку интерпретации – предвзятую атрибуцию враждебности. Этим термином обозначается

склонность человека приписывать неоднозначному стимулу, в котором отсутствует ясность намерения, провокационное содержание. Восприимчивость к враждебным сигналам и интерпретация многих незначительных сигналов как злонамеренных побуждают человека к агрессии, которая является защитной или же может послужить в качестве возмездия за вредоносное действие. Таким образом, ошибки на ранних этапах обработки социальной информации приводят к проявлению реактивной агрессии, так как именно этот вид является реакцией на предполагаемую угрозу [13]. Второй паттерн обработки социальной информации включает проблемы на более поздних стадиях обработки, на которых происходит генерация вариантов реакции и выбор одной для предстоящей реализации поведения. Среди таких проблем выделяют ограниченный репертуар ответных действий, а также предпочтение агрессивных актов как наиболее вероятно приводящих к позитивному результату и более высокую степень уверенности при совершении агрессивного действия соответственно. Так, люди, демонстрирующие этот паттерн, используют агрессию проактивно, т.е. для достижения ожидаемых результатов [13].

Оба паттерна объясняют поведение, реализуемое в конкретной ситуации. Однако модель не включает в себя роль склонностей или диспозиций совершать подобные ошибки.

Подобные паттерны позволили исследователям проверить данные предположения. Как оказалось, гипотеза о том, что реактивная агрессия, в отличие от проактивной, связанная с первыми этапами в обработки социальной информации, а именно с предвзятой атрибуцией враждебности, была подтверждена во многих исследованиях [13, 22, 26]. Проактивная агрессия, в свою очередь, в отличие от реактивной, оказалась связанной с более поздними этапами, в частности, с ожиданием позитивных результатов агрессивного поведения [13, 22, 26]. Исследования в области когнитивных предикторов реактивной и проактивной агрессии продолжаются по сей день, предоставляя данные как об общем в механизмах формирования данных типов агрессивного поведения, так и о различиях [30].

В соответствии с фрустрационной теорией и теорией социального научения склонность к реактивной агрессии формируется ввиду наличия раннего травмирующего опыта, такого как потеря значимого человека или изоляция от него, насилие и нахождение в угрожающих жизни условиях. Такие жизненные события способствуют потере базового чувства безопасности, усиливают аффекты, лежащие в основе реактивной агрессии, – гнев и страх, что приводит к постоянной бдительности субъекта, развитию и преобладанию у него реактивного типа агрессивного поведения. Склонность к проактивной агрессии строится на положительных эмоциях, связанных с одобрением агрессивного поведения референтным лицом или группой. К примеру, ребенок, которого толкнули, получает совет от матери ударить обидчика в ответ. Во время следующей проблемной ситуации эта реакция будет для него более доступна, чем остальные, особенно если агрессивное действие заставило противника сдаться. Так, у ребенка сужается выбор неагрессивных, ассертивных ответов, увеличивается репертуар возможных агрессивных

реакций, которые он уже воспринимает как наиболее эффективные в достижении цели, и субъект на постоянной основе начинает проявлять агрессию проактивным способом. Несмотря на то, что реактивный и проактивный типы агрессии имеют разные пути формирования и разные механизмы, возможно, проактивная агрессия будет легче формироваться и реализовываться при большей склонности к реактивной агрессии.

Личностные корреляты проактивной и реактивной агрессии

В ранних исследованиях [18, 26, 31] рассматривались особенности взаимодействия проактивно и реактивно агрессивных детей со сверстниками. Результаты свидетельствуют о наличии связи между проявлением реактивного агрессивного поведения и социальным отвержением, негативными оценками сверстников. Проактивная агрессия оказалась положительно связана со статусом ребенка в классе. Несмотря на обнаруженные различия, и проактивно- и реактивно-агрессивные дети рассматривались как надоедливые и нарушающие порядок. Важно отметить, что плохие межличностные отношения реактивно-агрессивных детей со сверстниками авторы связывают с дефицитом обработки социальной информации. Однако это не единственная характеристика, чьи связи с когнитивными механизмами были обнаружены. К таковым можно также отнести тревожность и шизотипические черты. Считается, что нарушения обработки социальной информации, свойственные реактивно-агрессивным людям, могут способствовать формированию шизотипических характеристик, включающих необычные перцептивные переживания и параноидальные идеи [33]. Было установлено, что склонность к реактивно-агрессивному поведению сочетается с повышенной тревожностью у подростков [9, 10]. Белл-Доланом (1995) было обнаружено, что тревожные дети намного чаще, чем нетревожные, интерпретировали невраждебные ситуации как угрожающие, демонстрируя враждебный атрибутивный стиль. На азиатской выборке подросткового возраста было установлено, что когнитивно-перцептивные нарушения испытуемых, оцененные с помощью опросника шизотипической личности, были связаны с уровнем реактивной агрессии при контроле пола, возраста и проактивной агрессии [29]. В этом же исследовании была обнаружена связь реактивной, но не проактивной, агрессии с высоким уровнем тревожности. Таким образом, реактивная агрессия, в отличие от проактивной, связана с шизотипическими характеристиками личности и тревожностью. Демонстрируемая реактивно-агрессивными склонность к оцениванию нейтральных стимулов в качестве враждебных может быть связана с наличием когнитивных дефицитов, свойственных шизотипическим личностям. Очевидно, восприимчивость к враждебным сигналам и ошибки интерпретации социальной информации побуждают реактивно-агрессивную личность к излишним переживаниям и непрерывному ожиданию угрозы извне, что описывает связь с тревожностью.

Для расширения представления о психологическом профиле людей, действующих агрессивно реактивным или проактивным способом, важно также обратить внимание на черты личности, связанные с каждым из рассматриваемых типов агрессии. Бук и другие (2012) обнаружили связь между

нечестностью, недоброжелательностью с проактивной и реактивной агрессией [11]. Динич и Вертаг (2018) подтвердили предыдущие результаты, а также учли роль фактора пола во взаимосвязи черт модели HEXACO, Темной триады личности с проактивной и реактивной агрессией [16]. Оказалось, что проактивную агрессию у мужчин лучше всего предсказывала неклиническая психопатия, тогда как у женщин – низкая добросовестность. Реактивную агрессию вне зависимости от пола предсказывали низкие доброжелательность, психопатия и макиавеллизм. Высокая эмоциональность также имела значительный вклад, но только у женщин. Несмотря на устойчивость связи между реактивной агрессией и доброжелательностью, остальные личностные корреляты реактивной и проактивной агрессии нуждаются в уточнении, как и вклад черт личности в совокупности с другими характеристиками для предсказания обоих типов агрессии.

Говоря о чертах личности, важно также упомянуть ряд исследований, посвященных взаимосвязи проактивной и реактивной агрессии с чертами Темной триады личности. Под Темной триадой понимается комплекс, состоящий из трех взаимосвязанных, но не зависимых друг от друга нежелательных черт, определяющих негативную сторону личности. Среди черт традиционно выделяют неклинический нарциссизм, макиавеллизм и неклиническую психопатию [4]. Традиционно черты Темной триады личности ассоциируют с антагонистическим поведением, в том числе с агрессивным. В обзоре, посвященном Темной тетраде личности – новом витке развития изучения нормативных и социально нежелательных характеристик, рассмотрены исследования связи агрессии, повседневного (обыденного) садизма и черт Темной триады [3]. Кроме того, в зарубежных [1, 28, 29] и отечественных [2, 6] исследованиях была подтверждена связь с агрессивностью. Однако эмпирических исследований, посвященных изучению связи черт Темной триады, реактивной и проактивной агрессии, на данный момент нет, что отчасти связано с отсутствием методик, измеряющих указанные типы агрессивного поведения. Тем не менее существует множество работ, результаты которых указывают на наличие существенных связей между реактивной и проактивной агрессией и чертами Темной триады личности.

Например, в некоторых исследованиях [28, 29] получены взаимосвязи грандиозного нарциссизма и проактивной агрессии. Авторы интерпретируют полученные результаты через склонность нарциссических личностей к доминированию: проактивное агрессивное поведение приводит к эксплуатации других людей, достижению целей и сохранению чувства грандиозности. В других исследованиях [12, 23, 27] уязвимый нарциссизм связан с реактивным типом агрессивного поведения. В данном случае интерпретация связи базируется на представлениях о гипертрофированном, но хрупком самовосприятии нарциссов, любая угроза извне которому может вызывать враждебную реакцию. Индивид, обладающий нарциссическими чертами личности, может быть как реактивно, так и проактивно агрессивен, но это связано с выраженностью нарциссических черт личности.

Интересно, что, как и в случае с нарциссизмом, характер связи между психопатией и агрессией проясняется путем детального рассмотрения связей с компонентами психопатии. В трехфакторной модели психопатии, в которой компонентами выступают стиль межличностного взаимодействия (высокомерие и склонность к обману), стиль эмоционального реагирования (дефицит эмпатии) и стиль жизни (импульсивность и безответственность), по-разному связаны с проактивной и реактивной агрессией. Психопатический стиль межличностного и эмоционального реагирования у подростков предрасполагают к проактивному типу агрессивного поведения [25, 34]. В свою очередь, реактивный тип агрессивного поведения в большей мере характерен при психопатическом стиле жизни, что неоднократно обнаруживалось среди различных групп населения и в различных условиях [20, 25]. Стоит отметить, что данные не являются исчерпывающими, так как существуют исследования, результаты которых не согласуются с перечисленными выше. К примеру, некоторые исследования [19, 32] обнаружили положительную связь реактивной агрессии со всеми компонентами психопатии [15]. В целом приведенные данные позволяют сделать вывод о том, что психопатия является существенным коррелятом реактивной и проактивной агрессии. С большой долей уверенности можно утверждать о наличии положительной связи между проактивной агрессией и психопатическим стилем эмоционального реагирования, а реактивная агрессия связана с психопатическим стилем жизни (импульсивность и безответственность). Однако связи отдельных аспектов психопатии с проактивным и реактивным типами агрессии еще нуждаются в уточнении с учетом роли других психологических характеристик.

Исследований, выявляющих вклад макиавеллизма в предсказание проактивной и реактивной агрессии, немного, по сравнению с количеством работ, в которых рассматриваются отношения нарциссизма и психопатии с агрессивным поведением. Однако последние исследования [1, 16] в этой области сообщают о том, что макиавеллизм положительно коррелирует как с реактивной, так и с проактивной агрессией. Важно отметить, что в обоих исследованиях макиавеллизм показал более сильные связи с реактивной агрессией. Такие результаты являются относительно странными, так как склонность к манипуляциям и эксплуатации других с целью получения личной выгоды в купе с циничностью предполагают скорее использование агрессивных действий как инструмента в достижении целей [24]. Данный результат требует дополнительного исследования роли других психологических характеристик для объяснения связи реактивной и проактивной агрессии с макиавеллизмом.

Заключение

Феномены, относящиеся к агрессии, имеют различные трактовки и способы их определения. Одним из самых распространенных являются классификации агрессивного поведения, модели агрессивности как диспозициональной характеристики, в том числе рассмотрение личностных черт, в основе которых лежит агрессивная диспозициональность. Для выделения форм и типов агрессии и агрессивного поведения используют различные основания. Одним из наиболее интересных является изучение

проактивного и реактивного типов агрессивного поведения. Это связано прежде всего с тем, что истоками их появления послужили достаточно обоснованные теории и модели агрессии.

Склонность к реактивному и проактивному типу агрессивного поведения связана с разными личностными чертами, причем существует специфика связей реактивной и проактивной агрессией с одними и теми же чертами. В современных исследованиях общим для обоих типов агрессивного поведения является низкий уровень честности – склонности к обману и добросовестности (модели HEXACO), общий показатель неклинической психопатии и макиавеллизм. Различий же оказалось существенно больше. Они касались того, что реактивная агрессия в большей мере связана с шизотипическими чертами, тревожностью, враждебностью по отношению к окружающим, уязвимым нарциссизмом, импульсивностью и безответственностью. В свою очередь, коррелятами проактивного типа агрессивного поведения являются грандиозный нарциссизм, дефицит эмпатии (компоненты неклинической психопатии). Так, у реактивной и проактивной агрессии есть общие и различные корреляты. Также в исследованиях показано, что некоторые характеристики (например, пол) могут выступать медиаторами и модуляторами связи личностных черт и рассматриваемых типов агрессивного поведения.

Таким образом, берущий начало в фрустрационной теории реактивный тип агрессии определяется как «горячая» агрессия, представляющая собой оборонительную, враждебную реакцию на фрустрацию. Данный тип агрессивного поведения может формироваться вследствие ранней травматизации насилием, а также по причине потери чувства безопасности, что в дальнейшем приводит к повышенной бдительности к враждебным стимулам, а также к ошибкам кодирования и интерпретации социальной информации, усиливающим агрессию субъекта по отношению к другим. Проактивная же агрессия, имеющая в качестве основы теорию социального научения, обозначает «холодную» агрессию, целенаправленное поведение, контролируемое внешним подкреплением. Такой тип агрессии могут демонстрировать люди, которые наблюдали, а затем реализовывали агрессивное поведение с последующим его поощрением референтными лицами. Как правило, у проактивно-агрессивных людей ограниченный репертуар неагрессивных реакций, поэтому они легче выбирают агрессивный ответ, к тому же агрессивные ответы они оценивают как те, что наиболее вероятно приведут их к желаемой цели. Стоит отметить, что обе характеристики скорее рассматриваются как диспозиции к соответствующему типу агрессивного поведения, а не как черты личности.

Список литературы

1. Берковиц Л. Агрессия: причины, последствия и контроль. – СПб. : Прайм – ЕВРОЗНАК, 2002. – 512 с.
2. Дериш Ф.В. Половые особенности взаимосвязи черт темной триады личности и диспозициональной агрессии // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2021. – № 1. – С. 4–12. – DOI 10.24412/2308-717X-2021-1-4-12

3. Дериш Ф.В. Темная тетрада личности: обзор современных исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2021. – № 2. – С. 222–235. – DOI 10.17072/2078-7898/2021-2-222-235
4. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. – 2014. – Т. 7, № 38. – С. 12.
5. Ильин Е.П. Психология агрессивного поведения. – СПб. : Питер, 2014. – 368 с.
6. Корниенко Д.С., Вязовкина В.К., Горностаев И.С. Адаптация и психометрическая проверка методики «Короткий опросник темной тетрады» // Психологический журнал. – 2022. – Т. 43, № 5. – С. 87–98. – DOI 10.31857/S020595920022787-1
7. Шестакова Е.Г. Фрустрационные теории агрессии (к истории проблемы) // СПЖ. – 2009. – № 33. – С. 36–40.
8. Щербаков Е.П., Макенов А.А. Проблема изучения феномена агрессивности в отечественных и зарубежных теориях // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2018. – № 4 (34). – С. 98–103.
9. Bell-Dolan D.J. Social cue interpretation of anxious children // Journal of Clinical Child Psychology. – 1995. – Vol. 24 (1). – P. 2–10.
10. Biased attention in childhood anxiety disorders: A preliminary study / M.W. Vasey, E.L. Daleiden, L.L. Williams, L.M. Brown // Journal of Abnormal Child Psychology. – 1995. – Vol. 23 (2). – P. 267–279.
11. Book A.S., Volk A.A., Hosker A. Adolescent bullying and personality: An adaptive approach // Personality and Individual Differences. – 2012. – Vol. 52. – P. 218–223.
12. Bushman B.J., Baumeister R.F. Threatened egotism, narcissism, self-esteem, and direct and displaced aggression: Does self-love or self-hate lead to violence? // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – Vol. 75 (1). – P. 219–229.
13. Crick N.R., Dodge K.A. Social information-processing mechanisms on reactive and proactive aggression // Child Development. – 1996. – Vol. 67 (3). – P. 993–1002.
14. Crick N.R., Ladd G.W. Children's perceptions of their peer experiences: Attributions, loneliness, social anxiety, and social avoidance // Developmental Psychology. – 1993. – Vol. 29 (2). – P. 244–254.
15. Dimensions of psychopathy in relation to proactive and reactive aggression: Does intelligence matter? / T. Jambroes, L.M.C. Jansen, P.M. v.d. Ven et al. // Personality and Individual Differences. – 2018. – Vol. 129. – P. 76–82.
16. Dinić B.M., Wertag A. Effects of Dark Triad and HEXACO traits on reactive/proactive aggression: Exploring the gender differences // Personality and Individual Differences. – 2018. – Vol. 123. – P. 44–49.
17. Dodge K.A. The structure and function of reactive and proactive aggression // Pepler D., Rubin K. (eds). The Development and Treatment for Childhood Aggression. – Hills-dale : Erlbaum, 1991. – P. 201–218.
18. Dodge K.A., Coie J.D. Social-information-processing factors in reactive and proactive aggression in children's peer groups // Journal of Personality and Social Psychology. – 1987. – Vol. 53 (6). – P. 1146–1158.
19. Fanti K.A., Frick P.J., Georgiou S. Linking callous-unemotional traits to instrumental and non-instrumental forms of aggression [Электронный ресурс] // Journal of Psychopathology and Behavioral Assessment. – 2009. – Vol. 31 (4). – P. 285–298. – URL: <https://doi.org/10.1007/s10862-008-9111-3>

20. Flight J.I., Forth A.E. Instrumentally violent youth: The roles of psychopathic traits, empathy and attachment [Электронный ресурс] // *Criminal Justice and Behavior*. – 2007. – № 34. – P. 739–751. – URL: <https://doi.org/10.1177/0093854807299462>
21. Frustration and aggression / J. Dollard, N.E. Miller, L.W. Doob et al. – Yale University Press. – 1939.
22. Observational, physiological, and self-report measures of children's anger: Relations to reactive versus proactive aggression / J. Hubbard, C. Smithmyer, S. Ramsden et al. // *Child Development*. – 2002. – Vol. 73. – P. 1101–1118.
23. Papps B.P., O'Carroll R.E. Extremes of self-esteem and narcissism and the experience and expression of anger and aggression // *Aggressive Behavior*. – 1998. – Vol. 24 (6). – P. 421–438.
24. Paulhus D.L., Williams K. The Dark Triad of personality: Narcissism, Machiavellianism, and psychopathy [Электронный ресурс] // *Journal of Research in Personality*. – 2002. – Vol. 36. – P. 556–563. – URL: [https://doi.org/10.1016/S0092-6566\(02\)00505-6](https://doi.org/10.1016/S0092-6566(02)00505-6)
25. Reactive and proactive aggression in adolescent males: examining differential outcomes 10 years later in early adulthood [Электронный ресурс] / P.J. Fite, A. Raine, M. Stouthamer-Loeber et al. // *Criminal justice and behavior*. – Vol. 37 (2). – P. 141–157. – URL: <https://doi.org/10.1177/0093854809353051>
26. Reactive and proactive aggression in school children and psychiatrically impaired chronically assaultive youth / K.A. Dodge, J.E. Lochman, J.D. Harnish et al. // *Journal of Abnormal Psychology*. – 1997. – Vol. 106 (1). – P. 37–51.
27. Relations of proactive and reactive dimensions of aggression to overt and covert narcissism in nonclinical adolescents / A. Fossati, S. Borroni, N. Eisenberg, C. Maffei // *Aggressive Behavior*. – 2010. – Vol. 36 (1). – P. 21–27.
28. Salmivalli C. Feeling good about oneself, being bad to others? Remarks on self-esteem, hostility, and aggressive behavior // *Aggression and Violent Behavior*. – 2001. – Vol. 6 (4). – P. 375–393.
29. Seah S., Ang R. Differential correlates of reactive and proactive aggression in Asian adolescents: Relations to narcissism, anxiety, schizotypal traits, and peer relations // *Aggressive behavior*. – 2008. – № 34. – P. 553–622.
30. Social information processing problems related to reactive and proactive aggression of adolescents in residential treatment / S. Oostermeijer, M. Nieuwenhuijzen, P.M. v.d. Ven et al. // *Personality and Individual Differences*. – 2016. – Vol. 90. – P. 54–60.
31. Social competence in children / K.A. Dodge, G.S. Pettit, C.L. McClaskey, M.M. Brown // *Monographs of the Society for Research in Child Development*. – 1986. – Vol. 51 (2). – P. 1–85.
32. The importance of narcissism in predicting proactive and reactive aggression in moderately to highly aggressive children [Электронный ресурс] / T.D. Barry, A. Thompson, C.T. Barry et al. // *Aggressive behavior*. – 2007. – Vol. 33 (3). – P. 185–197. – URL: <https://doi.org/10.1002/ab.20198>
33. The reactive-proactive aggression questionnaire: Differential correlates of reactive and proactive aggression in adolescent boys / A. Raine, K. Dodge, R. Loeber et al. // *Aggressive Behavior*. – 2006. – Vol. 32 (2). – P. 159–171.
34. Vitacco M., Salekin R., Rogers R. Forensic issues for child and adolescent psychopathy // Salekin R.T., Lynam D.R. (Eds.). *Handbook of child and adolescent psychopathy*. – 2010. – P. 374–397.

УДК 159.9

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-15-21

Мерзляков Дмитрий Евгеньевич

старший преподаватель кафедры общей и клинической психологии

*e-mail: pedagogika-online@mail.ru***Аленьковская Татьяна Алексеевна**

студентка III курса направления «Психология»

e-mail: alenkovskaya03@mail.ru

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

ПЕРЕЖИВАНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ТРЕВОГИ ЛИЦАМИ С ПРИЗНАКАМИ УЯЗВИМОГО НАРЦИССИЗМА

Dmitry E. Merzlyakov

Senior Lecturer of the Department of General and Clinical Psychology

*e-mail: pedagogika-online@mail.ru***Tatyana A. Alenkovskaya**3rd Year Student of the Bachelor's Degree Direction «Psychology»*e-mail: alenkovskaya03@mail.ru*

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia*

EXPERIENCE OF SOCIAL ANXIETY BY PERSONS WITH SIGNS OF VULNERABLE NARCISSISM

Аннотация. В настоящей статье рассматривается проблема переживания социальной тревоги лицами с признаками уязвимого нарциссизма. Авторы анализируют связь между нарциссическими чертами и переживанием социальной тревожности. Исследование основывается на теоретическом анализе отечественных и зарубежных источников. Результаты исследования представляют собой анализ того, какие аспекты уязвимого нарциссизма могут влиять на переживание социальной тревоги. Результаты работы будут полезными для клинических психологов, исследователей и специалистов в области психологии личности.

Ключевые слова: тревога, социальная тревога, нарциссизм, уязвимый нарциссизм, грандиозный нарциссизм.

Abstract. This article considers the problem of experiencing social anxiety by persons with signs of vulnerable narcissism. The authors analyze the connection between narcissistic features and the experience of social anxiety. The study is based on the theoretical analysis of domestic and foreign sources. The results of the study are an analysis of what aspects of vulnerable narcissism can affect the experience of social anxiety. The results of the work can be useful for clinical psychologists, researchers and specialists in the field of personality psychology.

Key words: anxiety, social anxiety, narcissism, vulnerable narcissism, grandiose narcissism.

Введение

Социальная тревожность – это быстрорастущее явление в современном обществе. Согласно результатам исследования Р. Jefferies и др. (2020), проведенном в Бразилии, Китае, Индонезии, России, Таиланде, США и Вьетнаме на молодой выборке (16–29 лет), глобальная распространенность социальной тревожности значительно выше, чем сообщалось ранее, причем более 1 из 3 (36 %) респондентов соответствуют пороговым критериям наличия социального тревожного расстройства. Распространенность и тяжесть симптомов социальной тревожности не различались между полами, но варьировались в зависимости от возраста, страны, статуса работы, уровня образования и того, жил ли человек в городской или сельской местности. Данные показывают, что социальная тревожность является проблемой для молодых людей во всем мире, многие из которых не осознают трудностей, с которыми они в перспективе сталкиваются [18].

Нарциссизм как адаптационный феномен оказывает большое влияние на совладание с социальной тревогой, в том числе на ее снижение, так как он предполагает множество неприемлемых для окружающих видов поведения (манипулирование, пренебрежение, безразличие и т.п.), которые требуют более высоких способностей к общению с окружающими людьми [2]. В частности, у лиц с выраженным нарциссизмом есть признаки (например, повышенная самооценка, уверенность в собственном превосходстве и т.д.), которые позволяют им легче справляться с тревожными переживаниями, чем лицам без этих признаков. Нарциссизм можно концептуализировать как способность человека поддерживать позитивную самооценку с помощью различных когнитивных, эмоциональных и поведенческих регуляторных процессов, которые позволяют подтверждать и утверждать превосходство человека над другими людьми [11]. Поэтому личностные характеристики все чаще признаются в качестве важных предикторов того, как люди воспринимают и реагируют на происходящие вокруг них события.

Научная проблема изучения особенностей переживания социальной тревоги лицами с признаками нарциссизма базируется на том, что нарциссические личности, как это было указано выше, имеют уникальные

характеристики, которые влияют на их специфическое восприятие ситуаций взаимодействия с окружающими людьми. Важно отметить, что одной из разновидностей нарциссизма является уязвимый нарциссизм, который отличается от грандиозного нарциссизма. Уязвимый нарциссизм характеризуется низкой самооценкой, повышенной тревожностью и чувством неполноценности, несмотря на внешнюю демонстрацию уверенности в себе [21]. Люди с уязвимым нарциссизмом часто стремятся получить внешнее подтверждение своей ценности и страдают от переживания социальной тревоги в ситуациях, где их самооценка может быть подорвана. Несмотря на это, в центре исследований находится именно грандиозный нарциссизм, поэтому особенности переживания социальной тревоги лицами с признаками уязвимого нарциссизма не раскрыты до конца. Игнорирование особенностей переживания тревоги уязвимыми нарциссами создает проблему для понимания особенностей процесса переживания. Наша работа позволит выявить специфические факторы, которые способствуют возникновению и переживанию тревоги у лиц с признаками нарциссизма и рассмотреть особенности переживания социальной тревоги людьми с уязвимым нарциссизмом. Результаты будут полезны для психологической практики, профилактики тревоги у нарциссов.

Основная часть

Тревога – это эмоциональное состояние, сопровождаемое беспокойством [4], возникающее в момент ожидания неудачи, предчувствия опасности или ожидания важного и значимого для человека в условиях неопределенности. К.Р. Сидоров (2013) также определяет тревогу как «вероятностное переживание неудачи» [6, с. 45]. Переживание как психический процесс характеризуется проживанием субъективно значимых явлений в жизни человека [7]. В когнитивной модели тревога рассматривается как обработка информации, основанная на схеме, состоящей из ошибочной или предвзятой интерпретации стимулов как опасных или угрожающих физическому или психологическому благополучию человека [13]. С позиции М.В. Eysenck и др. (2007), ее переживание проходит в три этапа: 1 – распознавание стимулов, 2 – первичная обработка и возникновение автоматических мыслей, 3 – переживание тревоги и поиск сигналов безопасности. Переживание тревоги ухудшает функционирование произвольного внимания и усиливает произвольное внимание к стимулам, связанным с угрозой [9].

В ситуации тревоги у человека возникают автоматические мысли, которые приводят к эмоциональным и поведенческим реакциям. Их содержание будет соответствовать основным убеждениям человека о себе, других и мире. Эволюционное значение тревоги заключается в способности людей предсказывать приближающуюся опасность [19] и убеждения, сформированные в онтогенезе, позволяет лучше адаптироваться к особенностям окружающей среды. Зачастую существующие приводят к интенсивному переживанию тревоги и к неадаптивным стратегиям ее снижения, например, агрессии или избеганию.

Разновидностью тревоги является социальная тревога. Данный феномен определяют как состояние, возникающее в ответ на социальное взаимодействие [5].

Ее причиной является беспокойство быть изученным и негативно оцененным другими, сопровождающееся специфическим поведением в виде избегания других людей [12]. Пагубное воздействие социальной тревоги на социальное поведение в неклиническом диапазоне ограничено обострением наблюдаемых физических симптомов тревоги с незначительным влиянием на качество повседневной жизни и работы [20]. Однако тревога при длительном переживании и наличии травмирующих событий переходит в клинический диапазон, при котором человек будет стремиться избежать любых социальных контактов.

Нарциссизм понимается как «устойчивое длительное состояние и как субклиническое свойство личности, которое характеризуется грандиозным чувством значимости, поглощенностью фантазиями, верой в собственную уникальность, потребностью в постоянном внимании и восхищении, ожиданием особого отношения, манипуляциями в межличностных отношениях, дефицитом эмпатии, сверхзанятостью, чувством зависти, дерзким, заносчивым поведением» [1, с. 86]. Формирование нарциссизма напрямую связано с неадекватными требованиями и стилем воспитания [3]. Социальная среда и личностные особенности способствуют формированию нарциссических признаков и поведения у человека. Такие средовые факторы, как слишком высокие ожидания родителей, непомерное поощрение за достижения, отсутствие эмоциональной поддержки, отсутствие здоровой самокритики и неумение принимать ошибки, приводят к развитию нарциссизма [8].

Вышеперечисленные факторы оказывают влияние на проявление тревоги в раннем возрасте и определяют ее вклад в убеждения о собственной уникальности человека и в ситуациях, в которых он не в состоянии доказать этого убеждения. Поэтому нарциссизм проявляется в двух формах – грандиозной и уязвимой. Обе формы объединяет основная суть нарциссического «Я» – это установка на собственную уникальность и превосходство, высокий уровень любви к себе. Поиск внимания и желание восхищения характерны как для грандиозного, так и для уязвимого нарциссизма. Однако между грандиозным и уязвимым нарциссизмом существуют и значительные различия, позволяющие разделять нарциссизм на уязвимый и грандиозный [17].

Дихотомию нарциссизма можно обнаружить в показателях Большой пятерки: уязвимый положительно связан с нейротизмом, отрицательно – с экстраверсией и доброжелательностью; грандиозный положительно коррелирует с экстраверсией, отрицательно – с нейротизмом (эмоциональной неустойчивостью) и доброжелательностью [15]. Связь с нейротизмом и обратная связь с экстраверсией говорит нам о склонности уязвимых нарциссов к аффективным переживаниям и избеганию социального взаимодействия, что выражается в сильной социальной тревоге и убеждении невозможности доказать свою уникальность.

В работах Sedikides S. и др. (2004) и Miller J. и др. (2011) раскрывается связь форм нарциссизма с психологическим стрессом: грандиозный нарциссизм имеет отрицательную или незначительную положительную связь с дистрессом, когда уязвимый нарциссизм положительно коррелирует с депрессией, тревогой,

враждебностью и паранойей [10, 16]. Враждебность в этом случае можно рассматривать как способ совладения со стрессовой ситуацией и маркер избегания общения.

В своей статье J. Brailovskaia и др. (2020) приводят результаты исследований об ориентации обеих форм нарциссизма на социальное взаимодействие: уязвимые нарциссы склонны к избеганию социальных контактов, характеризуются сниженным самопринятием, тревожностью и озлобленностью, тогда как грандиозные нарциссы, наоборот, склонны к социальному эксгибиционизму, агрессии, общительности, доминированию и самопринятию [22]. M. Weiss и др. (2022) описывает людей с выраженным уязвимым нарциссизмом как скрывающих убеждения о собственной грандиозности за скромностью или постыдностью самопрезентации из-за опасения, что желания восхищения не будут удовлетворены другими и нарциссы испытывают болезненный ущерб своей самооценке [23].

Уязвимые нарциссы обладают нестабильной самооценкой, что способствует более интенсивному переживанию тревоги при социальном взаимодействии. Из-за ощущения низкой социальной компетентности уязвимые нарциссы часто не получают внимания и восхищения от собеседников. Этот негативный опыт способствует повышению уровня социальной тревоги. Чтобы справиться с чувствами стыда и неполноценности, параноидального страха быть раскритикованным, отвергнутым или высмеянным, человек с выраженным уязвимым нарциссизмом либо отказывается от социальных взаимодействий, чтобы избежать вреда для своей психики, либо открыто вымещает агрессию на других людях или проявляет пассивную агрессию [14]. Поэтому мы можем выдвинуть гипотезу, что люди с признаками уязвимого нарциссизма, в отличие от людей с признаками грандиозного нарциссизма, чаще подвержены переживанию социальной тревоги и выбирают стратегии поведения для совладания с ней.

Заключение и выводы

Мы рассмотрели особенности переживания социальной тревоги с формами нарциссизма. Личностям с высоким значением грандиозного нарциссизма не свойственно переживание социальной тревоги, в отличие от уязвимых личностей. Последних характеризует застенчивость и низкая самооценка, и поэтому чем выше уровень этой формы нарциссизма, тем выше уровень переживаемой тревоги. Поэтому чтобы справиться со страхом быть раскритикованными или осмеянными, они либо уходят от социального взаимодействия, либо выражают свои агрессивные чувства к окружающим через активную или пассивную агрессию. Их убеждения приводят к установке, что они не справятся с социальными ситуациями, и становятся преградой на пути к развитию здоровых отношений и успешной адаптации в обществе.

С другой стороны, грандиозные нарциссы проявляют недостаточную осторожность и переоценку своих способностей, что приводит к трудностям в межличностных отношениях. Они склонны к недооценке рисков и считают, что способны справиться с любыми ситуациями, что в свою очередь приводит к неудачам и проявлению недоброжелательности с их стороны.

Важно отметить, что уязвимые и грандиозные нарциссы могут извлечь пользу из психологической поддержки и терапии, которая может помочь им развить более здоровые стратегии совладания с социальной тревогой. Понимание особенностей каждой формы нарциссизма позволит специалистам адаптировать методы работы с тревогой в зависимости от особенностей личности. Наша работа подчеркивает важность индивидуального подхода к терапии тревоги.

Список литературы

1. Андреева И.Н., Портнова П.Г. Взаимосвязи эмоционального интеллекта и эмоциональной креативности с ценностями у индивидов с различным уровнем нарциссизма // Веснік Магілёўскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.А. Куляшова. Серыя С. Псіхалага-педагагічныя навукі: педагогіка, псіхалогія, методыка. – 2023. – № 1 (61). – С. 86–92.
2. Дериш Ф.В. Половые особенности взаимосвязи Темной триады личности и эмоционального интеллекта [Электронный ресурс] // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2019. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polovye-osobennosti-vzaimosvyazi-temnoy-triady-lichnosti-i-emotsionalnogo-intellekta> (дата обращения: 20.06.2023).
3. Зверева В.С. Нарциссические черты характера у современной молодежи [Электронный ресурс] // Форум молодых ученых. – 2017. – № 9. – С. 332–335. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nartsissicheskie-cherty-haraktera-u-sovremennoy-molodezhi> (дата обращения: 28.06.2023).
4. Мисунов С.Н. Понятие тревожности // Вестник науки. – 2021. – Т. 1, № 2 (35). – С. 17–20.
5. Никитина И.В., Холмогорова А.Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. – Ч. 1 // Социальная и клиническая психиатрия. – 2010. – Т. 20, № 1. – С. 80–85.
6. Сидоров К.Р. Тревожность как психологический феномен // Вестник Удмуртского университета. Серия Философия. Психология. Педагогика. – 2013. – № 2. – С. 42–52.
7. Тихомирова С.В. Индивидуальное переживание как психологический феномен: структура, типы, функции, методы исследования // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – № 6.
8. Трошина А. Понятия «нарциссическая личность» и «нарциссические черты личности» в рамках психической нормы // Актуальные проблемы теории и практики психологических, психолого-педагогических и педагогических исследований : сб. тр. Междунар. науч.-практ. конф. «XV Левитовские чтения» (г. Москва, 15–16 апреля 2020 года) : в 3 т. – Т. 3 / М-во образования Моск. обл. ; Гос. образоват. учреждение высш. образования Моск. обл. ; Моск. гос. обл. ун-т, Фак. психологии. – М. : Перо, 2020. – С. 1229–1231.
9. Anxiety and cognitive performance: attentional control theory. Emotion [Электронный ресурс] / M.W. Eysenck, N. Derakshan, R. Santos, M.G. Calvo. – Washington, D.C., 2007. Vol. 7 (2). – P. 336–353. – URL: <https://doi.org/10.1037/1528-3542.7.2.336>.
10. Are Normal Narcissists Psychologically Healthy?: Self-Esteem Matters / C. Sedikides, E. Rudich, A. Gregg et al. // Journal of personality and social psychology. – 2004. – Vol. 87. – P. 400–416. – DOI: 10.1037/0022-3514.87.3.400

11. Association of adaptive and maladaptive narcissism with personal burnout: findings from a cross-sectional study / R. Von Känel, R.M. Herr, A.E.M. Van Vianen, B. Schmidt // *Ind Health*. – 2017. – Jun 8; Vol. 55 (3). – P. 233–242. – DOI: 10.2486/indhealth.2016-0136.Epub2017Jan25.PMID:28123136;PMCID: PMC5462639
12. Autistic Traits and Symptoms of Social Anxiety are Differentially Related to Attention to Others' Eyes in Social Anxiety Disorder / J.L. Kleberg, J. Högström, M. Nord et al. // *J Autism Dev Disord*. – 2017. – Vol. 47 (12). – P. 3814–3821. – DOI: 10.1007/s10803-016-2978-z.PMID:28000078;PMCID:PMC5676829
13. Beck A.T., Clark D.A. An information processing model of anxiety: automatic and strategic processes [Электронный ресурс] // *Behaviour research and therapy*. – 1997. – Vol. 35 (1). – P. 49–58. – URL: [https://doi.org/10.1016/s0005-7967\(96\)00069-1](https://doi.org/10.1016/s0005-7967(96)00069-1)
14. Blasco-Belled A., Rogoza R., Alsinet C. Vulnerable narcissism is related to the fear of being laughed at and to the joy of laughing at others // *Personality and Individual Differences*. – 2022. – DOI: 190.111536.10.1016/j.paid.2022.111536
15. Clarke I., Karlov L., Neale N. The many faces of narcissism: Narcissism factors and their predictive utility // *Personality and Individual Differences*. – 2015. – Vol. 81. – P. 90–95. – DOI: 10.1016/j.paid.2014.11.021
16. Grandiose and Vulnerable Narcissism: A Nomological Network Analysis / J. Miller, B. Hoffman, E. Gaughan et al. // *Journal of Personality*. – 2011. – Vol. 79. – 1013–1042. – DOI: 10.1111/j.1467-6494.2010.00711.x
17. Grandiose and vulnerable narcissism, identity integration and self-control related to criminal behavior [Электронный ресурс] / S. Bogaerts, C. Garofalo, E. De Caluwé et al. // *BMC Psychol*. – 2021. – Vol. 9. – P. 191. – URL: <https://doi.org/10.1186/s40359-021-00697-1>
18. Jefferies P., Ungar M. Social anxiety in young people: A prevalence study in seven countries // *PLoS One*. – 2020. – Sep 17; 15 (9). – e0239133. – DOI: 10.1371/journal.pone.0239133.PMID:32941482;PMCID:PMC7498107
19. Rnic K., Dozois D.J., Martin R.A. Cognitive Distortions, Humor Styles, and Depression // *Eur J Psychol*. – 2016. – Aug 19; 12(3). – P. 348–62. – DOI: 10.5964/ejop.v12i3.1118.PMID:27547253;PMCID:PMC4991044
20. Social anxiety increases visible anxiety signs during social encounters but does not impair performance [Электронный ресурс] / T. Thompson, N. Van Zalk, C. Marshall et al. // *BMC Psychol*. – 2019. – Vol. 7. – P. 24. – URL: <https://doi.org/10.1186/s40359-019-0300-5>
21. Starlinger A., Voracek M., Tran U. Vulnerable narcissism and the dark factor of personality: Insights from a cross-validated item-level and scale-level factor-analytic approach. *Personality and Individual Differences*. – 2021. – 185. – DOI: 111283.10.1016/j.paid.2021.111283
22. The anxious addictive narcissist: The relationship between grandiose and vulnerable narcissism, anxiety symptoms and Facebook Addiction / J. Brailovskaia, E. Rohmann, H.W. Bierhoff, J. Margraf // *PLoS One*. – 2020. – Nov 2; Vol. 15 (11). – e0241632. – DOI: 10.1371/journal.pone.0241632.PMID:33137131;PMCID: PMC7605684
23. Weiss M., Huppert J.D. Shy, but why? Vulnerable narcissism and avoidant personality in terms of explicit and implicit interpretation bias and social acceptance [Электронный ресурс] // *Curr Psychol*. – 2022. – URL: <https://doi.org/10.1007/s12144-022-03250-4>

УДК 159.96

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-22-33

Шевкова Елена Викторовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии

e-mail: eshevkova@gmail.com

Малеев Дмитрий Сергеевич

студент VI курса специальности «Клиническая психология»

e-mail: dimitriymaleev@yandex.ru

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОДИТЕЛЕЙ, ПРАКТИКУЮЩИХ ОПАСНЫЙ СТИЛЬ ВОЖДЕНИЯ

Elena V. Shevkova

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology

e-mail: eshevkova@gmail.com

Dmitriy S. Maleev

6th Year Student of the Specialty "Clinical psychology"

e-mail: dimitriymaleev@yandex.ru

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva St., 614990, Perm, Russia*

PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF DRIVERS PRACTICING A DANGEROUS DRIVING STYLE

Аннотация. В статье раскрывается понятие «опасный стиль вождения». Описываются разновидности опасного и безопасного вождения, факторы опасного вождения с учетом выявленных с ним взаимосвязей с индивидуальными (пол, возраст) и личностными характеристиками (переменные из Большой пятерки, агрессивность, нарциссизм, локус контроля, ведущие ценности, эмпатические способности). Результаты проведенного на выборке из 40 водителей анкетирования восполняют недостаток сведений об отвлеченном вождении. Разработана классификация комплексных отвлечений по типу их

направленности, выделены критерии для опасного отвлечения. Составлены рекомендации по противодействию опасному вождению.

Ключевые слова: опасное/безопасное вождение, стиль вождения, личностные характеристики водителя, агрессивное вождение, отвлеченное вождение, высокоскоростное вождение, агрессивность, нарциссизм, локус контроля, доброжелательность, добросовестность, нейротизм, эмпатия.

Abstract. The article reveals the concept of "dangerous driving style". It describes the varieties of dangerous and safe driving, the factors of dangerous driving, taking into account the connection of dangerous driving with individual (gender, age) and personal characteristics (variables from the Big Five, aggressiveness, narcissism, locus of control, leading values, empathic abilities). The results of a survey conducted on a sample of 40 drivers compensate the lack of information about distracted driving. The classification of complex distractions according to their orientation has been developed, the criteria for dangerous distraction have been identified. The recommendations have been compiled to counteract dangerous driving.

Key words: dangerous driving/safe driving, driving style, personal characteristics of the driver, aggressive driving, distracted driving, high-speed driving, aggressiveness, narcissism, locus of control, agreeableness, consciousness, neuroticism, empathy.

Введение

За 2020 г. в России произошло 145 тысяч ДТП, в которых погибло свыше 16 тысяч человек, 183 тысячи получили ранения разной степени тяжести [13]. Статистика свидетельствует, что подавляющее большинство ДТП происходит по вине водителей, которые либо сознательно нарушают ПДД, проявляя тем самым грубое пренебрежение к их соблюдению, либо допускают небрежное отношение к вождению, легкомысленно оценивая дорожную обстановку. О. Таубман Бен-Ари пишет, что человеческий фактор в вождении проявляется в двух элементах: навыки (умения) вождения и стиль вождения [Цит по: 6]. Умения совершенствуются с практикой или дополнительным обучением вождению. А стиль вождения может меняться в сторону небезопасных стилей даже при совершенствовании умений.

Понятие «опасное вождение»

Психологи С.S. Dula и E.S. Geller впервые предложили термин «опасное вождение» для описания трех основных классов потенциально опасного поведения за рулем в виде: а) умышленных физических, вербальных или жестикоуляционных проявлений агрессии с целью причинения физического и/или психологического вреда; б) нарушения обработки информации в результате снижения когнитивных функций или актуального эмоционального состояния (например, злость и фрустрация во время вождения); в) рискованного поведения (например, превышение скорости, проезд на красный свет, частое перестроение из ряда в ряд, отвлечение внимания, вождение в состоянии

алкогольного опьянения) [Цит. по: 3]. Даже снижение когнитивных функций в силу возраста говорит об опасном вождении исходя из формулировки определения выше. В дальнейшем следует учесть, что мы будем говорить не об индивидуальных стилях вождения, присущих конкретному водителю, а о выделенных разными авторами типах вождения.

Виды опасного вождения

Агрессивный стиль управления автомобилем – мотивированное поведение водителя, проявляющееся как совокупность его действий по управлению транспортным средством, связанных с осознанным и преднамеренным созданием помех, которые несут угрозу жизни и здоровью окружающих или увеличивают вероятность возникновения дорожно-транспортных происшествий [12]. Таким образом, движение на высокой скорости, например, с желанием «подрезать», будет считаться агрессивным, а движение на высокой скорости с желанием водителя испытать острые ощущения от нее или успеть на встречу будет считаться *высокоскоростным* даже с вынужденными «подрезаниями», так как нет желания причинить вред другому на дороге. Также *отвлеченное* вождение в виде любой деятельности, отвлекающей внимание водителя от управления, влияет на общий стиль вождения. Например, у водителя выявлена склонность к безопасному поведению за рулем, но когда дело доходит до взаимодействия со смартфоном, стиль вождения становится значительно более беспорядочным: возникает много колебаний в скорости движения, дистанции от автомобиля впереди и т.д. Опасное вождение может быть и в виде *низкоскоростного* движения, в связи с чем порождать агрессию от других водителей. Большинство экспертов указывают на 2 полярные категории в опасности вождения: небезопасное (опасное), куда входят все вышеперечисленные разновидности, и безопасное вождение. Поэтому укажем те подходы, в которых наиболее выражено это деление. По Н. Астрейко, к небезопасным стилям, помимо уже рассмотренных нами *агрессивного* и *высокоскоростного*, добавляется *диссоциативный*, в проявлении которого лишь частично могут участвовать отвлечения (в основном когнитивные и связанные с ними визуальные отвлечения) [1]. *Диссоциативный* стиль – необдуманная и безответственная езда с непреднамеренным нарушением правил дорожного движения [16, 18]. Действительно, непродуманный маршрут, изменение его по ходу движения, надежда при маневрировании только на уступчивость других водителей, ошибки в управлении ввиду отвлечений или недостаточного опыта могут повлечь предаварийные и аварийные ситуации. О. Таубман-Бен-Ари в безопасных выделяет 2 стиля: «терпеливый, осторожный, спокойный», который характеризуется внимательностью к дороге (к дорожным ситуациям), соблюдением ПДД; и «напряженный», который характеризуется напряженностью, тревогой и неэффективностью навыков саморегуляции [Цит. по: 2; 17]. Благодаря выделению в каждом стиле ведущих типов эмоций [Цит. по: 6, 11] О. Таубман-Бен-Ари удается помимо отчасти высокоскоростного предусмотреть еще один вариант вождения в широкой категории «безрассудного, безответственного» вождения, когда рискованные

маневры совершаются уже на средней или низкой скорости с целью получения положительных эмоций от риска.

Таким образом, в определении типа опасного вождения следует исходить из мотивации и ведущего типа эмоций водителя, а также визуальных признаков вождения.

Место опасного вождения в законодательстве

Понятие «опасное вождение» также представлено на законодательном уровне и отличается своей специфичностью в разных странах. Рассмотрим его положение в российском законодательстве как одном из регуляторов жизни нашего общества (п. 2.7 ПДД от 2016 г.). Необходимость обращения к отечественному законодательству вызвана тем, что в определении опасного вождения игнорируется поведение водителя за рулем, которое может сказаться на снижении управляемости автомобиля и привести к ДТП. Опасное вождение в п. 2.7 – это «неоднократное совершение одного или совершение нескольких следующих друг за другом действий, заключающихся в невыполнении при перестроении требования уступить дорогу транспортному средству, пользующемуся преимущественным правом движения, перестроении при интенсивном движении, когда все полосы движения заняты, кроме случаев поворота налево или направо, разворота, остановки или объезда препятствия, несоблюдении безопасной дистанции до движущегося впереди транспортного средства, несоблюдении бокового интервала, резком торможении, если такое торможение не требуется для предотвращения дорожно-транспортного происшествия, препятствовании обгону, если указанные действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба» [8, с. 79]. Как мы можем видеть, все перечисленное в определении выше связано исключительно с передвижением автомобиля. Оказались не охваченными посторонние действия водителя за рулем (отвлеченное вождение), которые могут повлиять на это движение при резкой смене обстановки на дороге и также могут фиксироваться камерами видеонаблюдения и сотрудниками ДПС. Зафиксировать перечисленные в статье нарушения и объединить в одно нарушение на дороге сложно, потому что трактовка имеет собирательный характер: включает другие нормы ПДД. Некоторые из перечисленных нарушений можно зафиксировать только в случае возникновения дорожно-транспортного происшествия (например, дистанция безопасна до тех пор, пока не произойдет ДТП). Также можно создавать опасность от управления автомобилем и без нарушения ПДД, которые к тому же в разных странах отличаются, поэтому определение C.S. Dula и E.S. Geller более широко рассматривает опасность вождения. Отвлеченное вождение наказывается в российском законодательстве штрафами за контактирование с телефоном рукой за рулем (п. 2.7 ПДД) и за отвлечение водителя пассажиром (п. 5.2 ПДД). Штраф за последнее нарушение встречается крайне редко из-за простоты контроля над ситуацией у водителя. Высокоскоростное вождение

регулируется законодательством в полной мере. Агрессивное вождение по большей части представлено п. 2.7.

Таким образом, данный юридический экскурс показывает, что водитель как субъект с психологическими предикторами вождения выпадает из представления об опасном вождении в российском законодательстве. Наша задача – за счет рассмотрения психологических аспектов продемонстрировать расширенный подход в изучении опасного вождения.

Факторы опасного вождения

Говоря о факторах опасного вождения, мы подразумеваем те условия, которые не являются причинами, но предрасполагают к опасному вождению. Среди них выделяют факторы внешней среды: дорожные, погодные условия, транспортный поток, конструкция автомобиля (например, неудобное размещение кресла и т.д.) и отдельно отвлекающие факторы из внешней среды (например, разговор) [3]. Также, как мы полагаем, существуют факторы внешней среды, влияющие на характер вождения вне конкретной ситуации вождения. Их особенность в том, что пока определенные модели поведения не усвоятся водителем, эти факторы не могут начать воздействовать на вождение: ближайшее социальное окружение (например, обучение опасному вождению родственниками, друзьями), киноиндустрия (например, фильмы про уличных гонщиков), пропаганда в Сети (например, демонстрация опасного вождения публичными людьми) и т.д. К группе факторов внутренней среды относят: возраст водителя (самые высокие риски в случае молодых и пожилых), общее состояние (физическое и психоэмоциональное), вождение под воздействием лекарств, которые ухудшают психомоторные реакции, нарушение сенсорных анализаторов и неврологические, когнитивные нарушения, вождение под воздействием алкоголя и наркотиков, личностные характеристики и т.д. [3]. К видам отвлеченного вождения, которые соответствуют одноименным отвлекающим факторам, относят (по способу отвлечения): визуальные (отвлечение взгляда от дороги) и слуховые, ручные (маневрирование руками, отрыв их от руля), когнитивные (несосредоточенность на процессе вождения) отвлечения [9]. Часто эти виды на практике связаны между собой. Например, переписка в смартфоне включает в себя просмотр экрана (визуальное отвлечение), обдумывание переписки (когнитивное отвлечение), набор текста (ручное отвлечение). Классификация по местоположению отвлекающего фактора возможна относительно салона автомобиля: все, что происходит снаружи автомобиля и внутри него. То есть помимо того, что за рулем возможно принимать пищу, курить, разговаривать с пассажирами и пользоваться звонками, водителей также отвлекает происходящее снаружи: ярко окрашенные вывески, экраны, пешеходы и т.д.

Таким образом, факторы опасного вождения можно применить для описания условий, предрасполагающих к более конкретным его видам. Также отвлекающие факторы вполне согласуются с классификацией факторов всего опасного вождения. Это подчеркивает, что предложенные классификации на разных уровнях детализации опасного вождения не противоречат друг другу и могут использоваться для дополнения.

Взаимосвязь опасного вождения с индивидуальными и личностными характеристиками

Выявлены взаимосвязи опасного вождения с индивидуальными характеристиками. Так, данные о различиях водителей по полу, полученные в исследованиях, противоречивы [15]. Исследование водителей Новой Зеландии, Великобритании, Ирландии, Малайзии, Турции продемонстрировало, что агрессивное поведение на дороге коррелирует с юным возрастом водителя [23], что подтверждалось и у других авторов [13]. Согласно результатам белорусского и российского исследований, агрессивное поведение во время дорожного движения не зависит от наличия образования [7, 13].

Выявлены также взаимосвязи опасного вождения с личностными характеристиками. В продолжении исследования среди водителей на выборке из пяти стран, названных выше, продемонстрировано, что агрессивное поведение на дороге коррелирует и с нарциссизмом [23], что подтвердилось также на выборках из других стран [19]. Полученные связи опасного вождения с нейротизмом противоречивы, как и с экстраверсией, от исследования к исследованию [21]: меняется характер, наличие связи, наблюдается большая взаимосвязь с отдельными подшкалами. Например, аспект тревожности в нейротизме, вероятно, побуждает человека испытывать беспокойство, чтобы больше соблюдать правила безопасности, поэтому и выделяется на фоне меньшей силы связи опасного вождения с другими аспектами нейротизма. По данным Н. Астрейко, безопасные стили положительно коррелируют с доброжелательностью и добросовестностью. Локус контроля связан с агрессивным и осторожным стилями вождения: чем выше у водителя выражена интернальность, тем больше его действия принимают агрессивный или осторожный (тщательное планирование действий) характер [1]. По результатам исследования О. Таубман-Бен-Ари, поиск новых ощущений положительно коррелирует с «безрассудным, безответственным» вождением (при определенных условиях аналогом высокоскоростного стиля вождения) и отрицательно – с «осторожным, спокойным, терпеливым» стилем вождения автомобиля [цит. по: 1]. По Б. Эдвардсу, агрессивность положительно взаимосвязана с агрессивным вождением [19]. Ценности доброты и безопасности, выраженные у водителей, оказалось, коррелируют с осторожным вождением [2]. Высокая когнитивная эмпатия отрицательно связана с девиациями вождения на дороге, которые, к сожалению, не были выделены в отечественном исследовании достаточно детально [13].

Варианты отвлечений за рулем

Поскольку когнитивные, визуальные и моторные (ручные) отвлечения часто встречаются на практике вместе, и отвлечений за рулем совсем не избежать, оказывается затрудненным понимание отвлеченного вождения ввиду отсутствия систематизации комплексных отвлечений и критериев для их выделения. Мы расширили классификацию из трех видов отвлечений за счет рассмотрения их сочетаний, т.е. комплексных отвлечений. Ввиду многообразия таких сочетаний выделили критерии, на основании которых можно было бы учитывать отвлечение как опасное, разделили отвлечения по типу

направленности, сформировав список, провели анкетирование с целью его расширения и определения распространенных видов отвлечений.

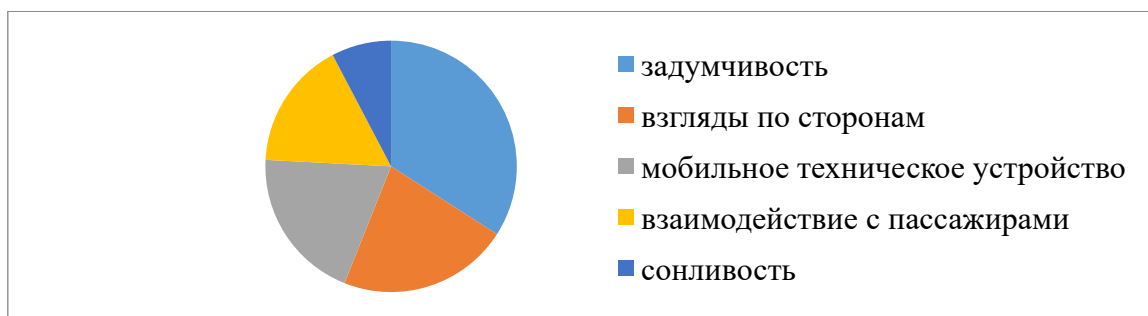
Было проведено анкетирование на выборке из 40 испытуемых – водителей в возрасте от 18 до 70 лет, уравниваемой по полу (за исключением водителей как профессиональной категории). В мини-анкете была просьба уточнить, какие самые частые отвлечения в списке возникают у респондентов, когда они находятся за рулем и движутся куда-то, производя все действия, не выезжая с дороги. Предлагалось выбрать не более 5 групп, чтобы результаты представляли ценность. Внутри каждой группы в выборе себя можно было не ограничивать. Также была возможность дополнить список отвлечений. Популярность подсчитывалась по количеству совпадений ответов.

По результатам проведенного нами анкетирования не был дополнен (все добавленные варианты можно отнести к той или иной уже представленной группе отвлечений), но был проранжирован по популярности список, включающий в себя 15 возможных одиночных отвлечений и групп отвлечений с разным уровнем детализации. Ключевыми в их отборе для нас стали возможность исключения, возможное *отвлечение по времени дольше 3 секунд* («правило 3 секунд» – время, по истечении которого отвлечение может привести к ДТП), *независимость от внешних условий, проявляющихся на пути следования (погодных условий, времени суток и т.д.)* и возможная частая встречаемость (нередко отвлечение, соответствующее первым двум критериям, не может быть частым, например, замена батарейки в ключе). Список возможных отвлечений: уход за собственной внешностью (бритье, макияж, причесывание, использование крема, чистка одежды, ее переодевание и т.д.); употребление напитков; прием пищи; курение; пользование мобильным техническим устройством (смартфоном, планшетом (например, звонки, сообщения, просмотр новостной ленты) напрямую и дистанционно, а также электронной книгой и т.д.); отвлечение на мультимедийную систему автомобиля с ее осмотром за исключением мониторинга основных показателей (навигация, поиск радиоволны или другая настройка аудиоконтента с визуальным отвлечением на магнитола или кнопки на руле, просмотр видео и т.д.); взаимодействие с пассажирами (дети, взрослые, домашние животные); разглядывание отдельного предмета дольше 3 секунд или (и) взаимодействие с ним (например, аксессуар для украшения приборной панели, сумка (ее отделения и содержимое), рычаг МКП (характерно для новичков-водителей)); громкое прослушивание музыки; взгляды за стекло по сторонам (изучение всего, что не влияет на маршрут (направление движения и остановки) автомобиля: обзор зданий, водителей и пассажиров в соседних авто, придорожной рекламы и т.д.); сексуальная активность; поиск и дотягивание до предметов, расположенных дальше расстояния вытянутой руки; сонливость; задумчивость (погруженность в свои мысли: принятие решений, построение планов, вспоминание, фантазирование); прием лекарств. В списке также есть специфичные отвлечения (например, курение – исключительно у курящих).

По результатам анкетирования наиболее частым отвлечением стала задумчивость (77,5 % респондентов включили в свой лидерский список)

(рисунок). Второе место по популярности заняли взгляды за стекло по сторонам (изучение местности, не связанной с маршрутом автомобиля) (50 % респондентов). Третье – отвлечение на мобильное техническое устройство: телефон (45 %) с большим преимуществом (среди его функций звонки за рулем наиболее популярны). Место телефона в лидерах было очевидно еще и потому, что если это смартфон, то даже действия, которые были вынесены в список отдельно, могут быть осуществлены и с помощью этого многофункционального устройства (например, уход за внешностью при помощи фронтальной камеры или навигация по местности и т.д.). Четвертое по популярности отвлечение – взаимодействие с пассажирами (37,5 % респондентов включили в свой перечень). Пятое – сонливость (17,5 %). Все остальные варианты заметно отстают от вариантов из первой пятерки не только из-за их специфичности, но и из-за снижения частоты неспецифичных отвлечений: взаимодействие с мультимедийной системой посредством наблюдения (в ней – поиск радиоволны или другая настройка аудиоконтента с большим преимуществом), прием пищи и т.д. (в порядке снижения популярности ответов).

Процентное соотношение популярных отвлечений за рулем у 40 респондентов-водителей

Таким образом, разработанные критерии опасности отвлечения, сформированный список комплексных отвлечений, разделенных по направленности, позволяют более точно определить отвлеченное вождение ввиду отсутствия у него, в отличие от других часто выделяемых типов опасного вождения, строгого понимания главного характеризующего признака в виде наличия опасного отвлечения. То есть неутонченными у опасного отвлечения оставались его достаточная по времени разовая продолжительность, независимость от условий внешней среды, проявляющихся на пути следования, частая встречаемость. Первый критерий – обязательный, два других – усугубляющие опасность.

Контроль опасного вождения: рекомендации водителю

Полученные данные о распространенности отвлечений в анкетировании дали возможность составить рекомендации по контролю над опасностью за рулем.

При задумчивости за рулем снижение концентрации внимания к дороге возможно на фоне однотипности маршрута. Такая однотипность более предпочтительна для водителя из-за «эффекта (хорошо) знакомого маршрута»

[20], когда человек отдает предпочтение более знакомой дороге вопреки даже объективным показателям. Однотипность маршрута сопровождается не только неменяющейся дорожной обстановкой, но и действиями водителя, которые могут быть доведены до автоматизма. В таком случае, аналогично рекомендациям И. Носковой [10], можно заранее кардинально менять маршрут поездки или усложнять уже существующий (например, за счет добавления промежуточных остановок с построением новых пешеходных маршрутов). Изучение местности, не связанной с маршрутом автомобиля, определено, лучше исключить. Чтобы не отвлекаться на мобильное техническое устройство, лучше убрать его из поля зрения. По возможности не взаимодействовать с ним даже исключительно голосом, так как в использовании всех устройств и приложений с возможностью голосового управления лежит ошибочное убеждение, что если взгляд устремлен на дорогу, а руки находятся на руле, то водитель сконцентрирован на вождении. В этом случае по-прежнему присутствует когнитивное отвлечение [4]. Для противодействия когнитивному отвлечению на Android возможно использование бесплатного приложения под названием Driving Detective. Оно распознает, если водитель находится за рулем (движется с нетипичной для человека скоростью), после чего автоматически активирует функцию «Не беспокоить» (аналог «Не беспокоить во время вождения» как встроенной функции, которую при наличии тоже можно использовать). При частом взаимодействии водителя с пассажирами рекомендация может заключаться в том, чтобы позволить другим говорить большую часть времени, при этом разговоры с активным участием водителя отложить на период после остановки автомобиля. Против отвлеченного вождения, связанного с сонливостью, можно рекомендовать по мере снижения эффективности: сон во время остановки (20–30 минут; при употреблении кофеиносодержащего напитка – 15–20 минут до начала действия кофеина) и воздействие коротковолнового (голубого) света от экрана цифровых устройств в ночное время во время остановки (например, прохождение видеоигры), запаховую стимуляцию (тонизирующие запахи, например, запахи лимона, перечной мяты) и понижение температуры окружающей среды [9, 14, 22]. Также для психической мобилизации рекомендуются дыхательные практики: глубокий вдох, после резкий и быстрый выдох [5]. При взаимодействии водителя с информационно-развлекательной системой, вероятно, будет лучше заранее изучить ее возможности и действовать на ощупь, тем самым сократив количество отвлечений, либо остановиться. Принятие пищи определено требует остановки. Рассчитанные почти на весь спектр отвлечений выше системы для отслеживания взгляда водителя, устанавливаемые в салоне автомобиля, эффективны для контроля отвлечений, но весьма дорогостоящи.

Нами также сформулированы рекомендации для контроля агрессивного вождения по аналогии с агрессивным поведением вне водительской практики и для контроля высокоскоростного вождения. Для профилактики агрессивного вождения во время остановок можно использовать дыхательные техники (глубокий вдох и медленный продолжительный выдох), прогрессивную мышечную релаксацию по Джекобсону за счет сильного напряжения

отдельных групп мышц в течение 7–8 секунд и перерыва в течение 3–4 секунд (рекомендуем начать с напряжения мышц кистей, например, с сильного захвата рулевого колеса, на следующих остановках продолжать создавать напряжения по направлению к лицевым мышцам, затем после напряжения мышц лба перемещать напряжение по направлению к мышцам стоп по дублирующимся и новым участкам (глаза – рот – шея – грудная клетка – живот – нижние конечности)) [5]. Для прекращения и предотвращения высокоскоростного поведения, возможно, будет эффективной когнитивная работа: к примеру, оценить преимущества такой езды с учетом рисков (например, на участке пути длиной 50 км движение со скоростью 90 км/ч, вместо 105 км/ч, экономит около 5 минут времени). Прибегание к техническим устройствам контроля за скоростью также можно стать эффективной мерой: можно обезопасить себя установкой сигнализатора превышения заданной скорости автомобиля, устройства, предназначенного для подачи светозвуковой сигнализации в случае превышения заданной водителем скорости.

Таким образом, при составлении рекомендаций мы учли возможности ограничения поведения водителей со стороны технических устройств и возможности самоограничения у самих водителей. Со стороны технических устройств удалось выявить наиболее полезные уже встроенные функции, эффективные и доступные приложения, устройства. Данные рекомендации могут быть реализованы сотрудниками ДПС в рамках профилактической работы с остановленными нарушителями ПДД, виновниками ДТП во время разбора.

Заключение

Таким образом, опасное вождение включает в себя: отвлеченное, агрессивное, (высоко-) низкоскоростное вождение. Данный список, очевидно, не конечен, и в зависимости от других авторских подходов опасное вождение может включать иные варианты поведения за рулем. В определении типа опасного вождения следует исходить из мотивации и ведущего типа эмоций водителя, а также визуальных признаков вождения.

Выделены факторы опасного вождения (факторы риска) – условия, которые могут его провоцировать: факторы внутренней среды (непосредственно водитель) и факторы внешней среды. Последние мы подразделили на воздействующие на водителя в дороге и вмешивающиеся вне конкретной ситуации вождения. Для отвлеченного вождения выделены факторы по способу дальнейшего отвлечения: ручные, визуальные (слуховые) и когнитивные факторы (каждому отвлекающему фактору соответствует одноименный способ отвлечения); по местоположению отвлекающего фактора относительно салона автомобиля: в пределах и за пределами салона автомобиля.

Анализ эмпирических исследований, посвященных изучению взаимосвязей индивидуальных и личностных характеристик с опасным стилем вождения, выявил переменные, связь с которыми за последнее время неоднократно подтверждалась или впервые была выявлена. Это возраст водителя, нарциссизм, агрессивность, склонность к поиску новых ощущений, локус контроля, ведущие ценности, эмпатические способности у водителя.

Анализ результатов анкетирования водителей позволил восполнить недостаток описания в научной литературе видов опасного отвлечения:

выделить и обосновать критерии опасности отвлечения (основной – достаточная разовая продолжительность во времени, дополнительные – независимость от условий внешней среды, проявляющихся на пути следования, частая встречаемость), с их учетом систематизировать комплексные отвлечения у водителей за рулем по направленности.

Благодаря анализу популярных отвлечений по результатам анкетирования, ограничительных возможностей автомобильных устройств, мобильных функций и приложений сформулированы рекомендации для водителей по трем видам опасного вождения. Наиболее эффективным способом для борьбы на индивидуальном уровне с отвлеченным вождением являются самоограничения ввиду предусмотренности экстренного отключения у любого технического ограничения, чем может воспользоваться водитель для совершения отвлечения во вполне штатной ситуации; с агрессивным – прогрессивная мышечная релаксация по Джекобсону, дыхательные техники; с высокоскоростным – оценка соотношения эффективности и опасности данного способа вождения и установка сигнализатора превышения заданной водителем скорости.

Список литературы

1. Астрейко Н.С. Личностные факторы стиля вождения автомобиля // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. – 2019. – № 1. – С. 117–124.
2. Боровская И.В. Социально-психологические факторы поведения водителей на дороге : магистер. дис. : 37.04.01 / СПбГУ. – СПб., 2017. – 123 с.
3. Булыгина В.Г., Дубинский А.А., Шпорт С.В. Психология высокорискового вождения (обзор зарубежных исследований) // Психология и право. – 2016. – № 6 (1). – С. 72–92.
4. Гришин А.В., Ветрова О.А. Особенности применения средств автоматического контроля в области дорожного движения как средства профилактики отвлечения внимания водителя во время вождения // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования : сб. науч. ст. / Орлов. юрид. ин-т МВД России им. В.В. Лукьянова. – Орел, 2022. – С. 91–96.
5. Иванов С. Психологическая помощь в преодолении последствий агрессивного поведения // Клиническая и специальная психология. – 2017. – № 6 (4). – С. 168–186.
6. Лобанова Ю.И. Вождение как деятельность, поведение и стилевая характеристика // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 5 (4). – С. 97–107.
7. Лукинич М.И., Матюшкова С.Д. Агрессивное поведение участников дорожного движения – проблема современного города // Повышение качества профессиональной подготовки специалистов социальной и образовательной сфер : сб. науч. ст. / ВГУ им. П.М. Машерова. – Витебск, 2018. – С. 160–162.
8. Майоров В.И., Бекетов О.И. О нормативно-правовом определении понятия опасного вождения в контексте законодательства об административных правонарушениях // Вестник Омской юридической академии. – 2017. – № 14 (1). – С. 77–81.
9. Ноговицына Е.М., Шилов С.Ю. Психофизиология невнимательности и утомляемости у водителей автотранспортных средств, отвлекающихся на электронные устройства // Медицина катастроф. – 2023. – № 1. – С. 51–56.

10. Носкова И.С. Когнитивная гимнастика // Медицинская сестра. – 2017. – № 5. – С. 22–25.
11. Пермякова О.Г., Горчаков Ю.Н., Овсянникова В.В. Транспортная психология : для студентов направления подготовки 23.03.01 «Технология транспортных процессов» : практикум. – Владивосток : Изд-во Дальневосточ. федерал. ун-та, 2021. – 88 с.
12. Петров В.Е. Психодиагностика склонности водителей к управлению транспортным средством в агрессивном стиле // Инновационное развитие. – 2017. – № 17 (12). – С. 216–217.
13. Проявления отклоняющегося поведения за рулем у россиян / А.А. Максименко, Е.А. Сафронова, О.С. Дейнека [и др.] // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 6. – С. 356–377.
14. Ткаченко О.Н., Дорохов В.Б., Дементенко В.В. Психофизиологические аспекты поддержания оптимального уровня внимания водителей при частично автоматизированном вождении автомобиля // Социально-экологические технологии. – 2020. – № 10 (4). – С. 482–509.
15. Ткаченко О.Н., Дорохов В.Б., Ермолаев В.В. Опросник DAХ и корреляты агрессивного поведения у водителей // Психология человека в условиях здоровья и болезни : материалы науч.-практ. конф. (г. Тамбов, 5–6 июня 2015 г.) / ред. Ю.Б. Чижев [и др.]. – Тамбов, 2015. – С. 389–393.
16. Фурманов И.А., Астрейко Н.С. Адаптация многофакторного опросника стиля вождения // Философия и социальные науки. – 2016. – № 2. – С. 88–93.
17. Шакирова Д.М., Фадеев В.С. Специфика культуры водителей в контексте проблемы безопасности дорожного движения // Вопросы студенческой науки. – 2019. – № 5 (33). – С. 464–469.
18. Шпорт С.В., Васильченко А.С., Шалимов Д.Р. Психологические маркеры опасного поведения на дорогах // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. – 2017. – № 6 (4А). – С. 118–133.
19. Edwards B.D., Warren C.R., Tubre T.C. The validity of narcissism and driving anger in predicting aggressive driving in a sample of young drivers // Human Performance. – 2013. – Vol. 26. – P. 191–210.
20. Zakay D., Block R. Prospective and retrospective duration judgments: an executive-control perspective // Acta Neurobiologiae Experimentalis. – 2004. – Vol. 64 (3). – P. 319–328.
21. Kan'ani K., Hor M., Hadi S. A study on personality features of accident agents through applying NEO-PI-R questionnaire // Interdisciplinary journal of contemporary research in business. – 2014. – Vol. 6. – P. 1–9.
22. Olfactory Facilitation of Takeover Performance in Highly Automated Driving / Q. Tang, G. Guo, Z. Zhang [et al.] // Human Factors. – 2021. – Vol. 63 (4). – P. 553–564.
23. Przepiorka A.M., Blachnio A., Wiesenthal D.L. The determinants of driving aggression among Polish drivers // Transportation Research Part F: Traffic Psychology and Behaviour. – 2014. – Vol. 27. – P. 69–80.

РАЗДЕЛ 2. ПСИХОЛОГИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

УДК 377.1:61-051

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-34-41

Жданова Светлана Юрьевна

доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии
развития

e-mail: svetlanaur@gmail.com

Ельцов Сергей Анатольевич

студент философско-социологического факультета, направления «Психология»

e-mail: sergey.eltsov2017@yandex.ru

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Пермь, Россия*

614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ У СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО УЧИЛИЩА

Svetlana U. Zhdanova

Doctor, Professor, Head of the Department of Developmental Psychology

e-mail: svetlanaur@gmail.com

Sergey A. Yeltsov

Student of Faculty of Philosophy and Sociology, Department of Developmental
Psychology «Psychology»

e-mail: sergey.eltsov2017@yandex.ru

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education

«Perm State National Research University»

15, Bukireva St., 614990, Perm, Russia

DYNAMICS OF DEVELOPMENT OF MOTIVATION OF EDUCATIONAL ACTIVITY OF STUDENTS OF MEDICAL SCHOOL

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме – изучению динамики развития мотивации учебной деятельности студентов первого и второго курсов медицинского училища. В ходе исследования был использован метод лонгитюда, применялись следующие методики: шкала

академической мотивации (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев и Е.Н. Осин, 2014), методика «Изучение мотивации обучения в вузе» Т.И. Ильиной. Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Кудымкарское медицинское училище».

В исследовании приняли участие студенты первого и второго курсов, обучающиеся по направлению «Сестринское дело». Полученные результаты исследования свидетельствуют о наличии значимых различий в мотивации учебной деятельности у студентов первого и второго курсов. Анализ результатов показал, что для студентов второго курса, по сравнению со студентами первого курса, характерны более высокие показатели познавательной мотивации, мотивации достижения, саморазвития, самоуважения, интроецированной мотивации и амотивации, также наблюдается рост показателей в отношении стремления овладеть профессией и получить диплом.

Ключевые слова: мотивация, мотивация учебной деятельности, динамика мотивации студентов медицинского училища.

Abstract. The article is devoted to an urgent problem – the study of the dynamics of the development of motivation of educational activity of students of the first and second year of medical school. In the course of the study, the longitudinal method was used, the following methods were used: the scale of academic motivation (Т.О. Gordeeva, О.А. Sychev and Е.Н. Osin, 2014), the methodology "Studying the motivation of studying at a university" by Т.И. Ilyina. The study was conducted on the basis of the State budgetary professional educational Institution "Kudymkar Medical School". The study involved first- and second-year students studying in the direction of "Nursing". The results of the study indicate that there are significant differences in the motivation of educational activities among first and second year students. The analysis of the results showed that second-year students, compared with first-year students, are characterized by higher indicators of cognitive motivation, achievement motivation, self-development motivation, self-esteem motivation, introjected motivation and amotivation, there is also an increase in indicators regarding the desire to master a profession and obtain a diploma.

Key words: motivation, motivation of educational activity, dynamics of motivation of medical school students.

Введение. В контексте проблем психологии образования особую актуальность представляет изучение мотивации обучающихся. Анализ литературы показывает, что в настоящее время достаточно много работ, посвященных данной тематике, вместе с тем обнаруживается дефицит психолого-педагогического знания в отношении изучения динамики мотивации, а также специфики ее проявления у учащихся медицинского училища. Обосновывая значимость изучения данного феномена у учащихся медицинского училища, следует отметить, что современная система среднего профессионального образования развивается и функционирует в новейших социально-экономических и политических условиях, которые определяют

основные направления и пути ее развития, предъявляют высокие требования не только к уровню теоретической подготовки выпускников медицинского училища, но и к их готовности к осуществлению профессиональной деятельности [10].

Одним из важных факторов, способствующих формированию успешности учебной деятельности и развитию профессиональных компетенций обучающихся, является мотивация. Проблема мотивации учебной деятельности относится к числу основных проблем психологии обучения [4]. Такой ее статус объясняется, с одной стороны, тем, что главной психологической характеристикой любой деятельности, в том числе и обучения, является мотивация [8, 9, 15]. С другой стороны, управление мотивацией учения позволяет управлять учебным процессом, что представляется весьма важным для достижения его успешности [14].

Определяя понятие мотивации, вслед за Е.П. Ильиным, как сложное интегральное психологическое образование, динамический процесс, побуждающий человека к сознательным действиям, следует отметить, что учебная мотивация является частным видом мотивации, включенной в учебную деятельность [2, 12].

Учебная мотивация определяется рядом факторов: образовательным учреждением, образовательной системой, где осуществляется учебная деятельность; субъектными особенностями обучающегося; организацией образовательного процесса; спецификой учебного предмета; субъектными особенностями педагога [3]. Мотивация учебной деятельности относится к числу личностных характеристик, является показателем успешности профессиональной подготовки будущего специалиста.

Начиная обучение в медицинском училище, вчерашний школьник сталкивается с рядом новых для него обстоятельств: во-первых, резко снижается уровень внешнего контроля над его деятельностью со стороны родителей и педагогов; во-вторых, изменяется структура самой учебной деятельности: мотивы учения дополняются и тесно переплетаются с профессиональными мотивами; в-третьих, происходит вхождение в новую социальную общность – «студенчество» [13].

Студенчество как социальная группа характеризуется особой социальной направленностью, которая проявляется в отношении к будущей профессии. Данное отношение формируется на основе правильного профессионального выбора, полноты и адекватности представлений учащихся о профессии [6]. У студентов первых курсов отношение к будущей профессии еще не является сформированным. Со временем на основе полученных профессиональных знаний и компетенций данное отношение становится устойчивым, характеризует профессиональную мотивацию личности [1]. Развитие устойчивых положительных мотивов учебно-профессиональной деятельности, а также профессионально значимых и социально значимых качеств личности способствует формированию готовности к осуществлению профессиональной деятельности, успешному выполнению профессиональных задач [5].

Методы. С целью изучения динамики мотивации, а также специфики ее проявления у учащихся медицинского училища нами было организовано и проведено специальное исследование. В ходе исследования в качестве организационного метода исследования был использован метод лонгитюда, в качестве психодиагностических методов исследования были использованы: шкала академической мотивации (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев и Е.Н. Осин, 2014), методика «Изучение мотивации обучения в вузе» Т.И. Ильиной [7, 11].

Для обработки полученных данных применялись методы математической статистики: осуществлялась описательная статистика, были использованы метод контент-анализа, t-критерий Стьюдента.

Исследование проводилось на базе Государственного бюджетного профессионального образовательного учреждения «Кудымкарское медицинское училище». В исследовании приняли участие студенты первого и второго курсов, обучающиеся по направлению «Сестринское дело». Общее количество обследованных составило 60 человек, по 30 человек в каждой группе. В первую группу вошли студенты 1-го курса – 30 человек, из них: 27 девушек и 3 юношей, в возрасте от 16 до 17 лет. Вторую группу составили студенты 2-го курса – 30 человек, из них: 25 девушек и 5 юношей в возрасте 17–18 лет.

Результаты. В ходе исследования были получены результаты, представленные в табл. 1.

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей академической мотивации у студентов медицинского училища первого и второго курсов

Показатели	Средние значения в группах		Т-критерий Стьюдента
	1 курс	2 курс	
Познавательная мотивация	14.20	16.33	-4.049**
Мотивация достижения	14.43	15.77	-2.203*
Мотивация саморазвития	14.37	15.67	-2.380*
Мотивация самоуважения	14.20	15.83	-3.398***
Интроецированная мотивация	14.10	15.83	-3.572***
Экстернальная мотивация	14.80	15.57	-1.583*
Амотивация	14.87	15.70	-1.531*

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Наглядное отображение полученных результатов представлено на рис. 1.

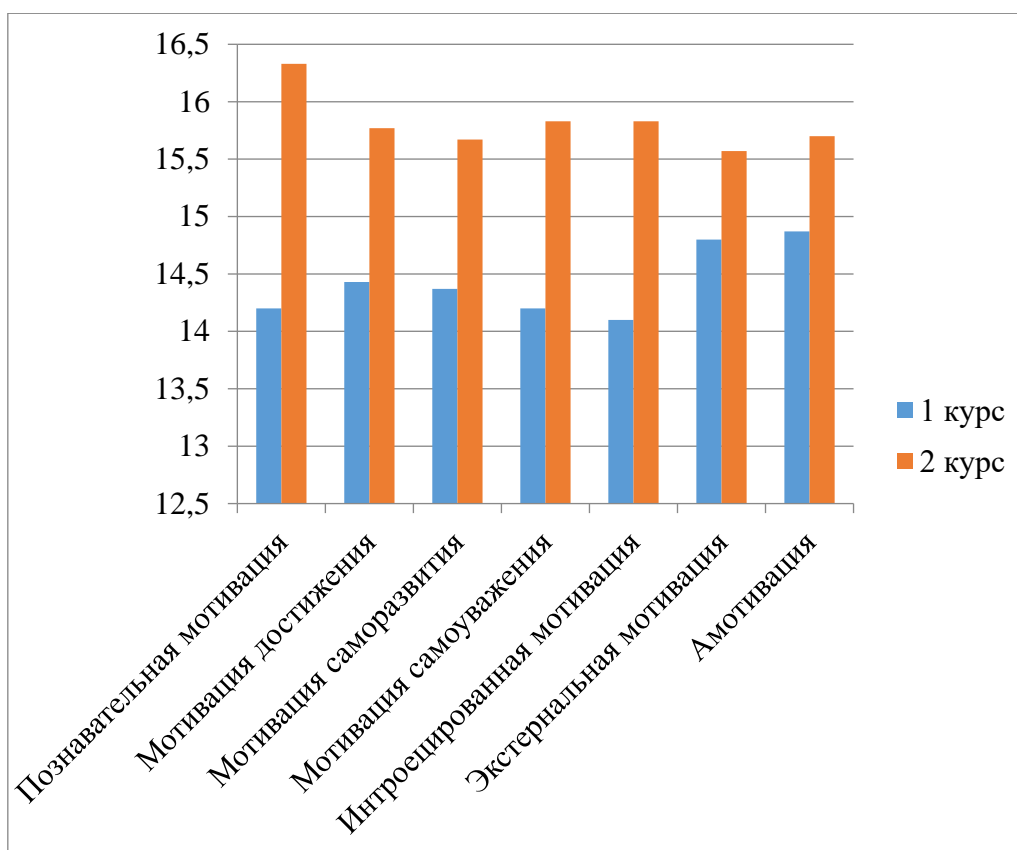

Рис. 1. Результаты сравнительного анализа академической мотивации студентов первого и второго курсов

Полученные данные, представленные в табл. 1 и на рис. 1, свидетельствуют о том, что учащихся первого курса, обучающихся по направлению «Сестринское дело», в меньшей степени, чем учащихся второго курса данного направления, характеризуют: познавательная мотивация ($t = -4.049$), мотивация достижения ($t = -2.203$), мотивация саморазвития ($t = -2.380$), мотивация самоуважения ($t = -3.398$), интроецированная мотивация ($t = -3.572$), экстернатальная мотивация ($t = -1.583$) и амотивация ($t = -1.531$). Анализ результатов позволяет заключить, что в процессе обучения по направлению «Сестринское дело» у учащихся второго курса наблюдается развитие мотивационной сферы, это проявляется в росте показателей познавательной мотивации, мотивации достижения, саморазвития, самоуважения, интроецированной и экстернатальной мотивации, амотивации.

Результаты сравнительного анализа мотивации учебной деятельности, полученные на основе методики Т.И. Ильиной, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Результаты сравнительного анализа мотивации учебной деятельности, полученные на основе методики Т.И. Ильиной

Показатели	Средние значения в группах		Т-критерий Стьюдента
	1 курс	2 курс	
Приобретение знаний	8.47	9.69	-2.685**
Овладение профессией	7.16	8.87	-4.199*
Получение диплома	7.02	8.85	-5.150*

Примечание. * – $p < 0,05$; ** – $p < 0,01$; *** – $p < 0,001$.

Наглядное отображение полученных результатов представлено на рис. 2.

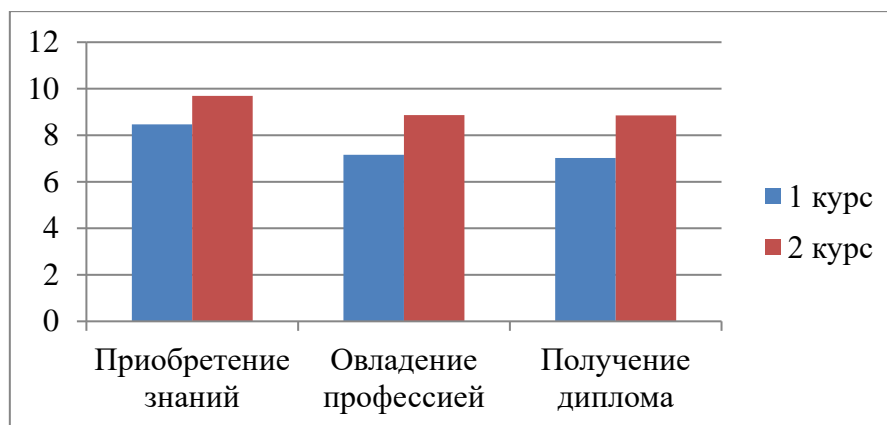

Рис. 2. Результаты сравнительного анализа мотивации студентов первого и второго курсов, полученные на основе методики Т.И. Ильиной

Как видно из табл. 2 и рис. 2, данные, полученные на основе методики Т.И. Ильиной, в целом подтверждают результаты исследования, полученные на основе методики изучения академической мотивации (Т.О. Гордеева, О.А. Сычев, Е.Н. Осин, 2014). Результаты исследования свидетельствуют о том, что у учащихся первого курса, обучающихся по направлению «Сестринское дело», в меньшей степени, по сравнению с обучающимися второго курса, наблюдаются такие виды мотивов, как: приобретение знаний ($t = -2.685$), овладение профессией ($t = -4.199$) и получение диплома ($t = -5.150$).

Выявленные различия позволяют говорить о динамике развития мотивационной сферы студентов первого и второго курсов, обучающихся по направлению «Сестринское дело».

Обсуждение. Полученные в ходе исследования результаты свидетельствуют о развитии мотивационной сферы учащихся медицинского училища по направлению «Сестринское дело». Результаты исследования показывают, что в процессе обучения у учащихся второго курса наблюдается рост показателей познавательной мотивации. Это проявляется в стремлении студентов узнавать новое, понять изучаемый материал, переживании таких эмоций, как интерес и удовольствие от процесса познания.

Студентов второго курса в большей мере характеризует рост показателей мотивации достижения, что проявляется в стремлении студентов добиваться максимально высоких результатов, испытывать удовольствие при решении трудных задач.

Для обучающихся второго курса характерны более высокие значения по показателям мотивации саморазвития. Их отличает развитие способностей, стремление достичь мастерства и компетентности в профессиональной деятельности.

Также для студентов второго курса в большей мере характерен рост, показателей мотивации самоуважения. Им в большей мере свойственно желание учиться ради ощущения собственной значимости, повышения самооценки за счет достижений в учебе.

Студентов второго курса отличают более высокие показатели интроецированной мотивации, что означает, что для учащихся свойственно побуждение к учебе, обусловленное ощущением стыда и чувства долга перед собой или другими людьми.

Для студентов второго курса, в сравнении со студентами первого курса, характерны более высокие значения показателей экстернальной мотивации. Это проявляется в том, что учащиеся второго курса в процессе учебной деятельности в большей мере ориентированы на требования социума.

В целом полученные данные позволяют утверждать, что студентов второго курса отличают более высокий интерес и осмысленность учебной деятельности. Наряду с познавательными мотивами, проявляющимися в любознательности, интересе к получению знаний, учащихся второго курса также характеризует стремление овладеть профессиональными знаниями, необходимыми для практической деятельности и компетенциями.

Заключение. Полученные результаты исследования свидетельствуют о динамике мотивационной сферы у учащихся медицинского училища, которая проявляется в развитии познавательной мотивации, мотивации достижения, мотивации саморазвития, мотивации самоуважения, интроецированной мотивации. Студентов 2-го курса, обучающихся по направлению «Сестринское дело», в большей мере, в сравнении со студентами первого курса, характеризует не только развитие познавательной мотивации, но и стремление получить знания и компетенции, связанные с будущей профессиональной сферой.

Список литературы

1. Антипова И.Г. Отношение к учебной деятельности старшеклассников и студентов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ростов н/Д, 2018. – 23 с.
2. Асеев В.Г. Мотивация учебной деятельности и формирование личности. – М., 1976. – 223 с.
3. Бугрименко А.Г. Внутренняя и внешняя мотивация у студентов педагогического вуза // Психология в вузе. – 2006. – № 3. – С. 15–28.
4. Бутенко И. Что привлекает студентов в учебном процессе? // *Alma mater*. – 2021. – № 1. – С. 21–25.
5. Вачков И.В. Психологический тренинг: методология и методика проведения. – М. : Эксмо, 2010. – 560 с.
6. Волков Б.С. Психология юности и молодости : учеб. пособие. – М. : Академический Проект : Трикста, 2020. – 256 с.
7. Гордеева Т.О., Сычев О.А., Осин Е.Н. Опросник «Шкалы академической мотивации» // Психологический журнал. – 2019. – Т. 35, № 4. – С. 96–107.
8. Горянина В.А. Психология общения : учеб. пособие для студентов вузов. – М. : Академия, 2019. – 416 с.
9. Дёкина Е.В. Введение в психолого-педагогическую деятельность : учеб.-метод. пособие для студентов и преподавателей пед. вузов. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2005. – 119 с.

10. Елифанова С. Формирование учебной мотивации // Высшее образование в России. – 2019. – № 3. – С. 106–107.
11. Жданова С.Ю., Печеркина А.В., Кузнецов А.Г. Особенности мотивации учебной деятельности у студентов механико-математического факультета // Экономика знаний в глобальном информационном обществе : материалы III рос. науч.-практ. конф. с междунар. участием. – Пермь : ОТ и ДО, 2015. – С. 13–16.
12. Ильин Е.П. Мотивация и мотивы. – СПб. : Питер, 2006. – 512 с.
13. Ковалев В.И. Мотивы поведения и деятельности. – М. : Наука, 1988. – 191 с.
14. Лях Т.И. Педагогическая психология : учеб. пособие для студентов. – Тула : Изд-во Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2005. – 295 с.
15. Макклелланд Д. Мотивация человека. – СПб. : Питер, 2007. – 672 с.

РАЗДЕЛ 3. ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ И ВОЗРАСТНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.922.6

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-42-50

Попова Татьяна Ананьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития

e-mail: permtan@yandex.ru

Попова Оксана Васильевна

магистрант III курса кафедры психологии развития

e-mail: roxyoxya27@gmail.com

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

ВЗАИМОСВЯЗЬ ПОКАЗАТЕЛЕЙ ПОВСЕДНЕВНОГО СТРЕССА, СВОЙСТВ ЛИЧНОСТИ И ОТНОШЕНИЯ К СЕБЕ В ПОЖИЛОМ ВОЗРАСТЕ

Tatyana A. Popova

Ph.D., Associate Professor at Department of Developmental Psychology

e-mail: permtan@yandex.ru

Oxana V. Popova

3st Year Master's Student of the Department of Developmental Psychology

e-mail: roxyoxya27@gmail.com

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva St., 614990, Perm, Russia*

THE RELATIONSHIP OF INDICATORS OF EVERYDAY STRESS, PERSONALITY TRAITS AND SELF-ATTITUDE IN OLD AGE

Аннотация. В статье представлены результаты исследований показателей повседневного стресса, свойств личности и отношения к себе в позднем онтогенезе. Обнаружены значимые различия показателей личностных свойств и переживания повседневного стресса в группах пожилых мужчин и женщин. Женщины более общительны и эмпатийны, но и более тревожны, нежели

мужчины. Для женщин более сильными стрессорами являются отношения с окружающими, переживание одиночества, нарушенные планы и финансы. Выявлена специфика корреляций личностных свойств, отношения к себе и переживания повседневного стресса в зависимости от пола. Переживание повседневного стресса пожилыми людьми может опосредоваться их личностными свойствами и отношением к себе.

Ключевые слова: самоотношение, свойства личности, переживание повседневного стресса, пожилой возраст, поздний онтогенез.

Abstract. The article presents the results of studies of indicators of everyday stress, personality traits and self-attitude in late ontogenesis. Significant differences in indicators of personal characteristics and experiences of everyday stress were found in groups of elderly men and women. Women are more sociable and empathetic, but also more anxious than men. For women, stronger stressors are relationships with others, experiencing loneliness, disrupted plans and finances. The specifics of correlations of personal properties, attitudes to oneself and experiences of everyday stress depending on gender are revealed. The experience of everyday stress by older people can be mediated by their personal characteristics and attitude towards themselves.

Key words: self-attitude, personality traits, experiencing everyday stress, old age, late ontogenesis.

Возраст позднего онтогенеза в современной психологии является предметом пристального научного внимания. В течение последних десятилетий в психологии развития этот период жизни человека все больше рассматривается с позиций успешного, эффективного, благополучного, позитивного старения, эмоционального благополучия [2, 3, 7]. Впервые термин «успешное старение», подразумевающее удовлетворенность жизнью в пожилом возрасте, был введен R.J. Navighurst (1961). Многие авторы под факторами успешного старения рассматривают принятие себя, ощущение востребованности, удовлетворенность и контроль над своей жизнью, хорошее образование, интерес к физической деятельности, активное участие в общественной и социальной жизни, стремление к развитию своего внутреннего «Я», отсутствие серьезных заболеваний, материальную обеспеченность [3, 7].

Благополучное старение Е.А. Сергиенко и Н.Е. Харламенкова определяют как способность сохранения собственной аутентичности, к самореализации, адаптации, реорганизации собственных ресурсов, способность к конструктивным способам поведения, дальнейшему построению своего жизненного пути, к совладанию и компенсации болезням [7, с. 244].

Тем не менее возраст старения весьма неоднозначен, существуют и негативные тренды его развития, связанные с социальными, экономическими и политическими изменениями в российской жизни. Как отмечают О.Ю. Стрижицкая и М.Д. Петраш, в общей популяции процент продуктивных, независимых и активных пожилых людей пока относительно невелик, на

качество жизни и старение влияют различные факторы: биологические, психологические, социальные, личностные, средовые [9].

Предметом многочисленных исследований являются когнитивные, личностные и эмоциональные особенности пожилых людей. В частности, изучаются влияние стресса на психологическое и субъективное благополучие пожилых людей, личностные свойства, особенности самоотношения и самооценки, которые могут выполнять функции как предикторов повседневного стресса, так и ресурсных стратегий его преодоления [1, 6, 9].

Понятие «повседневные неприятности» было предложено Р. Лазарусом, подчеркивающим высокую эмоциональную чувствительность пожилых людей к различного рода стрессорам, продолжительность которых ограничивает их личностные и физические ресурсы. Повседневные стрессоры рассматривались А. Каннером как раздражающие, фрустрирующие, стрессирующие небольшие события, связанные с социальным взаимодействием. Д. Мэйбери и Д. Грэхем считали повседневные стрессоры как фрустрирующие события, зачастую связанные с проблемами собственного здоровья или здоровья членов семьи, проблемами с детьми и др. [1].

Об изменении характера неприятностей в пожилом возрасте писали К. Chamberlain, S. Zika (1990), С.К. Holahan (1984), А. DeLongis (1982). Они показали, что взаимодействие неприятностей изменяет социальные контексты в процессе старения. Gisela van Kessel, изучая личностные ресурсы пожилых людей и их устойчивость к стрессу, приходит к выводу о том, что пожилые люди, имеющие возможность использовать личностный ресурс и видеть мир вне собственных проблем, более стрессоустойчивы, нежели те, кто сосредоточены на повседневных проблемах.

На основании анализа зарубежных исследований стресса и повседневных неприятностей в позднем онтогенезе Л.В. Бабакова делает вывод, что повседневные стрессоры могут служить предикторами психологического неблагополучия [1]. Повседневный и хронический стрессы являются уникальными предпосылками психологического стресса, влияют на эмоциональное и психологическое благополучие пожилых людей (D. Wheaton, 1999). В то же время повседневный стресс может возникать на фоне хронического стресса (L.I. Pearlin, M.M. Skaff, 1998), который при переживании повседневных неприятностей усиливает психологический стресс (R.L. Repetti, 1999).

Позитивное, благополучное, успешное старение, субъективное благополучие обуславливаются во многом личностными свойствами пожилых людей, отношением к себе, самооценкой, самопринятием, раскрытием ресурсных потенциалов для успешного преодоления стрессовых ситуаций [2, 3, 5]. О.Ю. Стрижицкая рассматривает взаимосвязь самоотношения пожилых людей со структурой и динамикой временной транспективы личности в позднем онтогенезе (с субъективным переживанием конструкта будущего, его позитивным значением) [9]. Л.А. Головей и О.В. Стрижицкая в качестве предикторов и модераторов стресса называют самооценку, самопринятие, локус контроля [6]. Самоотношение понимается и как компонент психического здоровья пожилых людей. Е.С. Набойченко и Т.В. Валиева отмечают, что

взаимосвязь самоотношения и совладающего поведения является условием активности и субъективного благополучия в пожилом возрасте [4].

К изменившимся социальным, политическим и экономическим событиям в стране и в мире наиболее чувствительны и стрессонеустойчивы в силу возраста пожилые люди. Тем не менее в настоящее время недостаточно изучены особенности переживания повседневного стресса, копинги и предикторы стрессоустойчивости и факторы развития личности в поздних возрастах. Именно с этих позиций исследование данной проблемы представляется нам весьма актуальным.

Цель исследования: изучить взаимосвязь самоотношения, личностных свойств и переживания повседневного стресса в пожилом возрасте.

Задачи исследования:

- 1) изучить и сравнить показатели самоотношения, личностных свойств и переживания повседневного стресса в выборках мужчин и женщин;
- 2) выявить взаимосвязь между показателями свойств личности, отношения к себе и повседневными стрессорами в пожилом возрасте;
- 3) сравнить характер взаимосвязей свойств личности, самоотношения и повседневных стрессоров в мужской и женской выборках пожилых людей.

Гипотезы исследования:

1. Существуют различия показателей личностных свойств и отношения к себе в выборках мужчин и женщин пожилого возраста.
2. Существуют различия показателей переживания повседневного стресса пожилыми женщинами и мужчинами.
3. Существует специфика взаимосвязей показателей самоотношения, свойств личности и переживания повседневного стресса пожилых людей – мужчин и женщин.

Организация и методы исследования.

Исследование проводилось в течение 2021–2022 гг. в г. Перми. В нем приняло участие 70 испытуемых пожилого возраста 60–80 лет (33 мужчины и 37 женщин).

Методы исследования: опросник повседневных стрессоров (авторы: М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижицкая, Л.А. Головей, С.С. Савенышева), 16 PF Р.Б. Кеттелла (форма С), методика исследования самоотношения (МИС) С.Р. Панталева. Результаты обработаны с помощью непараметрических критериев математической статистики (*U*-критерий Манна – Уитни и корреляционный анализ Спирмена).

Основные результаты исследования.

На основании *U*-критерия Манна – Уитни были выявлены значимые различия свойств личности пожилых мужчин и женщин и восприятия ими повседневных стрессоров (таблица). Обнаружено, что пожилые женщины более открыты и общительны, нежели мужчины (фактор А Кеттелла, $p < 0,02^*$), более чувствительны и эмпатийны (фактор I Кеттелла, $p < 0,00^{***}$). В то же время женщины более тревожны (фактор О Кеттелла, $p < 0,00^{***}$). Различия показателей самоотношения в выборках пожилых мужчин и женщин не выявлены.

Выявлены различия показателей повседневного стресса в изучаемых выборках. Женщины более эмоционально, чем мужчины, переживают стресс, связанный с повседневной жизнью, делами, которые необходимо выполнить к определенному сроку («работа – дела» ($p < 0,00***$)), их более тревожат отношения с окружающими (невнимание, ссоры, конфликты). Также больший стресс у пожилых женщин, нежели у мужчин, вызывают трудности с финансами и материальная неопределенность будущего.

Больший стресс у пожилых женщин, нежели у мужчин, вызывают хозяйственно-бытовые трудности и планирование текущих дел ($p < 0,00***$); женщин больше волнуют и тревожат проблемы семьи, здоровье близких, межличностные отношения ($p < 0,00***$).

В выборке пожилых женщин выше показатели переживания одиночества, для них более сильным повседневным стрессором является информация (в том числе из ТВ и Интернета) и изменения в общем самочувствии ($p < 0,00***$). Таким образом, у женщин повседневные стрессоры вызывают более сильные переживания, нежели у мужчин, что подтверждается исследованиями Л.А. Головей, М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижицкой, С.С. Савенышевой, И.Р. Муртазиной [6].

Значимые различия показателей личностных свойств и повседневных стрессоров в группах пожилых женщин (n = 37) и мужчин (n = 33)

Переменные	Среднее		U-критерий	Ур. знач.	
	Жен.	Муж.		p	
Фактор А Кеттелла	6,05	4,76	805,0	0,02	*
Фактор С Кеттелла	5,70	7,88	232,5	0,00	***
Фактор G Кеттелла	5,78	6,64	409,0	0,02	*
Фактор I Кеттелла	7,00	3,00	1171,5	0,00	***
Фактор O Кеттелла	8,57	3,97	1154,0	0,00	***
Фактор Q1 Кеттелла	4,46	3,61	782,5	0,04	*
Фактор Q4 Кеттелла	5,22	4,15	790,0	0,03	*
Фактор F1 Кеттелла	6,00	3,33	1093,5	0,00	***
Фактор F3 Кеттелла	5,04	8,48	69,5	0,00	***
Фактор MD Кеттелла	4,92	6,15	405,5	0,02	*
Стрессор «работа – дела»	27,05	15,52	950,5	0,00	***
Стрессор «взаимоотношения с окружающими»	8,41	4,64	786,0	0,04	*
Стрессор «нарушение планов»	9,14	5,73	792,0	0,03	*
Стрессор «финансы»	20,54	14,58	852,0	0,01	**
Стрессор «планирование»	12,60	5,36	944,0	0,00	***
Стрессор «семья»	9,70	3,52	1017,5	0,00	***
Стрессор «окружающая действительность»	15,14	8,88	850,5	0,01	**
Стрессор «самочувствие – одиночество»	9,62	4,88	870,5	0,00	**
Стрессор «общее самочувствие»	11,70	5,27	940,0	0,00	***

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Корреляционный анализ Спирмена выявил специфику взаимосвязей между показателями личностных свойств по Кеттеллу и показателями переживания повседневного стресса.

В мужской выборке выявлена положительная корреляция показателя повседневного стресса «окружающая действительность» с фактором E Кеттелла (подчиненность – доминантность, $r=0,46^{**}$ $p<0,01$) и отрицательная – с фактором M Кеттелла (практичность – мечтательность, $r=-0,47^{**}$ при $p<0,01$). Можно предположить, что стрессу, связанному с событиями окружающей действительности, в мужской выборке могут способствовать такие свойства личности, как самостоятельность, независимость, настойчивость, практичность, реалистичность.

Корреляции между личностными свойствами и повседневными стрессорами в женской выборке носят иной характер и отличаются высокой плотностью. В выборке пожилых женщин обнаружены значимые корреляции между фактором F Кеттелла (сдержанность – экспрессивность), фактором Q3 Кеттелла (низкий – высокий самоконтроль), фактором MD Кеттелла (адекватная – неадекватная самооценка), а также фактором второго порядка (F2 – экстраверсия – интроверсия) и показателями повседневного стресса (работа – дела, взаимоотношения с окружающими, нарушение планов, финансы, планирование, окружающая действительность, самочувствие – одиночество, общее самочувствие, конкуренция).

Фактор F Кеттелла (сдержанность – экспрессивность) в женской выборке положительно коррелирует с показателями стресса «планирование» ($r=0,61^{***}$ при $p<0,001$), «окружающая действительность», $r=0,57^{***}$ при $p<0,001$), «общее самочувствие» $r=0,57^{***}$ при $p<0,001$) и «работа – дела» ($r=0,53^{***}$ при $p<0,001$). Чем выше экспрессивность и импульсивность пожилых женщин, эмоциональная яркость в отношениях с людьми, тем более выражены переживания относительно дел, конфликтов с окружающими, нарушенными планами, семейными проблемами, окружающими событиями, общим самочувствием.

В женской выборке обнаружены отрицательные корреляции фактора Q3 Кеттелла (низкий – высокий самоконтроль) и показателями повседневного стресса: семья ($r=-0,61^{***}$ при $p<0,001$), взаимоотношение с окружающими ($r=-0,51^{**}$ при $p<0,001$), нарушение планов ($r=-0,48^{**}$ при $p<0,001$), финансы ($r=-0,43^{**}$ при $p<0,001$), общее самочувствие ($r=-0,51^{**}$ при $p<0,001$). Чем выше самоконтроль, саморегуляция, способность совладать со стрессом, тем менее выражены переживания повседневного стресса.

Фактор MD Кеттелла (стремление выглядеть лучше, самооценка) отрицательно коррелирует со стрессорами «нарушение планов» ($r=-0,48^{**}$ при $p<0,001$), «самочувствие – одиночество» ($r=-0,55^{***}$ при $p<0,001$), «окружающая действительность» $r=-0,44^{**}$ при $p<0,001$), «общее самочувствие» ($r=-0,44^{**}$ при $p<0,001$).

Чем выше самоконтроль личности над эмоциями и поведением, тем более пожилые женщины испытывают психологическое благополучие, менее реагируя на повседневные неприятности, успешнее справляясь

с повседневными стрессами. Эти факты частично подтверждаются исследованиями Е.А. Сергиенко и Н.Е. Харламенковой, которые отмечают, что «благополучное старение связано со способностями человека справляться с последствиями влияния интенсивных стрессоров, преодолевать трудности и интегрировать негативный опыт, рассматривая его как часть своего прошлого» [7, с. 246].

Корреляции между показателями повседневного стресса и фактором второго порядка ((F2) – экстраверсия – интроверсия), подчеркивающего темпераментальную природу личностных свойств, могут говорить о том, что переживание повседневного стресса экстравертами может быть более выражено, нежели интровертами. В то же время, как отмечает О.В. Стрижицкая, связь между экстраверсией, нейротизмом и психологическим благополучием в пожилом возрасте не так однозначна [8, с. 16].

Сравнение интеркорреляций между показателями отношения к себе и переживания повседневных стрессоров в выборках пожилых мужчин и женщин также выявило ряд особенностей.

В выборке пожилых мужчин обнаружено, что шкала самооотношения «саморуководство» положительно коррелирует со стрессорами «нарушение планов» ($r=0,57^{***}$, $p<0,01$) и «планирование» ($r=0,53^{**}$, $p<0,01$). Шкала «самообвинение» коррелирует положительно со стрессором «финансы» ($r=0,47^{**}$, $p<0,01$), отрицательно коррелируют с этим стрессором шкалы самооотношения «самоценность» и «отраженное самооотношение» ($r=-0,53^{**}$, $p<0,01$ и $r=-0,49^{**}$, $p<0,01$). Шкала самооотношения «внутренняя конфликтность» положительно связана со стрессорами «финансы» ($r=0,63^{***}$, $p<0,001$) и страх одиночества ($r=0,56^{***}$, $p<0,001$).

Чем более пожилые мужчины переживают финансовые трудности, материальную неопределенность будущего, тем более они готовы поставить себе в вину собственные неудачи и промахи, тем более склонны к самообвинению, внутреннему несогласию с собой, тем ниже их ожидаемая положительная оценка другими. И наоборот, чем более мужчинам приходится планировать хозяйственно-бытовые дела, чем более нарушены их планы, тем более пожилые мужчины способны справляться с переживаниями по поводу себя.

Корреляции между шкалами самооотношения и повседневными стрессорами у пожилых женщин имеют следующую специфику. Показатель самооотношения «внутренняя конфликтность» положительно (как и в мужской выборке) коррелирует с повседневным стрессором «финансы» ($r=0,48^{**}$, $p<0,01$). В то же время шкала самооотношения «самоценность» положительно связана со стрессором «окружающая действительность» ($r=0,46^{**}$, $p<0,01$) и отрицательно с данным стрессором коррелирует шкала «самообвинение» ($r=-0,49^{**}$, $p<0,01$).

Чем более женщины способны погружаться в окружающую их действительность, эмоционально реагировать на различные события, тем более они ощущают ценность собственной личности, тем менее ставят себе в вину неудачи и промахи. Можно предположить, что таким образом работают защитные механизмы личности в стрессовых ситуациях.

Таким образом, в исследовании получены различия показателей повседневного стресса и личностных свойств у пожилых мужчин и женщин, выявлена специфика интеркорреляций между показателями повседневного стресса, личностных свойств и отношения к себе в мужской и женской выборках, что и подтвердило выдвинутые гипотезы.

Выводы

1. Выявлены статистически достоверные различия между показателями личностных свойств пожилых людей: пожилые женщины более общительны, более чувствительны, эмпатийны, менее эмоционально стабильны и более тревожны в отличие от пожилых мужчин.

2. Выявлены значимые различия показателей переживания повседневного стресса пожилых людей: женщины проявляют повышенную тревожность в стрессовых событиях, связанных с выполнением профессиональной деятельности, с планированием решения проблемы, с переживаниями взаимоотношений с родственниками, детьми, родителями.

3. У пожилых женщин выше показатели стресса неудовлетворенности финансами, погружением в прошлые переживания, переживанием чувства одиночества, предчувствия конфликта, нежели у мужчин.

4. В выборке мужчин выявлена положительная взаимосвязь показателя стресса «окружающая действительность» с фактором Е Кеттелла (подчиненность – доминантность) и отрицательная – с фактором М Кеттелла (практичность – мечтательность). Чем более доминантны и практичны пожилые мужчины, тем менее стрессогенными для них являются события окружающей действительности.

5. В выборке женщин выявлены положительные взаимосвязи показателей повседневного стресса с фактором F Кеттелла (сдержанность – экспрессивность) и отрицательные связи с фактором Q3 Кеттелла (низкий – высокий самоконтроль). Чем более экспрессивны, эмоциональны и импульсивны женщины пожилого возраста, тем более выражены их переживания повседневного стресса. Чем выше самоконтроль над эмоциями и поведением, тем более успешно они справляются с повседневными стрессорами.

6. Переживание повседневного стресса пожилыми людьми может опосредоваться их личностными свойствами, выполняющими функции предикторов, ослабляя или усиливая воздействие стрессоров.

Список литературы

1. Бабакова Л.В. Повседневный стресс и неприятности в период старения // Современная зарубежная психология. – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 6–12. – DOI: 10.17759/jmfp.2017060301

2. Евсеева Я.В. Теория успешного старения: Современные исследования: Введение к тематическому разделу // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 11: Социология. – 2020. – № 1. – С. 6–13.

3. Мелёхин А.И. Основные подходы к определению успешного старения // Российский научный журнал. – 2014. – № 3.

4. Набойченко Е.С., Валиева Т.В. Самоотношение и совладающее поведение как условия благополучия и активности медицинских работников в пожилом возрасте // *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие.* – 2022. – Т. 10, № 1 (36). – С. 35–47.

5. Павлова Н.С., Сергиенко Е.А. Исследование качества жизни во взаимосвязи с субъективным возрастом на этапе позднего онтогенеза // *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки.* – 2019. – № 2. – С. 36–52.

6. Роль психологического благополучия и удовлетворенности жизнью в восприятии повседневных стрессоров / Л.А. Головей, М.Д. Петраш, О.Ю. Стрижицкая и др. // *Консультативная психология и психотерапия.* – 2018. – Т. 26, № 4. – С. 8–26. – DOI: 10.17759/cpp.2018260402

7. Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е. Психологические факторы благополучного старения // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика.* – 2018. – № 3. – С. 243–257.

8. Стрижицкая О.Ю. Эмоции и старение: современные парадигмы и актуальные направления // *Современная зарубежная психология.* – 2017. – Т. 6, № 3. – С. 71–76. – DOI:10.17759/jmfp.2017060308

9. Стрижицкая О.Ю., Петраш М.Д. Конструирование продуктивной старости: биологические, психологические и средовые факторы // *Консультативная психология и психотерапия.* – 2022. – Т. 30, № 1. – С. 8–28.

УДК 159.922.6

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-51-57

Попова Татьяна Ананьевна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития
e-mail: permtan@yandex.ru

Семерикова Полина Александровна

студентка IV курса философско-социологического факультета направления
«Психология»
e-mail: romanova_polina@mail.ru

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский
университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

**СУБЪЕКТИВНОЕ БЛАГОПОЛУЧИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИИ ПРЕОДОЛЕНИЯ СТРЕССА
СТУДЕНТОВ****Tatyana A. Popova**

Ph.D., Associate Professor at Department of Developmental Psychology
e-mail: permtan@yandex.ru

Polina A. Semerikova

4th Year Student of the Faculty of Philosophy and Sociology of the direction
"Psychology"
e-mail: romanova_polina@mail.ru

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva St., 614990, Perm, Russia*

**SUBJECTIVE WELL-BEING, PSYCHOLOGICAL SAFETY AND
STRATEGIES FOR OVERCOMING STUDENTS' STRESS**

Аннотация. В статье представлен анализ результатов исследования психологической безопасности, субъективного благополучия и стратегий совладания со стрессом на студенческой выборке. Обнаружено, что ощущение психологической безопасности и субъективного благополучия взаимосвязано с выбором стратегий совладания со стрессом. Выявлены положительные корреляты показателей субъективного благополучия и копинг-стратегией «избегание проблем». Также выявлены отрицательные корреляты между

показателями удовлетворенности потребностью в безопасности и переживанием субъективного благополучия.

Ключевые слова: психологическая безопасность, субъективное благополучие, стресс, копинг-стратегии, студенческий возраст.

Abstract. The article presents an analysis of the results of a study of psychological safety, subjective well-being and strategies for coping with stress on a student sample. It was found that the feeling of psychological security and subjective well-being is interrelated with the choice of strategies for coping with stress. Positive correlates of indicators of subjective well-being and coping strategy "avoiding problems" were revealed. Negative correlates between indicators of satisfaction with the need for security and the experience of subjective well-being were also revealed.

Key words: psychological safety, subjective well-being, stress, coping strategies, student age.

На сегодняшний день проблема психологической безопасности в психологии становится своевременной и актуальной. На ощущение субъективного благополучия, позитивного психологического функционирования, психологической безопасности личности влияют как внешние, объективные, факторы, так и внутренние, личностные, детерминанты (А. Маслоу, К. Роджерс). А. Маслоу считал, что психологическая безопасность – это понимание человеком, что его окружение не только безопасно, а также не угрожает ему причинением вреда [8, 9]. Основными факторами и социально-психологическими характеристиками развития личности индивида являются ведущие виды деятельности, сферы общения, интеллектуальное развитие, социальная ситуация развития, психические новообразования, эмоциональные качества личности. В частности, Р. Эммонс выявил связь личных стремлений человека с устойчивым уровнем счастья и удовлетворенностью жизнью [10].

В категории субъективного благополучия лежит понимание общей оценки жизни человека, которая включает в себя эмоциональные и рациональные компоненты. Данное понятие можно определить как аналог философского счастья и определения «качество жизни». Также стоит отметить, что при схожем экономическом положении субъективная оценка благополучия у разных людей отличается, так как человек сравнивает себя с окружающими [4].

Исследованиями Э. Динера, М. Аргайла, М. Селигмана было установлено, что существует определенный ряд объективных факторов, оказывающих влияние на достижение субъективного благополучия. В частности, по Э. Динеру, субъективное благополучие состоит из трех компонентов: удовлетворения, позитивных и негативных эмоций [7]. Чувство безопасности формируется в детском возрасте и способствует развитию позитивных взаимоотношений с социумом. Э. Симсен отмечал, что ощущение безопасности влияет на формирование взглядов на будущее: «Когда человек чувствует, что он в безопасности и может правильно прогнозировать события,

он будет делать выборы, способствующие расширению своей системы, даже с риском ошибиться, но затем последует период, в течение которого он будет совершать выборы, снижающие вероятность ошибки и служащие подкреплениями» [2, с. 344]. Для того чтобы человеку справиться с проблемами и защитить себя от стресса, необходимо вкладывать свои личные ресурсы. Каждый день человек сталкивается с негативным влиянием, поэтому ресурсы не всегда успевают восполниться, следствием чего возникает стресс или угроза жизни.

И.А. Зеленев и В.А. Прохода отмечают, что во многих исследованиях выявлена положительная взаимосвязь между характеристиками окружающего мира и психологической безопасностью. В небезопасной окружающей среде может развиваться чувство бессилия, появляться ощущение хаотичности жизни и неконтролируемых угроз. Отсутствие стабильности в социальном обществе приводит к недоверию, беспомощности и социальной изоляции [2]. Чувство небезопасности, по К.Э. Росс и Дж. Мировски, также связано со снижением самооценки, доверия и социальной сплоченности [2]. Согласно концепции психологической безопасности, предложенной Д. Бар-Талем, на основе субъективного восприятия и интерпретации внешних событий формируются представления о безопасности, являющие собой субъективное отражение реальности [3]. Понятие психологической защиты, или «копинг», впервые применил Л.В. Мэрфи в 1962 г., и данный феномен начал активно исследоваться зарубежными психологами (С. Фолкман, Р.Х. Моос, К. Алдвин, Р. Лазарус) [5].

Е.Ф. Яценко обнаружил, что субъективное благополучие как интегральное психологическое образование совмещает оценку и отношение индивида к своей жизни и к себе в целом, а также содержит социально-нормативные установки, ценности, смысловые ориентации, потребности, реализующееся в соответствии с условиями социализации [11]. О.А. Коропец рассматривает проблему психологической безопасности как профессиональную деятельность, формирующую у студентов способность к адаптации [6]. Проблемы выработки личностью эффективных стратегий преодоления стрессовых ситуаций изучались и в возрастной динамике. С возрастом отмечается более высокая вероятность использования активного проблемосовладающего поведения [1]. Стоит уделить внимание влиянию стрессов в жизни человека на мировосприятие. У людей, переживших интенсивный стресс и травматические события, наблюдается отсутствие психологического благополучия, а также частое проявление отрицательных эмоциональных реакций и комплекс нарушений: когнитивных, коммуникативных и поведенческих, соматические проблемы со здоровьем [1].

В то же время доказано, что существуют внутриличностные ресурсы стрессоустойчивости человека личности. Л.А. Головей и И.Р. Муртазина (2018) отмечают, что для совладающего поведения важную роль играют индивидуально-личностные ресурсы, такие как выносливость, самооценка, оптимизм, самопринятие, эмпатия, локус контроля и др. В частности, одним из эффективных копингов является социальная поддержка, которая помогает человеку справиться с ситуацией угрозы. У людей, переживших интенсивный

стресс и травматические события, наблюдается отсутствие психологического благополучия, а также частое проявление отрицательных эмоциональных реакций и комплекс нарушений: когнитивных, коммуникативных и поведенческих, а также соматические проблемы со здоровьем [1].

Обобщая вышесказанное, отмечаем, что, несмотря на многочисленные исследования изучаемой проблемы, отсутствуют данные о взаимосвязи стратегий преодоления стресса, психологической безопасности и переживания субъективного благополучия в студенческом возрасте, что и определило формулировку цели и задач настоящего исследования.

Цель исследования: выявить и проанализировать взаимосвязи показателей субъективного благополучия, копинг-стратегий и психологической безопасности личности (на выборке студентов).

Объект исследования: субъективное благополучие, психологическая безопасность и стратегии совладания со стрессом.

Предмет исследования: взаимосвязь показателей субъективного благополучия, психологической безопасности и стратегий преодоления стресса.

Задачи исследования:

1. Выявить взаимосвязь показателей субъективного благополучия и стратегий преодоления стресса студентов.

2. Выявить взаимосвязь показателей психологической безопасности и стратегий преодоления стресса студентов.

3. Выявить взаимосвязь показателей субъективного благополучия и психологической безопасности студентов.

Гипотеза исследования: существует взаимосвязь показателей психологической безопасности, субъективного благополучия и стратегий совладания со стрессом в студенческом возрасте.

Исследование проводилось в 2022–2023 гг. на базе ПГНИУ. В исследовании приняли участие 76 человек: 65 девушек и 11 юношей 18–21 года. При анализе респонденты не делились на группы, сбор данных производился индивидуально.

Для реализации цели и поставленных задач в исследовании использовались следующие психодиагностические методики:

1) методика «Индикатор копинг-стратегий» Д. Амирхана;
2) опросник «Оценка удовлетворенности потребности в безопасности» О.Ю. Зотовой;

3) «Шкала субъективного благополучия» в адаптации М.В. Соколовой, (вариант методики *Échelle pour l'évaluation subjective du Bien-être*, разработанной в 1988 г. A. Perrudet-Badoux, G. Mendelsohn, J. Chiche).

Полученные данные были обработаны с использованием пакета программы Jasp 0.16.0. В исследовании использовались следующие статистические методы обработки данных: описательные статистики, проверка нормальности распределения по р-критерий Shapiro – Wilk, корреляционный анализ по t-критерию Спирмена.

Основные результаты исследования

Для проверки гипотезы о существовании достоверных взаимосвязей показателей ощущения психологической безопасности, субъективного благополучия и стратегий совладания со стрессом в студенческом возрасте применялся корреляционный анализ Спирмена.

Прежде всего рассмотрим результаты корреляционного анализа Спирмена между показателями ощущения субъективного благополучия и стратегиями совладания со стрессом. В результате исследования выявлена лишь одна положительная корреляция между показателем уровня субъективного благополучия и копинг-стратегией «избегание проблем» (рис. 1).

Рис. 1. Взаимосвязь показателей субъективного благополучия и копинг-стратегий преодоления стресса

Чем выше показатель копинг-стратегии «избегание проблем», тем выше показатель уровня субъективного благополучия, и наоборот, $r_{\text{СЭМП}} = 0.426$; $p < 0,001$. Чем более студенты избегают трудностей в решении проблемных ситуаций, тем более благополучными они себя считают. Тем не менее данная взаимосвязь, на наш взгляд, характеризует инфантильную позицию, подобные результаты получены и в других исследованиях (В.А. Затонский, 2022; К.С. Стрельцова, 2023).

Полученные нами результаты также частично соответствуют данным исследований о том, что субъективное благополучие является оценкой индивидом своей жизни и содержит социально-нормативные установки, используемые в соответствии с условиями социализации, а на ощущение субъективного благополучия влияет психоэмоциональный ресурс личности [11, 12].

Рассмотрим далее результаты корреляционного анализа показателей оценки удовлетворенности в безопасности и субъективного благополучия в выборке студентов (рис. 2). Выявлена лишь одна отрицательная связь между показателями переживания субъективного благополучия и удовлетворенности потребности в безопасности.

Рис. 2. Взаимосвязь показателей психологической безопасности и субъективного благополучия

О чем это говорит? Чем более психологически безопасной является для студентов окружающая среда, тем более благополучной и эмоционально комфортной они воспринимают собственную жизнь ($r = -0,358$; $p \leq 0,001$). Данный факт подтверждается данными исследования связи между характеристиками окружающего мира и психологической безопасностью. Чем более небезопасной является окружающая среда, тем вероятнее развитие чувства бессилия, появления ощущения хаотичности жизни и неконтролируемых угроз, а отсутствие безопасной окружающей среды влияет на развитие компетенций у студентов и благополучия в будущей профессии [3, 6]. В то же время не обнаружены взаимосвязи показателей субъективного благополучия и психологической безопасности студентов.

Выводы

1. Выявлены корреляции между некоторыми показателями ощущения психологической безопасности, субъективного благополучия и стратегий совладания со стрессом в студенческом возрасте:

а) выявлена прямая корреляция между показателем субъективного благополучия и копинга «избегание проблем». Испытуемые, считающие себя менее благополучными, чаще склонны избегать трудностей и решения проблемных ситуаций;

б) выявлена обратная корреляция между показателем удовлетворенности потребности в безопасности и ощущением психологического благополучия. Студенты, ощущающие свою психологическую безопасность в окружающей среде, воспринимают собственную жизнь более благополучной.

2. Тем не менее не обнаружены взаимосвязи показателей субъективного благополучия и психологической безопасности студентов.

Таким образом, гипотеза о том, что существует взаимосвязь показателей ощущения психологической безопасности, субъективного благополучия и стратегий совладания со стрессом в студенческом возрасте, частично подтверждена.

Список литературы

1. Бохан Т.Г. Возрастные и социально-психологические характеристики копинг-стратегий в периодах юношества и ранней взрослости // СПЖ. – 2002. – № 16/17.

2. Зеленев И.А., Прохода В.А. Субъективное благополучие и доверие в контексте психологической безопасности в современной России и других европейских странах // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2020. – № 1. – С. 340–367.

3. Зотова О.Ю. Потребность в безопасности у представителей групп // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2011. – № 4. – С. 84–91.

4. Карапетян Л.В. Теоретические подходы к пониманию субъективного благополучия // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2014. – Т. 123, № 1. – С. 171–182.

5. Кобзева О.В. Проявления копинг-поведения в юношеском возрасте // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2011. – № 3. – С. 155–158.

6. Коропец О.А. Представления студентов о психологической безопасности профессиональной деятельности // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 6. – С. 15.

7. Орлова Д.Г. Психологическое и субъективное благополучие: определение, структура, исследования (обзор современных источников) // Вестник ПГГПУ. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. – 2015. – № 1.

8. Пахоль Б.Е. Субъективное и психологическое благополучие: современные и классические подходы, модели и факторы // Украинский психологический журнал. – 2017. – № 1 (3). – С. 80–104.

9. Скорынин А.А. К вопросу о структуре психологической благополучии личности // Гуманитарные исследования. Педагогика и психология. – 2020. – № 2.

10. Эммонс Р. Психология высших устремлений: мотивация и духовность личности / пер. с англ., под ред. Д.А. Леонтьева. – М. : Смысл, 2004.

11. Яценко Е.Ф. Самоактуализация и субъективное благополучие как социально-психологические проблемы профессионального образования: студенты и преподаватели университета // Вестник ЮУрГУ. – 2012. – № 31. – С. 56–63.

12. Яценко Е.Ф., Лазорак О.В. Копинг-стратегия и акцентуации характера студентов-первокурсников с разным уровнем субъективного благополучия // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 22, № 4. – С. 1040–1049.

Раздел 4. КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-58-68

Краснов Алексей Витальевич

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии

e-mail: alex-krasnov@yandex.ru

Поролло Наталья Андреевна

студентка VI курса специальности «Клиническая психология»

e-mail: nporollo@mail.ru

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-65-75*

ВЗАИМОСВЯЗЬ СВОЙСТВ ВНИМАНИЯ С ТРЕВОЖНОСТЬЮ У ЛИЦ С ПРИЗНАКАМИ ОБСЕССИВНО-КОМПУЛЬСИВНОГО РАССТРОЙСТВА

Alexey V. Krasnov

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of General and Clinical Psychology

e-mail: alex-krasnov@yandex.ru

Natalya A. Porollo

VI Year Student of the Specialty "Clinical Psychology"

e-mail: nporollo@mail.ru

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva St., 614990, Perm, Russia*

PROPERTIES OF ATTENTION AND ANXIETY OF PEOPLE WITH OBSESSIVE-COMPULSIVE DISORDER'S SIGNS: RELATION

Аннотация. В статье представлены результаты экспериментального исследования взаимосвязи свойств внимания с тревожностью у лиц с признаками обсессивно-компульсивного расстройства (далее – ОКР). В исследовании приняли участие 136 студентов с 18 до 24 лет. На первом этапе

проведена диагностика свойств внимания (избирательность, устойчивость), уровня тревожности (ситуативной, личностной) и степени выраженности признаков ОКР у четырех групп (контрольная группа 1, контрольная группа 2, экспериментальная 1, экспериментальная 2). На втором этапе в экспериментальных группах 1 и 2 реализовано психологическое воздействие с целью повышения ситуативной тревоги. На третьем этапе проведена повторная диагностика свойств внимания (избирательность, устойчивость), а также уровня ситуативной тревожности. Полученные результаты свидетельствуют о том, что у лиц с выраженными признаками ОКР наблюдается преимущественно высокий уровень личностной, ситуативной тревожности, также существуют значимые различия по показателям избирательности внимания: у лиц с выраженными признаками ОКР показатели выше. В группе с выраженными признаками ОКР найдена связь между показателем личностной тревожности и устойчивостью внимания после экспериментального воздействия (высоким показателям личностной тревожности соответствуют низкие показатели устойчивости внимания).

Ключевые слова: свойства внимания, личностная тревожность, ситуативная тревожность, обсессивно-компульсивное расстройство.

Abstract. This article presents the results of experimental research in relation between properties of attention and anxiety of people with obsessive-compulsive disorder's sings (further – OCD's sings). The study involved 136 people from 18 to 24 years old. In the first part, the author focuses on the diagnosis of the properties of attention (selectivity, tolerance), anxiety level (reactive and personal anxiety), and severity of OCD's sings of four groups: control group 1, control group 2, experimental group 1, and experimental group 2. In the second part of the research, in experimental groups 1 and 2, were implemented psychological effects to increase the reactive anxiety. In the third part, the diagnosis of the properties of attention (selectivity, tolerance) and reactive anxiety level was repeated. The results show that people with expressed OCD's sings have increased level of personal and reactive kinds of anxiety. Besides there are differences in selective attention's indicators – they are higher for people with expressed OCD's sings. After experimental exposure, the correlation of an increased personal anxiety's level and expressed OCD's sings due to decreasing of indicators of attention properties was found.

Key words: properties of attentions, personal anxiety, reactive anxiety obsessive-compulsive disorder

Введение

Тревожность способна оказывать влияние на поведение и функционирование когнитивных процессов. В попытках справиться с тревогой, локализовать ее, возможно образование непродуктивных защитных механизмов, которые приобретают устойчивый характер и, вероятно, развитие признаков обсессивно-компульсивного расстройства (далее – признаки ОКР), занимающего по распространенности третье место среди психических расстройств [1]. Согласно Gruner & Pittenger (2017), признаки ОКР,

в зависимости от своей выраженности, не только сопровождаются высокой тревожностью, но и способны оказывать дополнительное воздействие на работу когнитивных процессов и качество жизни. Тревога и прочие факторы могут способствовать как улучшению, так и ухудшению внимания, одного из самых непостоянных по своим характеристикам когнитивных процессов [9]. Таким образом, особое значение приобретает вопрос, как взаимосвязаны свойства внимания с тревожностью у лиц с признаками обсессивно-компульсивного расстройства.

Основная часть

Начиная с XX в. неуклонно растет интерес к проблеме тревожности, механизмам ее формирования, влиянию на сферы жизни человека, познавательные процессы, поведение и т.д. Яркими представителями в изучении тревоги стали З. Фрейд, К. Хорни, А. Адлер, К. Ясперс, А.М. Прихожан и др. Обобщая их позиции, можно выделить следующие особенности относительно понятий тревоги и тревожности. Тревога – эмоциональная реакция, которая субъективно расценивается и ощущается намного интенсивнее, чем того требует объективная угроза, если она вообще является таковой [2]. Тревожность, в свою очередь, рассматривают как личностное образование, отличающееся своей устойчивостью и сохраняющееся на протяжении длительного времени [6].

Говоря о различной природе тревоги, стоит упомянуть К. Спилбергера [14]. Результатом его работы стало выделение двух понятий тревожности: ситуативная тревожность (тревога как временное состояние, вызванное факторами, субъективно несущими какую-либо угрозу) и личностная тревожность (тревога как свойство личности, проявляющееся в повышенной склонности испытывать тревогу). Позднее Н. Левитов [2] внес дополнение, обозначив личностную тревожность чертой личности.

Уровень тревожности играет большую роль в регуляции эмоций и поведения человека, но при высоком уровне тревожности начинают развиваться дезадаптации, невротические состояния, приводящие к расстройствам, одним из которых является обсессивно-компульсивное расстройство [5]. Согласно МКБ-10, основными клиническими проявлениями ОКР являются обсессии – повторяющиеся, непроизвольно возникающие навязчивые мысли, побуждения, страхи, образы; и компульсии – навязчивые действия, ритуалы, которые направлены на снижение тревоги, предотвращение «последствий», совладание с ощущением дискомфорта от преследующих обсессий. На начальном этапе, до активного проявления расстройства, у человека проявляются признаки ОКР. Они могут принимать вид навязчивых мыслей, охранительного поведения, в разной степени поддаются контролю. Средний возраст начала развития признаков обсессивно-компульсивного расстройства (ОКР) составляет 19–20 лет [11]. Более широким диапазоном является возраст от 10 до 30 лет, включающий в себя ранние и поздние формы ОКР [10]. По данным исследования Н.Е. Максимовой, И.В. Проценко, М.А. Маринковой [5], тревожность среди студентов относится к одному из основополагающих факторов развития ОКР.

Как показал анализ литературы, связь тревожности и ОКР является достаточно определенной. Тревожность повышает риск формирования признаков ОКР и дальнейшего развития расстройства. Обращаясь к изучению связи тревожности и ОКР, стоит отметить, что в результате исследований Мориса и Либерта (1976) было установлено, что когнитивный компонент тревоги включает себя негативные ожидания, а эмоциональный компонент – запуск физиологических, эмоциональных реакций в ответ на негативные мысли [12]. Salkovskis (1985), в свою очередь, пришел к выводу, что обсессивный компонент при ОКР является стимулом, который способен запускать негативные навязчивые мысли [13]. Эти данные свидетельствуют о структурной связи тревоги и ОКР.

Возвращаясь к упомянутому ранее эмоциональному компоненту тревоги, его влиянию на физиологические реакции, рассмотрим влияние тревоги на работу когнитивных процессов, а именно на один из самых динамичных – внимание. Опираясь на концепцию П.Я. Гальперина, мы будем придерживаться позиции о том, что внимание не выступает как самостоятельный процесс, но активно участвует в работе всех остальных когнитивных процессов: памяти, мышления и т.д. [4]. Исследования Бишоп (2009) содержат выводы о том, что личностная тревожность влияет на механизмы управления вниманием, вызывая дефицит, который приводит к тому, что подавление обработки отвлекающих факторов недостаточно даже при отсутствии стимулов, связанных с угрозой [7]. Gruner P., & Pittenger C. (2017) нашли тот же дефицит внимания у людей с ОКР, но в большем значении [9]. Полагаясь на модели избирательности внимания А. Treisman (1988), Broadbent (1958), и теорию производительности Истербрука (1959), можно сделать вывод о том, что дефицит внимания при выраженной тревожности и ОКР обусловлен ситуативным снижением показателей избирательности и устойчивости внимания ввиду повышенного физиологического возбуждения и, как следствие, снижения пропускной способности стимулов, способности поддерживать прежнюю производительность [3, 15, 16]. Итоги исследования J. Cha и коллег (2014) свидетельствуют о том, что у людей ОКР повышена чувствительность к внешним отвлекающим факторам, а также в зависимости от тяжести расстройства присутствует «внутренний шум», представляющий из себя обсессии. Такие особенности свидетельствуют о дополнительной когнитивной нагрузке, которая может стать источником нарушений в широком диапазоне когнитивных задач [8].

В процессе анализа литературы стало понятно, что имеются данные по особенностям протекания свойств внимания, связи внимания и тревожности среди людей с диагностированным ОКР. При этом остается недостаточно освещенным и требует разработки вопрос взаимосвязи свойств внимания с тревожностью у людей с наличием обсессивно-компульсивной симптоматики разной выраженности без диагностированного расстройства. В связи с этим было организовано экспериментальное исследование, направленное на выявление обозначенной взаимосвязи.

Целью исследования стало изучение взаимосвязи свойств внимания с тревожностью у лиц с признаками ОКР разной степени выраженности.

Объектом исследования были выбраны свойства внимания.

Предмет исследования – связь свойств внимания (избирательность, устойчивость) и тревожности у лиц с признаками ОКР.

Гипотезы исследования:

- существует взаимосвязь свойств внимания с тревожностью у лиц с признаками ОКР разной степени выраженности – при высоком уровне личностной тревожности, у лиц с выраженными признаками ОКР снижается избирательность и устойчивость внимания;

- существуют различия в показателях избирательности и устойчивости внимания при разной степени выраженности признаков ОКР после экспериментального воздействия – у лиц с невыраженными признаками ОКР показатели избирательности и устойчивости внимания выше.

Выборка исследования

Экспериментальное исследование было организовано и проведено на базе ПГНИУ. В исследовании приняли участие 136 студентов гуманитарных направлений в возрасте от 18 до 25 лет ($M=20,81$ $SD=2,12$), из них 29 юношей и 107 девушек. Средний возраст проявления признаков ОКР и стрессогенность среды в академической сфере делают студентов целевой группой для исследования.

Для достижения целей исследования, осуществляющегося посредством проведения психологического эксперимента, выборка была разделена на 4 подгруппы:

- Экспериментальная группа 1 (ЭГ1). Студенты, имеющие выраженные признаки ОКР, испытывающие на себе экспериментальное воздействие.

- Экспериментальная группа 2 (ЭГ2). Студенты, не имеющие выраженных признаков ОКР, испытывающие на себе экспериментальное воздействие.

- Контрольная группа 1 (КГ1). Студенты, имеющие выраженные признаки ОКР, не испытывающие на себе экспериментальное воздействие.

- Контрольная группа 2 (КГ2). Студенты, не имеющие выраженных признаков ОКР, не испытывающие на себе экспериментального воздействия.

Методы и методики

Были использованы следующие методы исследования:

- Психодиагностические методы: шкала субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера (адаптация Ю.Л. Ханина) (СТАИ), тест Мюнстерберга, таблицы Шульце (5x5 ч/б), обсессивно-компульсивная шкала Йеля-Брауна (Yale-Brown Obsessive Compulsive Scale, Y-BOCS), субтест 1 – осведомленность (взрослый вариант) Векслер.

- Психологический эксперимент: сравнение 4 указанных подгрупп (ЭГ1, ЭГ2, КГ1, КГ2) необходимо для выявления эффекта экспериментального воздействия у участников с разной выраженностью признаков ОКР.

В экспериментальных группах среди лиц с выраженными признаками ОКР (ЭГ1) и без выраженных признаков ОКР (ЭГ2) эффект при экспериментальном воздействии (X) будет видим относительно изменения «до/после» количественных данных избирательности (ИБ1, 2), устойчивости внимания (УВ1, 2), ситуативной тревоги (СТ1, 2).

(ЭГ1, ЭГ2): СТ1, ИБ1, УВ1 → X → СТ2, ИБ2, УВ2.

Для оценки изменения этих данных необходимо сравнение с контрольными группами участников с выраженными признаками ОКР (КГ1) и без выраженных признаков ОКР (КГ2), в которых экспериментальное воздействие отсутствует.

(КГ1, КГ2): СТ1, ИБ1, УВ1 → СТ2, ИБ2, УВ2

Такое сравнение позволит узнать, какое влияние несет в себе экспериментальное воздействие на исследуемые переменные, в разных по своим характеристикам подгруппах.

- Методы математической обработки данных: одновыборочный критерий Shapiro – Wilk, T-критерий Вилкоксона, U-критерий Манна – Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Исследование было реализовано в несколько этапов. На основном этапе осуществлялось экспериментальное исследование со следующей структурой. После получения добровольного согласия и информирования о проведении психологического исследования всех участников был проведен индивидуальный сбор данных. Все участники проходили психодиагностическое тестирование по шкале субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера – для скрининга уровня ситуативной и личностной тревожности во всех подгруппах, обсессивно-компульсивной шкале Йеля-Брауна – для группировки данных по выраженности признаков ОКР, размещенных на платформе Test Pad, Тест Мюнстерберга (вариант 1 – для взрослых) – бумажный формат, для измерения избирательности внимания, таблицы Шульте (5x5 ч/б) – мобильное приложение «Таблицы Шульте» с автоматическим секундомером, для измерения устойчивости внимания.

Далее для групп ЭГ1 и ЭГ2 был применен воздействующий фактор: субтест 1 – осведомленность (взрослый вариант) Векслера. Предполагалось, что при каскаде вопросов на общую осведомленность в устной форме, без обратной связи о правильности данных ответов, будет создана ситуация угрозы самооценке тревожной личности, возможной ситуации неуспеха, при отсутствии ответов участниками на заданные вопросы, с последующим поднятием ситуативной тревоги. В группах КГ1 и КГ2 воздействующего фактора, соответственно, не было.

Закономерным окончанием эксперимента стал повторный скрининг устойчивости внимания (таблицы Шульте), избирательности внимания (тест Мюнстерберга – вариант-2) и ситуативной тревожности. Повторный скрининг распространился на все подгруппы, для оценки влияния воздействующего фактора и особенностей реагирования участников, находящихся в разных по степени выраженности признаков ОКР подгруппах.

Результаты исследования

Для статистической проверки гипотез была произведена математическая обработка данных с помощью редактора данных STATISTICA 13.3.

По результатам проверки всех шкал на нормальность распределения по одновыборочному критерию Shapiro – Wilk было выявлено, что распределение не является нормальным (при $p < 0,05$). В связи с этим дальше использовались непараметрические критерии: Т-критерий Вилкоксона, U-критерий Манна – Уитни, коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Для выявления значимых различий по всем показателям между группами до и после экспериментального воздействия был использован U-критерий Манна – Уитни (табл. 1).

Были выявлены значимые различия по тесту Мюнстерберга. В группах КГ1, ЭГ1 (с выраженными признаками ОКР) показатели по шкале «Избирательность внимания – до» ниже ($p < 0,05$), чем в группах КГ2, ЭГ2 (без выраженных признаков ОКР). Обратная тенденция наблюдается со шкалами «Ситуативная тревожность – до» и «личностная тревожность», показатели по ним выше у групп КГ1 и КГ2. Эти данные показывают, что общее функционирование избирательности внимания у лиц с выраженными признаками ОКР хуже, наряду с преобладающими значениями личностной и ситуативной тревожности. В то время как у лиц с невыраженными признаками ОКР избирательность внимания выше при общих пониженных показателях личностной и ситуативной тревожности.

В таблицах Шульте по шкале «Устойчивость внимания – до» значимых различий выявлено не было, следовательно, устойчивость внимания между участниками с выраженными и невыраженными признаками ОКР не отличается.

Таблица 1

Сравнительный U-критерий Манна – Уитни. Значимость различий между группами участников с разной выраженностью признаков ОКР ($p < 0,05$)

Название шкал	Ранговая сумма КГ2, ЭГ2	Ранговая сумма КГ1, ЭГ1	U	Z	Уровень значимости (p)
Избирательность внимания – до	4556,5	4221,5	1706,5	-1,98	0,05
Ситуативная тревожность – до	3699,5	5078,5	849,5	-5,91	0,00
Личностная тревожность	3590,50	5187,5	740,5	-6,42	0,00

Прочие значимые различия относятся к шкале субъективной оценки ситуационной и личностной тревожности Ч.Д. Спилбергера. По шкале «Ситуативная тревожность – до» показано, что значимые различия ($p < 0,05$) установлены среди групп КГ1 и КГ2 (с преобладанием значений в группе КГ1), ЭГ1 и ЭГ2 (с преобладанием значений в ЭГ1). Такие данные подтверждают, что, независимо от определения в контрольную или экспериментальную подгруппу, тенденции проявления ситуативной тревожности в первом

скрининге показывают повышенные значения в тех группах, где участники обладают выраженными признаками ОКР. По шкале «Ситуативная тревожность – после» значимые различия (при $p < 0,05$) установлены среди групп КГ2 и ЭГ2 (преобладанием значений в ЭГ2), КГ2 и КГ1 (с преобладанием значений в КГ1), ЭГ1 и ЭГ2 (с преобладанием значений в ЭГ1). Данные различия показывают, что воздействующий фактор повлиял на ситуативную тревожность некоторых групп. Среди участников без признаков ОКР тревога выше в экспериментальной группе, на их ситуативную тревожность воздействие повлияло. Прочие результаты показывают особенность групп с выраженными признаками ОКР. Среди участников экспериментальных групп тревога выше у лиц с выраженными признаками ОКР, и у участников контрольных групп выявлено, что тревога также выше у лиц с выраженными признаками.

Для выявления значимых различий между зависимыми выборками студентов с разным уровнем выраженности признаков ОКР был применен непараметрический статистический Т-критерий Вилкоксона.

С его помощью были выявлены значимые различия между результатами до и после экспериментального воздействия среди групп. А также оценены изменения в группах, где экспериментального воздействия не было. В группах ЭГ1 и ЭГ2, поддающихся экспериментальному воздействию, были зафиксированы значимые различия по тесту Мюнстерберга по шкале «Избирательность внимания» (при $p < 0,05$). После экспериментального воздействия избирательность внимания улучшилась в обеих группах.

Также были зафиксированы значимые различия по таблицам Шульте в данных по шкале «Устойчивость внимания» и по шкале «Ситуативная тревожность» ($p < 0,05$) в самооценочной шкале тревожности Спилбергера – Ханина в группе ЭГ2: данные возросли по уровню ситуативной тревожности и ухудшились по уровню устойчивости внимания среди участников, поддавшихся экспериментальному воздействию, не имеющих выраженных признаков ОКР. В контрольных группах КГ1 и КГ2 значимых различий между первым и вторым замером данных не выявлено, что подтверждает отсутствие прочих воздействующих факторов на результаты.

Для установки взаимосвязей между свойствами внимания с тревожностью в группах с признаками ОКР разной выраженности был применен коэффициент корреляции Спирмена. В ходе проверки связей шкал «Ситуативная тревожность» со шкалами «Избирательность внимания», «Устойчивость внимания» выявлено не было ни в одной из групп. Была выявлена прямая взаимосвязь в группе ЭГ1 (экспериментальная, имеют выраженные признаки ОКР) между шкалами «Личностная тревожность» и «Устойчивость внимания – после» ($r=0,38$; $p < 0,05$), «шкала Йеля-Брауна» и «Устойчивость внимания – после» ($r=0,38$; $p < 0,05$), «шкала Йеля-Брауна» и «Личностная тревожность» ($r=0,54$; $p < 0,01$), «Ситуативная тревожность – до» и «шкала Йеля-Брауна» ($r=0,44$; $p < 0,05$), «Ситуативная тревожность – после» и «шкала Йеля-Брауна» ($r=0,41$; $p < 0,05$). Данные результаты свидетельствуют о незначительной связи уровня личностной и ситуативной

тревожности, выраженности признаков ОКР между собой и с результатами по уровню устойчивости внимания после экспериментального воздействия. Чем выше уровень личностной, ситуативной тревожности и чем большую выраженность имеют признаки ОКР, тем большее снижение уровня устойчивости внимания наблюдается у участников после экспериментального воздействия (табл. 2).

Таблица 2

Коэффициент корреляции Спирмена в экспериментальной группе среди участников с выраженными признаками ОКР

Название шкал	СТ – до	СТ – после	ЛТ	ЙБ	УВ – после
СТ – до	1,00	0,83***	0,78***	0,44*	0,15
СТ – после		1,00	0,61***	0,41*	0,13
ЛТ			1,00	0,54**	0,38*
ЙБ				1,00	0,38*

Примечание. Критические значения уровня значимости показателей: 0,05* 0,376 0,01** 0,495 0,001*** 0,608.

Полужирный шрифт – значимые корреляции, СТ – до – Ситуативная тревожность до экспериментального воздействия; СТ – после – Ситуативная тревожность после экспериментального воздействия; ЛТ – Личностная тревожность; ЙБ – Шкала Йеля – Брауна; УВ – после – Устойчивость внимания после экспериментального воздействия.

В нескольких группах была обнаружена одна и та же прямая взаимосвязь между шкалами «Избирательность внимания – после» и «Устойчивость внимания – после» со следующими значениями: ЭГ2 (экспериментальная, без выраженных признаков ОКР) ($r=0,41$; $p < 0,05$), КГ1 (контрольная, с выраженными признаками ОКР) ($r=0,51$; $p < 0,01$). Тенденция включает в себя повышение избирательности внимания во втором замере с параллельным ухудшением показателей устойчивости внимания также во втором замере.

Обсуждение результатов

Результаты показывают общее снижение устойчивости внимания в трех из четырех группах, исключая группу, участники которой не имеют выраженных признаков ОКР и не поддавались экспериментальному воздействию. Кроме того, отмечался более высокий уровень ситуативной тревожности в группе без выраженных признаков ОКР, на которую оказывалось экспериментальное воздействие, по сравнению с группой без выраженных признаков ОКР, на которую воздействие не оказывалось. Также важно, что в группах участников с выраженными признаками ОКР не наблюдалось изменений уровня ситуативной тревожности, он оставался неизменно высоким независимо от испытанного воздействия. Объединяя полученную информацию, косвенно можно сделать вывод: общее снижение уровня устойчивости внимания в трех группах обусловлено повышенным уровнем ситуативной тревожности в результате экспериментального воздействия.

В эксперименте было выявлено, что в экспериментальной группе среди участников с выраженными признаками ОКР существует взаимосвязь между

уровнем личностной тревожности и устойчивости внимания. *Данные свидетельствуют о понижении в этой группе значений устойчивости внимания после экспериментального воздействия у тех, кто обладает более высокими показателями личностной тревожности.*

В результате эксперимента были выявлены следующие закономерности избирательности внимания. Опираясь на значимые различия групп до и после экспериментального воздействия, можно предположить, что в группе участников без выраженных признаков ОКР повышение избирательности внимания при повышении ситуативной тревожности обусловлено классическими механизмами активации. Физиологическое возбуждение сопровождало сужению фокуса внимания до целевых признаков, игнорируя нецелевые, тем самым возведя уровень избирательности внимания в оптимальные для максимальной производительности значения.

В экспериментальной группе участников с выраженными признаками ОКР уровень избирательности внимания вырос при неизменности уровня ситуативной тревоги. При этом в этой группе *уровень избирательности внимания выше показателей группы без выраженных признаков ОКР как до экспериментального воздействия, так и после него.*

Заключение

Взаимосвязи свойств внимания с тревожностью у лиц с признаками ОКР разной степени выраженности были изучены в соответствии с целью исследования и привели к следующим ответам на поставленные гипотезы.

Частично подтверждена гипотеза о том, что существует связь свойств внимания с тревожностью у лиц с признаками ОКР. В группе с признаками ОКР существует корреляционная связь, в соответствии с которой уровень личностной тревожности при своих высоких значениях соотносится с уменьшением устойчивости внимания после экспериментального воздействия. Относительно показателей избирательности внимания корреляционных связей не выявлено.

Не подтвердилась гипотеза о существовании различий в показателях избирательности и устойчивости внимания при разной степени выраженности признаков ОКР после экспериментального воздействия: у лиц с невыраженными признаками ОКР показатели избирательности и устойчивости внимания выше. Показатели избирательности внимания после экспериментального воздействия выше у лиц с выраженными признаками ОКР. Различий по показателям устойчивости внимания после экспериментального воздействия между группами не выявлено. Данные результаты показывают наличие компенсаторных механизмов у лиц с выраженными признаками ОКР. Стабильный повышенный уровень тревоги обеспечивает субъективно более качественный контроль среды путем повышенного уровня избирательности внимания как ответной реакции на внешние стимулы.

Таким образом, наличие признаков ОКР сопровождается, в зависимости от своей выраженности, средним (близким к высокому) и высоким уровнем тревожности, что в совокупности способно оказывать дополнительное воздействие на работу когнитивных процессов. Экспериментальным путем доказано, что повышенная тревожность в своей адаптивной роли может способствовать повышению показателей избирательности внимания,

независимо от наличия выраженных признаков ОКР, однако при наличии выраженных признаков ОКР и выраженной личностной тревожности оказывается воздействие на показатели устойчивости внимания с последующим их понижением. Следовательно, не приобретая тяжелых, клинически выраженных форм, наличие признаков ОКР не оказывает значимого негативного влияния на свойства внимания.

Список литературы

1. Когнитивно-бихевиоральная терапия психических расстройств / Я. Прашко, П. Можны, М. Шлепецки и др. – М. : Ин-т общегуманит. исследований, 2015. – 1072 с.
2. Левитов Н.Д. Психическое состояние беспокойства, тревоги // Вопросы психологии. – 1969. – № 1. – С. 131–137.
3. Солсо Р. Когнитивная психология. – 6-е изд. – СПб. : Питер, 2011. – 589 с.
4. Маклаков А.Г. Общая психология : учеб. для вузов. – СПб. : Питер, 2017 – 583 с.: ил. – (Серия «Учебник для вузов»).
5. Максимова Н.Е., Проценко И.В., Маринкова М.А. Тревожность как фактор развития обсессивно-компульсивного расстройства у студентов // Тверской медицинский журнал. – 2017. – № 5. – С. 121–125.
6. Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. – 1998. – № 2. – С. 11–17.
7. Bishop S.J. Trait anxiety and impoverished prefrontal control of attention // Nature Neuroscience. – 2008. – № 12 (1). – P. 92–98. – DOI: 10.1038/nn.2242
8. Cha J. Circuit-Wide Structural and Functional Measures Predict Ventromedial Prefrontal Cortex Fear Generalization: Implications for Generalized Anxiety Disorder / J. Cha, T. Greenberg, J.M. Carlson [et al.] // The Journal of Neuroscience. – 2014. – Vol. 34, Is. 11. – P. 4043–4053.
9. Gruner P., Pittenger C. Cognitive inflexibility in Obsessive-Compulsive Disorder // Neuroscience. – 2017. – P. 345, 243–255.
10. Jose A. Yaryura-Tobias, Fugen A. Neziroglu Obsessive-compulsive disorder spectrum: pathogenesis, diagnosis, and treatment. – Berlin : American Psychiatric Publishing, 1997. – P. 19–20.
11. Lifetime prevalence and age-of-onset distributions of DSM-IV disorders in the National Comorbidity Survey Replication / R.C. Kessler, P. Berglund, O. Demler et al. // Arch Gen Psychiatry. – 2005. – № 62 (6). – P. 593–602.
12. Morris L.W., Liebert R.M. Effects of negative feedback, threat of shock, and level of trait anxiety on the arousal of two components of anxiety // Journal of Counseling Psychology. – 1973. – Vol. 20. – P. 321–326.
13. Salkovskis P.M. Obsessional-compulsive problems: a cognitive-behavioral analysis // Behaviour Research and Therapy. – 1985. – Vol. 23 (5). – P. 571–583.
14. Spielberger C.D. Anxiety: Current trends in theory and research. – N. Y., 1972. – Vol. 1. – P. 24–55.
15. Treisman A.M. Features and objects: The Fourteenth Bartlett Memorial Lecture // Quarterly Journal of Experimental Psychology: Human Experimental Psychology. – 1988. – Vol. 40 (A). – P. 201–237.
16. Yerkes R.M., Dodson J.D. The relation of strength of stimulus to rapidity of habitformation // Journal of Comparative Neurology of Psychology. – 1908. – Vol. 18. – P. 459–482.

УДК 159.942:61-051

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-69-80

Харламова Татьяна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии

e-mail: okpsychology@mail.ru

Кариева Фаниса Ильясовна

студентка III курса кафедры общей и клинической психологии

e-mail: okpsychology@mail.ru

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-66-17*

**ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ
МЕДИЦИНСКОГО ПЕРСОНАЛА ДЕТСКОЙ РЕАНИМАЦИИ**

Tatiana M. Kharlamova

Associate Professor at the Department of General and Clinical Psychology, Ph.D.

e-mail: okpsychology@mail.ru

Fanisa I. Karieva

Third-year Student at the Department of General and Clinical Psychology

e-mail: okpsychology@mail.ru

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia*

**PSYCHOLOGICAL FEATURES OF STRESS RESISTANCE IN MEDICAL
PERSONNEL AT PEDIATRIC INTENSIVE CARE UNITS**

Аннотация. Представлены результаты исследования психологических особенностей стрессоустойчивости медицинского персонала детской реанимации. Согласно полученным данным, существуют различия в структуре связей стрессоустойчивости с уровнем субъективного контроля и профессиональным (эмоциональным) выгоранием, а именно: чем более успешно мужчины контролируют жизнедеятельность семьи и собственное здоровье и чем менее у них выражены симптомы эмоциональной опустошенности, тем выше сопротивляемость стрессу. Соответственно, чем

сильнее у женщин выражена защитная реакция на стрессовые воздействия, в том числе эмоциональная холодность и педантизм в работе, тем более они устойчивы к стрессу. Показано также, что системообразующим показателем в мужской выборке является показатель интернальности в области производственных отношений, а в женской выборке – эмоционального истощения. Специфика взаимосвязей данных показателей проявляется в том, что мужчины берут ответственность за профессиональную деятельность на себя, а женщины делегируют ее окружающим и тем самым экономят психические ресурсы. Показано также наличие стабильного личностного конструкта, не связанного с полом респондентов. Результаты исследования могут быть полезны специалистам в области психологии служебной деятельности и клинической психологии для организации психологического сопровождения медицинского персонала детской реанимации, а также сотрудникам данных отделений и всем, кто интересуется проблемой стрессоустойчивости.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, медицинский персонал, детская реанимация.

Abstract. The paper presents a study on the psychological characteristics of stress resistance in medical personnel working at pediatric intensive care units. Results show differences in the structure of connections between stress resistance and the level of subjective control and professional (emotional) burnout. For male workers, higher resistance to stress is observed in those individuals who have greater success in controlling the life of their family and their own health and have fewer signs of emptiness. For female workers, stress resistance is greater in those who demonstrate stronger protective reactions to stressful influences, including emotional coldness and pedantry at work. It is also found that the system-forming indicators are internality in the field of industrial relations for the male sample and emotional exhaustion for the female sample. Male workers take responsibility for their professional activities, while female workers delegate it to others and thereby limit the use of their mental resources. A stable personality construct that is not related to the gender of the respondents is also observed. These results may be useful to the specialists in the field of work psychology and clinical psychology who provide psychological support to medical personnel in pediatric intensive care units, as well as employees of such departments and anyone interested in the problem of stress resistance.

Key words: stress resistance, medical personnel, pediatric intensive care.

Проблема стрессоустойчивости для психологической науки имеет стабильный интерес, особенно в контексте ее значимости для деятельности медицинских работников [2, 4, 13]. Особую группу исследований составляют труды по проблемам устойчивости к стрессу и эмоционального выгорания медицинского персонала отделений реанимации (В.Г. Пузырев с соавт. [3], Е.В. Синбухова [12], Е.И. Суханова [11], Е.Г. Фильштинская, М.В. Аборина [14] и др.). В качестве факторов риска профессионального стресса у данных

специалистов разные авторы называют ведение безнадежного больного, проведение сердечно-легочной реанимации, беседу с родственниками больных, необходимость быстрого принятия решений, частую переключаемость с одной патологии на другую, неудовлетворенность результатами труда [8, с. 599–601], широкий перечень профессиональных компетенций, что, по мнению Е.С. Нетесина и В.И. Горбачева, усиливает как физическую, так и эмоциональную нагрузку [6, с. 7]. Деструктивными эффектами данного негативного влияния могут стать профессиональные деформации специалистов отделений реанимации, в том числе утрата профессиональной идентичности, замещение профессиональных ценностей и морали ценностями и целями другой сферы [6, с. 13], а также регресс профессионального развития (И. Маматкулов, Э. Сатвалдиева и др., 2022 [10]). Социальная опасность подобных деформаций справедлива и для медицинского персонала детской реанимации, что делает актуальной проблему поиска психологических ресурсов для формирования и развития у данных специалистов профессиональной стрессоустойчивости.

В нашем исследовании мы попытались дополнить существующее знание о психологических особенностях устойчивости к стрессу специалистов отделений реанимации. В частности, рассмотреть степень выраженности и характер взаимосвязей показателей стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания у медицинского персонала разного пола детской реанимации.

Новизна работы заключается в дополнении имеющихся в науке данных о стрессоустойчивости медицинского персонала, специализирующегося на реанимации новорожденных.

Гипотезы исследования

1. Мы предполагаем, что существуют различия в показателях стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания у медицинского персонала разного пола детской реанимации.

2. В исследуемых выборках будут обнаружены отличия в структуре связей стрессоустойчивости с уровнем субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания.

Процедура и методики исследования

Выборка

Экспериментальное исследование, целью которого являлось изучение психологических особенностей стрессоустойчивости медицинского персонала детской реанимации, проводилось с января по апрель 2023 г. на базе ГБУЗ ПК «Краевая детская клиническая больница» и Пермского краевого перинатального центра (структурное подразделение ГБУЗ ПК «Пермская краевая клиническая больница»). В исследовании приняли участие 24 сотрудника отделения анестезиологии и реанимации данных учреждений (врачи и медицинские сестры). Общая выборка была разделена на 2 группы: в первую вошли 14 женщин, во вторую – 10 мужчин.

Методики исследования

«Методика определения стрессоустойчивости и социальной адаптации» (Т. Holms, R. Rage), позволяющая измерить стрессоустойчивость личности с помощью шкалы, в которой каждому стрессогенному жизненному событию соответствует определенное число баллов (от 100 до 11). Участнику исследования предлагается выбрать из 43 предложенных утверждений те, которые случались в его жизни за последние два года. Если ситуация повторялась несколько раз, то балл за данную ситуацию умножается на количество повторений и затем подсчитывается среднее количество баллов в 1 год. При общей сумме баллов 150–199 диагностируется высокая степень стрессоустойчивости, 200–299 – средняя, 300 и более – низкая степень стрессоустойчивости (ранимость, близость к фазе нервного истощения, угроза психосоматического заболевания) [7, 15].

Методика «Уровень субъективного контроля» (УСК, Е.Ф. Бажин, Е.А. Голынкина, Л.М. Эткинд), позволяющая измерить общую интернальность (интегративный показатель), интернальность в области достижений, неудач, семейных отношений, производственных и межличностных отношений, в сфере здоровья и болезни и на основе этих шкал определить тип контроля (интернальный/экстернальный). Участнику исследования предлагается оценить степень своего согласия или несогласия с предложенными 44 утверждениями по шестибальной шкале от «не согласен полностью» до «согласен полностью». Обработка результатов проводится в соответствии с ключом. Чем выше показания, тем более выражен интернальный тип контроля в соответствующих ситуациях, чем ниже – экстернальный тип [9].

Опросник «Профессиональное (эмоциональное) выгорание» (МВИ, К. Маслач и С. Джексон, адаптация Н.Е. Водопьяновой, Е.С. Старченковой), позволяющий измерить уровень выгорания по трем шкалам: «эмоциональное истощение», «деперсонализация», «профессиональная успешность» (достижения), а также интегральный индекс выгорания. В нашем исследовании респондентам был предложен вариант теста для медицинских работников. На 22 утверждения опросника необходимо ответить согласием или несогласием по шестибальной шкале от «никогда» до «ежедневно». Обработка результатов проводится простым подсчетом баллов по каждой шкале. Для получения интегрального индекса выгорания баллы трех шкал суммируются [1].

Методы математической статистики

Полученные данные обработаны следующими методами математической статистики: для проверки данных на нормальность распределения применялся критерий Шапиро – Уилка; для оценки различий между мужской и женской выборками медицинского персонала детской реанимации по исследуемым показателям применялся непараметрический U-критерий Манна – Уитни; для выявления характера взаимосвязей показателей стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального выгорания применялся коэффициент ранговой корреляции Спирмена. При обработке первичных данных использовались программы Microsoft Excel и Statistica 12.

Описание результатов

Различия в стрессоустойчивости, уровне субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания в связи с полом медицинского персонала детской реанимации

Сравнительный анализ стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания в выборках медицинского персонала детской реанимации не выявил статистически значимых различий, что может указывать на отсутствие у сотрудников разного пола специфики в степени выраженности исследуемых показателей. Данный факт не подтверждает первую гипотезу и, возможно, объясняется малой выборкой.

Взаимосвязи стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания в выборке медицинского персонала детской реанимации мужского пола

Анализ взаимосвязей стрессоустойчивости (степень сопротивляемости стрессу) в мужской выборке показал наличие достоверных корреляций со следующими показателями уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания (рис. 1):

- интернальностью в области достижений (УСК, 0,37*, $p \leq 0,05$),
- интернальностью в области семейных отношений (УСК, 0,44*, $p \leq 0,05$),
- интернальностью в отношении здоровья и болезни (УСК, 0,37*, $p \leq 0,05$),
- эмоциональным истощением (-0,37*, $p \leq 0,05$).

Следует отметить, что взаимосвязи показателя стрессоустойчивости с показателями уровня субъективного контроля (УСК) специфичны, т.е. характерны только для данной выборки, а с показателем эмоционального истощения связь имеет противоположный знак по сравнению с женской выборкой.

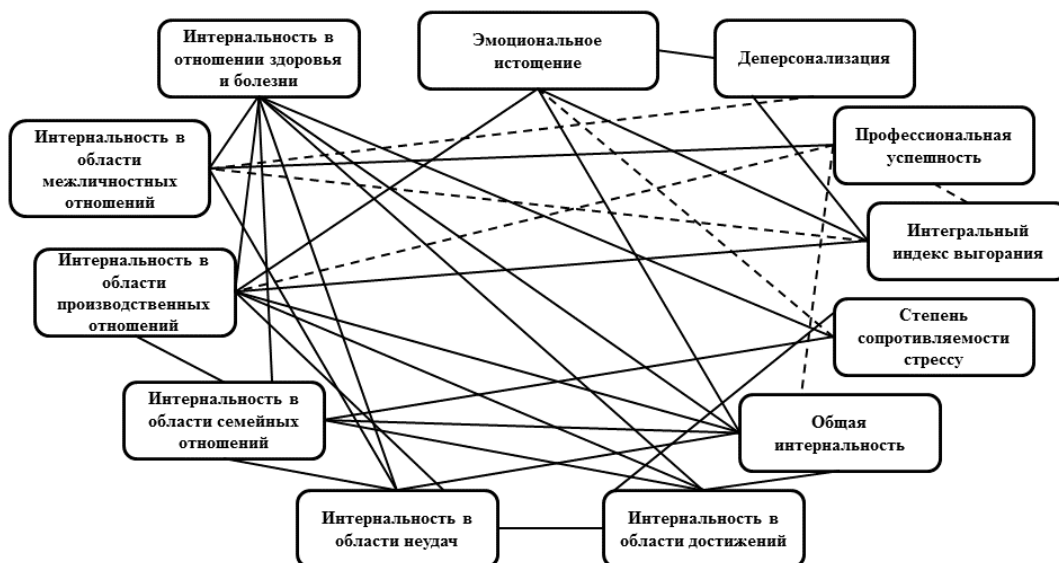

Рис. 1. Схема взаимосвязей показателей стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального выгорания в выборке мужчин

Специфичными для мужской выборки являются также следующие достоверно значимые взаимосвязи:

- *показателя общей интернальности* с показателями профессиональной успешности ($-0,37^*$, $p \leq 0,05$), интернальности в области производственных отношений ($0,96^{***}$, $p \leq 0,001$) и в отношении здоровья и болезни ($0,92^{***}$, $p \leq 0,001$);
- *показателя интернальности в области достижений* с показателями интернальности в области неудач ($0,71^*$, $p \leq 0,05$), интернальности в области производственных отношений ($0,83^{**}$, $p \leq 0,01$) и в отношении здоровья и болезни ($0,62^*$, $p \leq 0,05$);
- *показателя интернальности в области неудач*, кроме обозначенной выше, с показателями интернальности в области производственных отношений ($0,68^*$, $p \leq 0,05$) и в отношении здоровья и болезни ($0,62^*$, $p \leq 0,05$);
- *показателя интернальности в области семейных отношений* с показателями интернальности в области производственных отношений ($0,74^*$, $p \leq 0,05$) и в отношении здоровья и болезни ($0,74^*$, $p \leq 0,05$);
- *показателя интернальности в области производственных отношений*, кроме обозначенных выше внутриметодических, с показателями эмоционального истощения ($0,59^*$, $p \leq 0,05$), профессиональной успешности ($-0,49^*$, $p \leq 0,05$) и интегрального индекса выгорания ($0,42^*$, $p \leq 0,05$);
- *показателя интернальности в области межличностных отношений* с показателями интернальности в отношении здоровья и болезни ($0,50^*$, $p \leq 0,05$) и деперсонализации ($-0,64^*$, $p \leq 0,05$).

Всего в выборке мужчин выявлено 33 статистически значимые корреляции, в том числе специфичных – 19, общих с выборкой женщин – 11 и общих, но с противоположным знаком – 3. Системообразующим показателем (специфичный, имеет наибольшее количество связей – 8) является показатель «интернальность в области производственных отношений». Близкими к нему по количеству взаимосвязей (7) являются показатели «общая интернальность», «интернальность в отношении здоровья и болезни». Среди показателей профессионального выгорания наибольшее количество корреляций (по 5) имеют показатели «эмоциональное истощение» и «интегральный индекс выгорания».

Взаимосвязи стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания в выборке медицинского персонала детской реанимации женского пола

Анализ взаимосвязей стрессоустойчивости (степень сопротивляемости стрессу) в женской выборке показал наличие достоверных корреляций со следующими показателями:

- эмоциональным истощением ($0,41^*$, $p \leq 0,05$),
- интегральным индексом выгорания ($0,37^*$, $p \leq 0,05$).

При этом первая корреляция является общей с мужской выборкой, но имеет противоположный знак. Вторая взаимосвязь – специфичная, т.е. характерная только для женской выборки.

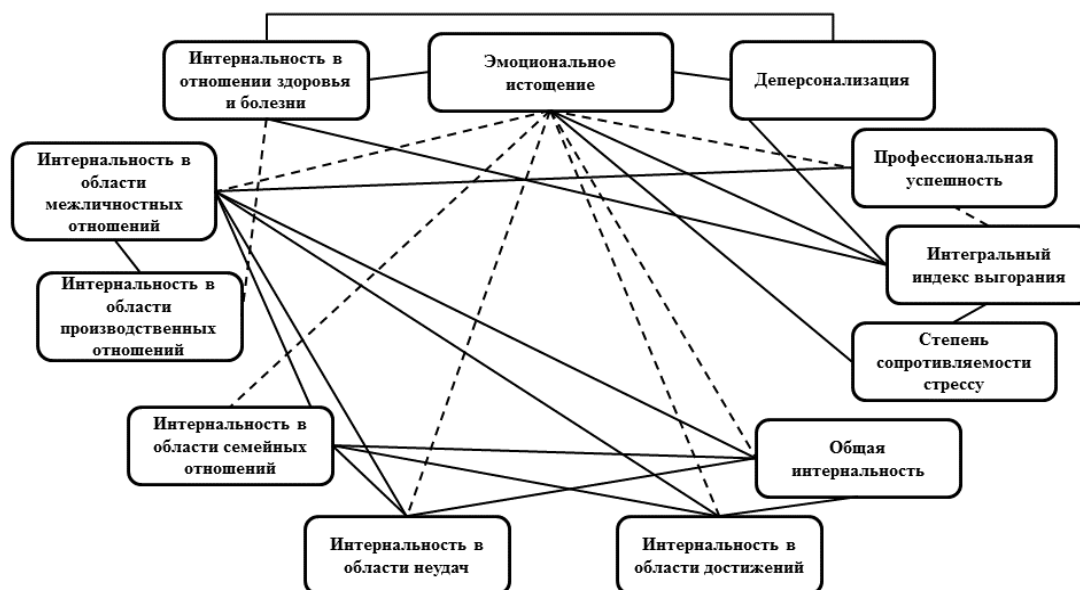

Рис. 2. Схема взаимосвязей показателей стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального выгорания в выборке женщин

Специфичными для женской выборки являются также следующие достоверно значимые взаимосвязи:

- показателя общей интернальности с показателем интернальности в области межличностных отношений ($0,78^{**}$, $p \leq 0,01$);
- показателя интернальности в области достижений с показателями интернальности в области межличностных отношений ($0,72^*$, $p \leq 0,05$) и эмоционального истощения ($-0,52^*$, $p \leq 0,05$);
- показателя интернальности в области неудач с показателем эмоционального истощения ($-0,47^*$, $p \leq 0,05$);
- показателя интернальности в области семейных отношений с показателями интернальности в области межличностных отношений ($0,46^*$, $p \leq 0,05$) и эмоционального истощения ($-0,44^*$, $p \leq 0,05$);
- показателя интернальности в области производственных отношений с показателем интернальности в области межличностных отношений ($0,37^*$, $p \leq 0,05$);
- показателя интернальности в области межличностных отношений, кроме обозначенных выше, с показателем эмоционального истощения ($-0,44^*$, $p \leq 0,05$);
- показателя интернальности в отношении здоровья и болезни с показателями эмоционального истощения ($0,37^*$, $p \leq 0,05$) и деперсонализации ($0,50^*$, $p \leq 0,05$).

Всего в выборке женщин выявлено 26 статистически значимых корреляций, в том числе специфичных – 13, общих с выборкой мужчин – 11 и общих, но с противоположным знаком – 3. Системообразующим показателем (специфичный, имеет наибольшее количество связей – 10) является показатель «эмоциональное истощение». Близкими к нему по количеству взаимосвязей (7)

являются показатели «интернальность в области межличностных отношений», «интернальность в отношении здоровья и болезни».

Наличие специфичных взаимосвязей исследуемых показателей в выборках медицинского персонала детской реанимации подтверждает справедливость второй гипотезы исследования.

Общие взаимосвязи стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания в разных по полу выборках медицинского персонала детской реанимации

Общими для мужской и женской выборок являются взаимосвязи следующих показателей:

- *показателя общей интернальности* с показателями интернальности в области достижений ($0,62^*$, $p \leq 0,05$), интернальности в области неудач ($0,77^{**}$, $p \leq 0,01$) и в области семейных отношений ($0,86^{**}$, $p \leq 0,01$);
- *показателя интернальности в области достижений* с показателем интернальности в области семейных отношений ($0,54^*$, $p \leq 0,05$);
- *показателя интернальности в области неудач* с показателями интернальности в области семейных ($0,89^{**}$, $p \leq 0,01$) и межличностных отношений ($0,38^*$, $p \leq 0,05$);
- *показателя интернальности в области межличностных отношений* с показателем профессиональной успешности ($0,37^*$, $p \leq 0,05$);
- *показателя эмоционального истощения* с показателями деперсонализации ($0,60^*$, $p \leq 0,05$) и интегрального индекса выгорания ($0,85^{**}$, $p \leq 0,01$);
- *показателя деперсонализации* с показателем интегрального индекса выгорания ($0,80^{**}$, $p \leq 0,01$);
- *показателя профессиональной успешности* с показателем интегрального индекса выгорания ($-0,58^*$, $p \leq 0,05$).

Общими для исследуемых выборок, но имеющими противоположные знаки, кроме рассмотренной выше корреляции показателя стрессоустойчивости, являются взаимосвязи показателей общей интернальности и эмоционального истощения (мужская выборка: $0,47^*$, $p \leq 0,05$; женская выборка: $-0,52^*$, $p \leq 0,05$), интернальности в области производственных отношений и в отношении здоровья и болезни (мужская выборка: $0,79^{**}$, $p \leq 0,01$; женская выборка: $-0,40^*$, $p \leq 0,05$).

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Сравнительный анализ стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания в выборках медицинского персонала детской реанимации не выявил статистически значимых различий, что может указывать на отсутствие у сотрудников разного пола специфики в степени выраженности исследуемых показателей. Вместе с тем имеет место тенденция к несколько большей успешности сопротивляемости стрессу у специалистов женщин. Данный факт может быть связан со спецификой психологических детерминант стрессоустойчивости в изучаемых выборках, что подтверждается результатами корреляционного анализа.

Например, установлено, что чем более успешно мужчины контролируют жизнедеятельность семьи и собственное здоровье, а также чем менее у них выражены симптомы эмоциональной опустошенности, тем более выражена сопротивляемость стрессу. По мнению В.А. Бодрова (2000), чем выше стрессоустойчивость личности, тем выше продуктивность ее деятельности в экстремальном пространстве [5]. В нашем случае экстремальность – основная характеристика профессиональной деятельности анестезиологов и реаниматологов.

В свою очередь, женщины тем более устойчивы к стрессу, чем сильнее у них выражена защитная реакция на стрессовые воздействия, в том числе эмоциональная холодность и педантизм в работе. Данный факт согласуется с мнением Т.В. Москалевой (2018), утверждающей, что при синдроме выгорания выполнение профессиональных обязанностей может трансформироваться в педантичное, доскональное и тем самым позволяющее сохранить психические и физические ресурсы личности. Детерминантами данного реагирования могут выступать напряженный ритм работы, повышенная ответственность, возраст пациентов (в основном новорожденные дети) и тяжесть их состояния.

Таким образом, вторая гипотеза о наличии специфики в структуре связей стрессоустойчивости с уровнем субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания в исследуемых выборках нашла свое эмпирическое подтверждение.

Проведенный далее сравнительный анализ взаимосвязей системообразующих показателей позволил установить, что чем более испытуемые мужской выборки склонны считать себя ответственными за собственную деятельность, профессиональное общение и карьерный рост, тем более у них выражены интернальный тип контроля, убежденность в самоэффективности, способность управлять различными сферами жизнедеятельности, а также готовность взять на себя ответственность за неудачи. В то же время склонность обвинять себя может стать причиной искажения восприятия достигнутых результатов, снижения самооценки, истощения эмоциональных ресурсов личности. Для сравнения, испытуемые женской выборки тем более ответственны за свою деятельность, чем более ориентированы на других людей в плане взаимодействия и сохранения здоровья. Взаимосвязи системообразующего показателя данной выборки (эмоциональное истощение) позволяют утверждать, что чем более у женщин снижены психологические ресурсы, тем менее они склонны брать ответственность на себя в различных сферах жизни и деятельности, что проявляется в приписывании успехов и неудач внешним факторам (экстернальный тип контроля). Обнаружены и другие специфичные корреляции, но интересной, на наш взгляд, является взаимосвязь исследуемого показателя с показателем общей интернальности, которая в изучаемых выборках имеет противоположные знаки. Данный факт позволяет предположить наличие у женщин экстернального типа личности, а у мужчин – интернального типа.

Общие для обеих выборок корреляции указывают на существование у медицинского персонала детской реанимации стабильного личностного конструкта, не связанного с их полом. Например, установлено, что чем сильнее у респондентов истощены психические и физические ресурсы, чем более выражена личностная деформация, проявляющаяся в утрате адекватного реагирования на профессиональные обязанности, чем менее они удовлетворены работой, а также чем ниже оценивают свой профессиональный потенциал, тем тщательнее дозируют свои внутренние ресурсы, защищая психику от чрезмерных эмоциональных нагрузок. Установлено также, что чем более испытуемые мужского и женского пола самодостаточны, целеустремленны и чем более готовы взять ответственность за собственные промахи и неудачи, тем более у них выражен интернальный тип контроля и тем более осознанно они управляют своей жизнью и деятельностью.

Выводы

В исследовании выявлены следующие психологические особенности стрессоустойчивости медицинского персонала детской реанимации.

1. Сравнительный анализ стрессоустойчивости, уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания в исследуемых выборках не выявил значимых различий, но имеет место тенденция к несколько большей успешности сопротивляемости стрессу у специалистов женского пола.

2. Обнаружены отличия в структуре связей стрессоустойчивости с уровнем субъективного контроля и профессиональным (эмоциональным) выгоранием. Так, в результате корреляционного анализа установлено, что чем более успешно мужчины контролируют жизнедеятельность семьи и собственное здоровье и чем менее у них выражены симптомы эмоциональной опустошенности, тем выше сопротивляемость стрессу. В свою очередь, женщины тем более устойчивы к стрессу, чем сильнее у них выражена защитная реакция на стрессовые воздействия, в том числе эмоциональная холодность и педантизм в работе.

3. Установлено также, что системообразующим показателем в мужской выборке является показатель интернальности в области производственных отношений, а в женской выборке – эмоционального истощения. Специфика взаимосвязей данных показателей проявляется в том, что мужчины берут ответственность за профессиональную деятельность на себя, а женщины делегируют ее окружающим и тем самым экономят психические ресурсы.

4. Выявлены общие для обеих выборок корреляции уровня субъективного контроля и профессионального (эмоционального) выгорания, что указывает на наличие у медицинского персонала детской реанимации стабильного личностного конструкта, не связанного с их полом.

Результаты исследования могут быть полезны специалистам в области психологии служебной деятельности и клинической психологии для организации психологического сопровождения медицинского персонала детской реанимации, а также сотрудникам данных отделений и всем, кто интересуется проблемой стрессоустойчивости.

Список литературы

1. Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания. Диагностика и профилактика [Электронный ресурс] : практ. пособие. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2023. – 299 с. – (Профессиональная практика) // Образовательная платформа Юрайт : [сайт]. – URL: <https://urait.ru/bcode/514558> (дата обращения: 11.08.2023).
2. Киреева С.А., Гусева О.С., Дерунов А.В. Стрессоустойчивость медицинского персонала // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – Саратов : Наука и инновации. – 2015. – Т. 5, № 12. – С. 1710.
3. Исследование синдрома профессионального выгорания на примере специалистов отделения анестезиологии и реанимации / В.Г. Пузырев, В.В. Бондаренко, А.О. Карчевская и др. // Сибирский научный медицинский журнал. – 2020. – № 40 (5). – С. 106–112.
4. Личностные предикторы стрессоустойчивости медицинских работников / Б.А. Ясько, Л.С. Скрипниченко, С.Н. Стриханов, Д.Д. Тедорадзе // Российский психологический журнал. – 2023. – 20 (2). – С. 169–184.
5. Михеева А.В. Стрессоустойчивость: к проблеме определения // Полилингвильность и транскультурные практики. – 2010. – С. 82–87.
6. Нетесин Е.С., Горбачев В.И. Синдром профессионального выгорания анестезиологов-реаниматологов России // Анестезиология и реаниматология. – 2018. – № 3. – С. 7–13.
7. Практическая психодиагностика. Методики и тесты / ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара : Бахрах-М, 2022. – С. 149–153.
8. Профессиональная патология: национальное руководство [Электронный ресурс] / под ред. Н.Ф. Измерова. – М. : ГЭОТАР-Медиа, 2011. – 784 с. – URL: <https://www.rosmedlib.ru/book/ISBN9785970419472.html> (дата обращения: 16.08.2023).
9. Реан А.А. Практическая психодиагностика личности. – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2001. – 221 с.
10. Синдром профессионального стресса у детских анестезиологов-реаниматологов / И. Маматкулов, Э. Сатвалдиева, А. Бекназаров, М. Хайдаров // in Library. – 2022. – Т. 22, № 2. – С. 51–62.
11. Суханова Е.И. Профессиональное выгорание медицинских сотрудников и его диагностика // Неонатология: Новости. Мнения. Обучение. – 2022. – Т. 10, № 2. – С. 55–60.
12. Счастье сотрудников отделений анестезиологии-реанимации в контексте удовлетворенности жизнью и выгорания / Е.В. Синбухова, Д.Н. Проценко, А.Ю. Лубнин и др. // Анестезиология и реаниматология. – 2022. – № 1. – С. 76–83.
13. Трапезникова А.М., Финогенко Е.И. Стрессоустойчивость как профессионально важное качество работников медицинских профессий // Молодежный вестник ИрГТУ. – 2015. – № 2. – С. 45.

14. Фильштинская Е.Г., Аборина М.В. Особенности эмоционального выгорания врачей и медицинских сестер реанимационных отделений // Психология состояний человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. (08–10 ноября 2018 г.) / ред.: Б.С. Алишев, А.О. Прохоров, А.В. Чернов. – Казань : Изд-во КФУ, 2018. – С. 522–524.

15. Холмс Т.Х., Райх Р.Х. Сравнительная шкала (по данным социологического опроса) // Сборник психологических исследований. – 1967. – № 11. – С. 213–218.

УДК 159.922

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-81-90

Ястребова Александра Викторовна

студентка VI курса по направлению подготовки специалистов «Клиническая психология» философско-социологического факультета
e-mail: sashaa478@gmail.com

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-66-17*

ВЗАИМОСВЯЗЬ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ И УРОВНЯ ИНТЕРНЕТ-АДДИКЦИИ У ПОДРОСТКОВ**Alexandra V. Yastrebova**

6th Year Student of Psychology, Philosophy and Sociology Faculty
e-mail: Sashaa478@gmail.com

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva St., 614990, Perm, Russia*

THE CORRELATION OF SOCIAL SUPPORT AND THE LEVEL OF INTERNET ADDICTION IN ADOLESCENTS

Аннотация. Социальная поддержка – один из ключевых факторов благополучного развития и функционирования личности. В статье рассматривается связь социальной поддержки с уровнем интернет-зависимости у лиц подросткового возраста. Выборку составили 60 человек в возрасте от 14 до 15 лет. В рамках эмпирической части исследования респондентам предлагалось заполнить ряд опросников: шкала интернет-зависимости С. Чена; опросник социальной поддержки F-SOZU-22 (G. Sommer, T. Fydrich); многомерная шкала восприятия социальной поддержки (G.D. Zimmet в адапт. В.М. Ялтонского и Н.А. Сироты). Результаты исследования показывают, что ряд симптомов (толерантность, внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем, проблемы с управлением временем; проблемы, связанные с зависимостью; ключевые симптомы) имеют обратные взаимосвязи с эмоциональной и инструментальной поддержкой, оказываемой семьей и значимыми другими, а также с социальной интеграцией подростков.

Ключевые слова: социальная поддержка, интернет-зависимость, подростковый возраст.

Abstract. Social support is the most important factor for the successful development and functioning of an individual. This article examines the correlation between social support and the level of Internet addiction in adolescents. The sample

consisted of 60 people aged 14 to 15 years. In the empirical part, respondents were asked to take tests: S. Chen's Internet Addiction Scale; social support questionnaire F-SOZU-22 (G. Sommer, T. Fydrich); multidimensional scale of perception of social support (G.D. Zimmet adapted by V.M. Yaltonsky and N.A. Sirota). The study results show that a number of symptoms (tolerance; intrapersonal and health problems; problems related to addiction; key symptoms) have an inverse relationship with emotional and instrumental support, provided by family and significant others, and also with social integration.

Key words: Social support, Internet addiction, adolescence.

Подростковый возраст характеризуется сложностью и важностью происходящих в этот период процессов развития. Переход ребенка от беззаботного детства к подростничеству составляет основное содержание и специфическое отличие всех сторон развития в данный период – физического, нравственного, социального, психологического, где одной из важных сторон является установление и формирование социальных связей, и немалую роль в этом играет феномен социальной поддержки.

Социальная поддержка – это любые действия, добровольно и с благими намерениями совершаемые в отношении знакомого человека и приносящие ему немедленный или отсроченный положительный эффект; оказание практической или символической помощи [11]. Социальная поддержка позитивно влияет на психологическое здоровье, производит буферный эффект, защищая от стрессов [8, 9], а также является ресурсом для эффективного решения эмоциональных проблем [11]. По мере прохождения основных онтогенетических этапов развития ребенок нуждается в поддерживающих отношениях, в которых он обретает возможность удовлетворять свои психологические и социальные потребности [5, 6].

Феноменологию социальной поддержки на разных онтогенетических этапах можно описывать, исходя из следующих составляющих [8, 9]:

1. Источники поддержки (родители, близкие и дальние родственники, близкие друзья, одноклассники и другие сверстники, знакомые, представители профессиональных объединений, наставники, учителя, психологи, врачи и т.д.).

2. Факт реальности ее получения (реально принятая человеком помощь; субъективное убеждение человека в том, что в случае необходимости он получит ресурсы от своего социального окружения).

3. Содержание поддержки (эмоциональная, инструментальная, оценочная и информационная [17]).

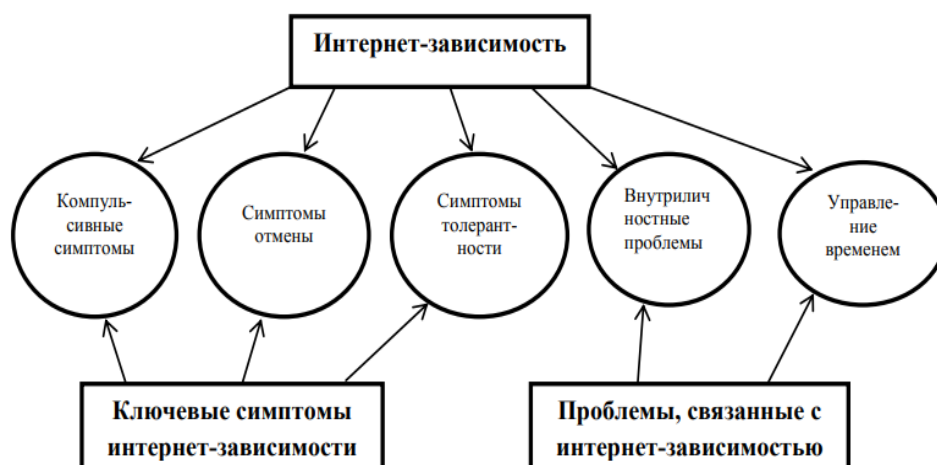
4. Направленность поддержки (провайдер поддержки, реципиент поддержки).

Подростки в силу изменений и быстрого темпа развития имеют меньшее количество социальных связей и не получают от окружающих социальную поддержку в полной мере. Также подросток сталкивается с трудностями установления социальных связей, и именно в данный период велика вероятность быть отвергнутыми значимыми людьми, все это повышает риск ухода подростка в «виртуальный мир» и формирования устойчивой интернет-аддикции.

И. Голдберг в 1996 г. ввел термин «интернет-зависимость», понимая под этим поведение со сниженным уровнем самоконтроля, грозящее вытеснить нормальную жизнь [2]. Н.В. Дмитриева, Ц.П. Короленко пишут: «Зависимость (аддикция) – стойкая сверхценная, трудно контролируемая привычка (внутреннее побуждение) в деятельности, сопровождающаяся изменением настроения, снижением барьера самокритичности, ростом толерантности, абстиненцией (синдромом отмены, с возникающим в некоторых случаях “похмельным” раскаянием») и обязательно наступающим рецидивом» [3]. Результаты исследований Д. Гринфельда и К. Янг частично подтверждают то, что злоупотребление Интернетом приводит к усилению депрессии, социальной изоляции, распаду семей и т.п. [12].

В.А. Бузова описывает несколько симптомов интернет-зависимости: увеличивающееся беспокойство при нахождении в реальном мире; чрезмерное время, проводимое в Сети; скрывание количества времени, проведенного в интернет-пространстве [1].

С. Чен также выделяет ряд симптомов: симптомы толерантности, симптомы отмены, компульсивные симптомы, наличие внутриличностных проблем, способность управлять собственным временем [Цит. по: 1] (рисунок).

Симптомы интернет-зависимости, по С. Чену

К группе риска, по мнению С. Чена, в первую очередь относятся подростки. Это связано в том числе с тем, что подростковый возраст – это период, когда часто возникают проблемы в общении, налаживании контактов с противоположным полом [Цит. по: 1].

Анализ исследований, посвященных интернет-зависимости подростков, позволил выявить, что для испытуемых с высоким уровнем интернет-зависимости характерен низкий уровень проявления коммуникативности (замкнутость, одиночество), высокий уровень тревожности и низкий уровень самооценки. Причинами «ухода» в виртуальный мир могут стать постоянные конфликты между родителями, эмоционально-психологическое напряжение в семье, недостаток общения с родителями, сверстниками и одноклассниками [4].

Согласно когнитивно-поведенческой модели Дэвиса, отсутствие воспринимаемой социальной поддержки может привести к чрезмерной зависимости от Интернета – поиску эквивалентной поддержки в виртуальном мире [1]. Более того, согласно модели психологической декомпенсации, злоупотребление Интернетом может компенсировать подросткам трудности в их автономном психологическом развитии. Согласно исследованию Х. Сui и Х. Chi, социальная поддержка имеет обратную взаимосвязь с интернет-зависимостью подростков [16].

Исследование Х. Han, S.Y. Jie, Z.S. Hua, Jin показало, что социальная поддержка, с одной стороны, может оказывать позитивное влияние, путем усиления позитивных психологических ресурсов, тем самым уменьшая интернет-аддикцию. С другой стороны, недостаточность социальной поддержки может выступить фактором увеличения интернет-зависимости [18].

S. Siyana и A.A. Zinna изучали взаимосвязь между интернет-зависимостью, социальной поддержкой, одиночеством и удовлетворенностью жизнью. Ими были получены следующие результаты: одиночество и интернет-аддикция имеют связь, а вот между социальной поддержкой и интернет-зависимостью никакой связи обнаружено не было. Но данное исследование имело ряд ограничений [19].

Таким образом, проанализированные нами исследования не могут дать однозначный ответ на вопрос о характере взаимосвязи интернет-зависимости и социальной поддержки. Тем не менее анализ теоретических обзоров позволяет нам построить ряд гипотез:

1. Уровень социальной поддержки обратно пропорционально связан с уровнем интернет-зависимого поведения у подростков. А именно: подростки с выраженными симптомами интернет-зависимости будут иметь низкий уровень удовлетворенности социальной поддержкой.

2. У подростков с разным уровнем зависимости (высокий и низкий уровни) есть различия в показателях социальной поддержки.

Организация и методы исследования

Участники исследования

В исследовании приняли участие 103 учащихся 7–8 классов МОУ СОШ с углубленным изучением иностранных языков № 122 г. Перми, в возрасте 14–15 лет, из них 55 девочек и 48 мальчиков. По результатам первичной статистической обработки данных в выборку вошли 60 подростков, которые были разделены на 2 группы: 30 человек с высоким уровнем и 30 человек с низким уровнем выраженности симптомов интернет-аддикции.

Организация исследования

Участники приглашались к исследованию на добровольной основе и с письменного согласия родителей. Исследование осуществлялось в школе, в рамках урока. Подросткам предоставлялись бланки опросников, которые им необходимо было заполнить. В этой части участвовало 103 учащихся 7–8 классов. Затем респонденты были поделены на две группы по результатам методики «Шкала интернет-зависимости С. Чена».

Школьники были условно разделены на 2 группы: с высоким уровнем интернет-зависимого поведения – 30 человек; с низким уровнем интернет-зависимого поведения – 30 человек. Затем в каждой группе испытуемых была проведена оценка степени выраженности, удовлетворенности и ведущего источника социальной поддержки.

Методики

1. Шкала интернет-зависимости Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS [7]) включает 26 пунктов, с которыми респондент выражает согласие при помощи шкалы от 1 (совсем не подходит) до 4 (полностью подходит). Опросник позволяет оценить выраженности симптомов интернет-зависимости: компульсивные симптомы, симптомы отмены, симптомы толерантности, внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем, проблемы с управлением временем.

2. Шкала социальной поддержки (многомерная шкала восприятия социальной поддержки – MSPSS в адаптации Н.А. Сироты и В.М. Ялтонского [10]) состоит из 12 утверждений, с которыми респондент выражает свое согласие или несогласие. Опросник позволяет выявить источник социальной поддержки: социальная поддержка семьи, социальная поддержка друзей, социальная поддержка от «значимых других».

3. Опросник социальной поддержки F-SOZU-22 [13] включает 22 утверждения, которые необходимо оценить по шкале от 1 (совсем не соответствует) до 5 (полностью соответствует). Методика включает 4 шкалы: «Эмоциональная поддержка», «Инструментальная поддержка», «Социальная интеграция», «Удовлетворенность социальной поддержкой».

Обработка данных осуществлялась с помощью U-критерия Манна – Уитни для сравнения групп, а также корреляционного анализа по Ч. Спирмену для выявления взаимосвязей исследуемых показателей.

Результаты

Для выявления различий в выраженности показателей социальной поддержки в группах интернет-зависимых и интернет-независимых подростков было проведено сравнение при помощи U-критерия Манна – Уитни. Обнаружено, что у интернет-зависимых подростков уровень социальной поддержки значительно выше, чем в группе подростков, не имеющих интернет-аддикции. Средний ранг и значение U-критерия приведены в таблице (табл. 1).

Таблица 1

Результаты сравнительного анализа показателей интернет-зависимости и социальной поддержки с помощью U-критерия Манна – Уитни

Шкала	Средний ранг		U-критерий
	Группа 1	Группа 2	
Эмоциональная поддержка	36,57	24,43	-2,706**
Инструментальная поддержка	34,98	26,02	-2,000*
Социальная интеграция	38,10	22,90	-3,376**
Общий уровень социальной поддержки	37,58	23,42	-3,143**
Поддержка семьи	37,25	23,75	-3,144**
Поддержка друзей	34,73	26,27	-2,085*

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$; ** – корреляция значима на уровне $p < 0,01$; группа 1 – подростки с низким уровнем выраженности симптомов интернет-зависимости; группа 2 – подростки с высоким уровнем выраженности симптомов интернет-зависимости.

При рассмотрении корреляций по Спирмену в группе подростков с высоким уровнем выраженности симптомов интернет-зависимости были получены следующие взаимосвязи симптомов интернет-зависимости и социальной поддержки (табл. 2):

Таблица 2

Корреляционные взаимосвязи интернет-зависимости и социальной поддержки в группе подростков с высоким уровнем выраженности симптомов интернет-зависимости

Симптомы интернет-зависимости	Социальная поддержка		
	Удовлетворенность социальной поддержкой	Поддержка семьи	Поддержка значимых других
Симптомы толерантности	-0,48*	-0,39*	
Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем			-0,42*
Ключевые симптомы	-0,41*		

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Симптомы толерантности отрицательно связаны с уровнем удовлетворенности социальной поддержки и поддержкой семьи. Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем отрицательно связаны с поддержкой значимых других. Ключевые симптомы интернет-зависимости имеют обратную взаимосвязь с удовлетворенностью социальной поддержки. Остальные симптомы не имеют статистически значимой взаимосвязи с уровнем социальной поддержки.

При рассмотрении взаимосвязей группе подростков с низким уровнем выраженности симптомов интернет-зависимости также был использован корреляционный анализ по Ч. Спирмену. Полученные корреляции представлены в таблице (табл. 3).

Таблица 3

Корреляционные взаимосвязи интернет-зависимости и социальной поддержки в группе подростков с низким уровнем выраженности симптомов интернет-зависимости

Симптомы интернет-зависимости	Социальная поддержка			
	Эмоциональная поддержка	Инструментальная поддержка	Социальная интеграция	Поддержка значимых других
Симптомы толерантности	-0,45*			
Внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем		-0,38*		

Симптомы интернет-зависимости	Социальная поддержка			
	Эмоциональная поддержка	Инструментальная поддержка	Социальная интеграция	Поддержка значимых других
Проблемы с управлением временем	-0,36*		-0,44*	-0,47*
Проблемы, связанные с зависимостью		-0,38*		

Примечание. * – корреляция значима на уровне $p < 0,05$.

Рассмотрение корреляционных связей интернет-зависимости и социальной поддержки в группе подростков с низким уровнем выраженности симптомов интернет-зависимости показало, что симптомы толерантности имеют обратную взаимосвязь с уровнем эмоциональной поддержки, выраженность внутриличностных проблем и проблем со здоровьем отрицательно связаны с инструментальной поддержкой. Проблемы с управлением временем имеют обратные взаимосвязи с уровнем эмоциональной поддержки, социальной интеграции и поддержки значимых других. Проблемы, связанные с зависимостью, отрицательно связаны с инструментальной поддержкой.

Исследование выраженности симптомов интернет-зависимости с уровнем социальной поддержки показало, что ряд симптомов (толерантность, внутриличностные проблемы и проблемы со здоровьем, проблемы с управлением времени; проблемы, связанные с зависимостью; ключевые симптомы) имеют обратные взаимосвязи с эмоциональной и инструментальной поддержкой, оказываемой семьей и значимыми другими, а также с социальной интеграцией.

Обсуждение результатов

Таким образом, на основании полученных нами данных мы можем сделать вывод о наличии обратной взаимосвязи между уровнем интернет-зависимости подростков и уровнем социальной поддержки.

Мы выяснили, что проблемы с управлением временем связаны с недостатком эмоциональной поддержки, социальной интеграции и поддержки значимых других. Это свидетельствует о том, что подросток, который не испытывает проблем с переживанием одиночества, получает в достаточной мере эмоциональную поддержку от значимых других, включен в определенную сеть социальных связей, может контролировать время пребывания в Интернете. Также было выявлено следующее: чем больше подросток получает эмоциональной поддержки, связанной с переживанием позитивного чувства близости, доверия и общности, тем меньше времени ему требуется для получения удовольствия от Интернета. То есть время, проведенное в Интернете, сокращается. Мы обнаружили, что подросток, который получает

практическую, материальную или информационную поддержку от окружающих в большем объеме, испытывает меньше психических, физических или социальных проблем, вызванных использованием Интернета.

Исходя из полученных результатов, мы можем сделать вывод о том, что социальная поддержка выступает своего рода защитным барьером. Результаты нашего исследования согласуются с данными, полученными G.B. Çevik и M.A. Yıldız [15]. В их исследовании было обнаружено, что социальная поддержка входит в число стратегий, используемых подростками для преодоления и предупреждения интернет-аддикции. Также результаты данного исследования показали, что воспринимаемая социальная поддержка со стороны значимых других людей входят в число стратегий преодоления интернет-зависимости. Это соотносится с результатами, полученными в нашем исследовании.

Нами была выявлена связь ключевых симптомов с удовлетворенностью социальной поддержкой: чем меньше подросток удовлетворен поддержкой, которую он получает, тем сильнее проявляются симптомы интернет-зависимости (невозможность преодолеть желание войти в Интернет, чувство дискомфорта и раздражительности если не удастся войти в Интернет, возрастает время пребывания в Интернете). Также обнаружена взаимосвязь внутриличностных проблем и проблем со здоровьем с поддержкой значимых других: если подросток не получает достаточно поддержки от значимых других, от взрослых, в чьей поддержке он нуждается, то это может привести к возникновению периодических или постоянных физических, социальных или психологических проблем, которые вызываются использованием Интернета. Также полученные результаты позволяют нам констатировать следующее: чем меньше подросток удовлетворен социальной поддержкой (отношения не дают ему ощущения уверенности и безопасности) и чем меньше поддержки от семьи он получает, тем больше времени ему требуется, чтобы получить удовольствие от использования Интернета.

Аналогичные данные были получены в исследовании X. Cui и X. Chi «Взаимосвязь социальной поддержки и интернет-зависимости среди китайских подростков во время пандемии»: у подростков с высоким уровнем интернет-зависимости наблюдаются низкие показатели удовлетворенности социальной поддержкой [14]. Не получив достаточную поддержку из своего окружения, подросток стремится найти ее в сети Интернет, увеличивая тем самым время пребывания в Интернете и болезненно переживая «расставание» с ним.

Также можно предположить, что низкая удовлетворенность социальной поддержкой может являться фактором ухода подростка в интернет-зависимость. Подтверждение этому можно найти в статье X. Han, S.Y. Jie, Z.S. Hua, Jin [18]. Их исследование показало, что социальная поддержка, с одной стороны, может оказывать позитивное влияние, путем усиления позитивных психологических ресурсов, тем самым уменьшая интернет-аддикцию. С другой стороны, недостаточность социальной поддержки может выступить фактором, усиления интернет-зависимости. Можно предположить, что подростки используют Интернет как способ получения социальной поддержки, если им не удастся получить ее в реальности.

Выводы

Гипотеза о том, что между группами интернет-зависимых и интернет-независимых подростков имеются различия в показателях социальной поддержки, подтвердилась. При сравнении средних в двух группах показатели были выше у подростков с низким уровнем интернет-зависимости практически по всем шкалам, кроме двух: «Удовлетворенность социальной поддержкой» и «Поддержка значимых других». Исходя из этих данных, мы можем сказать, что у подростков с разным уровнем интернет-зависимости имеются различия в показателях социальной поддержки.

Также в ходе нашего исследования подтвердилась гипотеза о том, что уровень социальной поддержки обратно пропорционально связан с уровнем интернет-зависимости подростков. А именно у подростков с высоким уровнем интернет-зависимости значительно ниже общий уровень социальной поддержки. Полученные нами данные также свидетельствуют о том, что низкий уровень интернет-зависимости связан с особенностями социальной поддержки. Выявлены взаимосвязь симптома толерантности с эмоциональной поддержкой; взаимосвязь проблем с управлением временем с эмоциональной поддержкой, социальной интеграцией и поддержкой значимых других; а также взаимосвязь внутриличностных проблем и проблем со здоровьем с инструментальной поддержкой.

Опираясь на полученные результаты, мы можем предположить, что достаточный уровень социальной поддержки выступает своего рода защитным барьером и препятствует развитию и усугублению симптомов интернет-зависимости. А низкая удовлетворенность социальной поддержкой, напротив, может стать толчком к «уходу» подростка в виртуальный мир.

Ограничения

Данное исследование имеет ряд ограничений. Во-первых, была рассмотрена только одна возрастная группа – 14–15 лет. Во-вторых, в исследовании принимали участие ученики одной школы. Вместе с тем данные ограничения дают возможность сформулировать гипотезы, которые могут быть проверены в дальнейшем.

Список литературы

1. Бурова В.А. Зависимость от компьютера и Интернета [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psyline.ru/inzav.htm>
2. Голдберг И. Одиночество как нарушение восприятия времени // *Journal of Contemporary Psychotherapy*. – 2001. – Vol. 31. – № 4.
3. Дмитриева Н.В., Короленко Ц.П. Социодинамическая психиатрия // М. : Академический проект ; Екатеринбург. – 2000. – 460 с.
4. Жилов В.С. Основные проблемы интернет-зависимого поведения // *Известия РГПУ им. А.И. Герцена*. – 2008. – № 54. – С. 361–365.
5. Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А. Социальная поддержка как психологический феномен // *Вопросы психологии : науч. журнал*. – 2014. – № 5. – С. 105–117.

6. Лифинцев Д.В., Серых А.Б., Лифинцева А.А. Социальная поддержка как фактор психического благополучия детей и подростков // Национальный психологический журнал. – 2016. – № 4 (24). – С. 71–78.
7. Малыгин В.Л. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики : учеб. пособие. – М. : МГМСУ. – 2011. – 32 с.
8. Силантьева Т.А. Операционализация конструкта «социальная поддержка» // Современная зарубежная психология. – 2014. – Т. 3, № 4.
9. Силантьева Т.А. Социальная поддержка как фактор психологической устойчивости личности и безопасности инклюзивного образовательного пространства // Психологическая наука и образование. – 2013. – № 6.
10. Сирота Н.А., Ялтонский В.М., Лыкова Н.М. Исследование базисных копинг-стратегий подростков 11–12 лет из неблагополучной и благополучной среды // Вопросы наркологии. – 2003. – № 1. – С. 36–46.
11. Солдатова Г.У., Рассказова Е.И. Обратная сторона цифровой компетентности российских подростков: иллюзия компетентности и рискованное поведение онлайн // Журнал психологии. – 2017. – № 3. – С. 3–15.
12. Хараш А Психология одиночества [Электронный ресурс]. – URL: <http://incognita.avtor.ws/poznavatelnoe/psihologiya/psihologiyaodinochestva-a-u-harash/>
13. Холмогорова А.Б., Петрова Г.А. Диагностика уровня социальной поддержки при психических расстройствах. – М. : Моск. НИИ психиатрии, 2007.
14. Юрьева Л.Н., Больбот Т.Ю. Компьютерная зависимость: формирование, диагностика, коррекция и профилактика : моногр. – Днепропетровск : Пороги, 2006. – 196 с.
15. Çevik G.B., Yıldız M.A. The Roles of Perceived Social Support, Coping, and Loneliness in Predicting Internet Addiction in Adolescents // Journal of Education and Practice. – 2017. – Vol. 8, № 12. – P. 64–73.
16. Cui X., Chi X. The Relationship Between Social Support and Internet Addiction Among Chinese Adolescents During the COVID-19 Pandemic: A Multiple Mediation Model of Resilience and Post-Traumatic Stress Disorder Symptoms // Psychology Research and Behavior Management. – 2021. – Vol. 14. – P. 1665–1674.
17. House J.S. Work stress and social support // Addison-Wesley Reading, MA, 1981. – 156 p.
18. Influence of Social Support on Internet Addiction for Chinese College Students and the Mediating Mechanism / X. Han, S.Y. Jie, Z.S. Hua, Jin // World Applied Sciences Journal. – 2017. – Vol. 35 (2). – P. 288–294.
19. Siyana S., Zinna A.A. Loneliness, Social Support, Life Satisfaction, and Internet Addiction among Day Scholars and Hostel Students // The International Journal of Indian Psychology. – Vol. 6, Issue 3. – P. 137–148.

Раздел 5. ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ

УДК 159.923:37.018

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-91-102

Баландина Людмила Леонидовна

кандидат психологических наук, доцент кафедры педагогики и психологии
e-mail: ludbal23@yandex.ru

Гуржий Анна Петровна

магистрант III курса кафедры педагогики и психологии
e-mail: anyta00@mail.ru

*ФГБОУ ВО «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Пушкина, 44, +7 (342) 215-18-76 (418)*

ВЗАИМОСВЯЗЬ СУВЕРЕННОСТИ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И РОДИТЕЛЬСКОГО ОТНОШЕНИЯ

Lyudmila L. Balandina

Associate Professor at Department of Pedagogy and Psychology
e-mail: ludbal23@yandex.ru

Anna P. Gurzhiy

Master's Student of the Department of Pedagogy and Psychology, 3 year
e-mail: anyta00@mail.ru

*Federal State Budget Institution of Higher Education
«Perm State Humanitarian Pedagogical University»
44, Pushkina, 614990, Perm, Russia*

THE RELATIONSHIP BETWEEN THE SOVEREIGNTY OF THE PSYCHOLOGICAL SPACE AND PARENTAL RELATIONSHIPS

Аннотация. В статье анализируется проблема суверенности психологического пространства личности в связи с родительским отношением. Представлен обзор теоретических и эмпирических источников в рамках изучаемой темы. Рассматриваются данные проведенного исследования, в котором принимали участие испытуемые подросткового и юношеского возраста. Выявленные факты и их анализ подтверждают взаимосвязь показателей суверенности и типов родительского отношения, отражающих воспитательные практики отцов и матерей. При повышении позитивного

интереса и фактора близости родителей показатели суверенности детей повышаются, при враждебности, директивности, непоследовательности, факторе критики показатели суверенности снижаются. Обнаружена специфика взаимосвязей в изучаемых возрастах в зависимости от пола родителя.

Ключевые слова: суверенность психологического пространства, родительское отношение, подростковый возраст, юношеский возраст.

Abstract. The article analyzes the problem of the sovereignty of the psychological space of the individual in connection with the parental relationship. An overview of theoretical and empirical sources within the framework of the topic under study is presented. The data of the conducted study, in which adolescent and adolescent subjects participated, are considered. The revealed facts and their analysis confirm the relationship between indicators of sovereignty and styles of parental attitude. With an increase in positive interest and the factor of parental closeness, the indicators of children's sovereignty increase, with hostility, directionality, inconsistency, and the factor of criticism, the indicators of sovereignty decrease. The specificity of the relationships in the studied ages depending on the gender of the parent was found.

Key words: the sovereignty of the psychological space, parental attitude, adolescence, adolescence.

Роль детско-родительских отношений в формировании личности ребенка в разные периоды онтогенеза является предметом многих исследований, в то время как понятие суверенности психологического пространства закрепилось в науке относительно недавно и требуют дальнейшего изучения. Суверенность как свойство личности определяет качество жизни человека, способствует его самоактуализации, аутентичности, ощущению собственной ценности. Изучение суверенности психологического пространства в контексте родительского отношения имеет как теоретическое, так и практическое значение и сохраняет свою актуальность.

Суверенность психологического пространства

Теория суверенности психологического пространства была разработана С.К. Нартовой-Бочавер (2005) в рамках субъектно-средового подхода под влиянием идей У. Джемса (1922) и его теории эмпирической личности, теории поля К. Левина (2000), теории приватности И. Альмана (1975), исследований феномена границ Д.А. Леонтьева (2000), С.Л. Рубинштейна (2015). С.К. Нартова-Бочавер рассматривает суверенность с нескольких сторон. Во-первых, это способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство; во-вторых, это состояние личностных границ человека; в-третьих, черта личности, проявляющаяся в высокой чувствительности к внедрению извне; в-четвертых, механизм установления баланса между собственными потребностями человека и потребностями других; в-пятых, система имплицитных и эксплицитных правил, регулирующих доступ к ресурсам и взаимоотношения между людьми [14].

Д.Ю. Дорофеев (2011) определяет суверенность как «способность самому организовывать свое существование» [5]. Быть суверенным человеком, по мнению автора, значит находиться «самоопределяемым и самополагаемым» А.В. Ключко и О.М. Краснорядцева (2002) характеризуют суверенного человека не только как деятельного, здорового, полноценно функционирующего, самореализующегося человека, но и создающего самого себя и мир вокруг [8]. Становясь суверенной личностью, человек становится способным влиять на свою жизнь, тем самым стимулируя дальнейшее развитие собственного внутреннего мира

В научных работах, посвященных феномену суверенности, можно выделить несколько тем, отражающих его связь с другими явлениями психики в подростковом и юношеском возрасте. Суверенность способствует бесконфликтной продуктивной сепарации, суверенность и переживание угроз личной безопасности (Н.Е. Харламенкова, 2015); определяет степени невротизации (Д.Б. Иркин, Т.Д. Шевеленкова, 2011), самостоятельность как проявление суверенности и ее связь с «открытостью – закрытостью» личности к новому опыту (Ю.В. Трофимова, 2012), взаимосвязь суверенности и субъективного благополучия (О.П. Кузнецова, 2021), взаимосвязь с адаптивностью личности и отрицательная связь с неприятием себя и других, эмоциональным дискомфортом, экстернальным локусом контроля, ведомостью и эскапизмом (З.В. Крецан и Е.В. Морозов, 2022) [7, 10, 11, 18, 19].

Психологическое пространство. Суверенность рассматривается как способность человека контролировать, защищать и развивать свое психологическое пространство. Обратимся к работам, посвященным исследованию психологического пространства, определяющим его содержание и структуру. Психологическое пространство определяется как «субъективное пространство жизнедеятельности», «психологический образ жизни» (Д.В. Ольшанский, 1983), «субъективизированная среда», которая создаётся и поддерживается самим субъектом в соответствии с его жизненными принципами и смыслами, ценностями и целями (А.Б. Купрейченко, 2012).

Наиболее глубокое изучение психологического пространства личности представлено в работах С.К. Нартовой-Бочавер, которая характеризует его как «субъективно значимый фрагмент бытия, определяющий актуальную деятельность и стратегию жизни человека. Оно включает в себя комплекс физических, социальных и чисто психологических явлений, с которыми человек себя отождествляет». Автор предлагает шесть измерений психологического пространства, которые отвечают разным потребностям человека через каналы взаимодействия человека с миром: собственное тело, территория, личные вещи, привычки, ценности, социальные связи [13].

Н.В. Буравцова представляет психологическое пространство в двух аспектах: как устойчивую характеристику личности и как ее состояние. Автор утверждает, что оно подвижно и зависит от осознанности и интенсивности жизнедеятельности человека: оно способно расширяться при наличии неопределенных перспектив, в ситуации поиска новых смыслов, оставаться

постоянным в случае нахождения решения и стягиваться в период существенных переживаний и др. [2].

Рассматривая человека в качестве субъекта, имеющего множество бытийных пространств, З.И. Рябикина понимает развитие личности как происходящее в виде расширения ее бытийности за счет различной степени успешности и активности в реализации себя. В субъектно-бытийном подходе автор обращает особое внимание на преобразование реальности бытия внешнего мира в соответствии с системой сложившихся личностных смыслов, причем бытийные пространства личности прямо включены в эту систему [16].

Под жизненным пространством личности Н.А. Кондратова понимает наиболее значимую (близкую, любимую, интересную) для человека часть его жизненного мира, определяющую субъективно наиболее важные для него стороны его жизнедеятельности. Оно определяется активностью субъекта, направленной на реализацию им собственных стремлений. Границы жизненного пространства личности формируются процессами обособления «своего» от «чужого». Вместе с тем граница выступает точкой соприкосновения и взаимодействия «своего» и «чужого». Существует не одна устойчивая граница, а ряд (возможно, множество) в большей или меньшей степени подвижных границ [9].

Психологические границы. Важным свойством психологического пространства личности является прочность его границ, дающее человеку переживание суверенности собственного «Я», чувство безопасности, уверенности, доверия к миру [10]. Рассматривая тему психологических границ личности, стоит обратиться к работам Т.С. Леви (2007), придерживающегося телесно-энергийного подхода в понимании психологических границ, исследованиям Т.В. Пивненко (2008) о нарушениях психологических границ у детей, В.И. Волоховой (2018) о взаимосвязи психологических границ и темпоральной компетентности личности, Ж.А. Бисингалиевой (2019), которая рассматривала границы как психологическое образование, отражающее степень доступности сознанию внешних по отношению к нему воздействий [1, 3, 12, 15].

Суверенность и родительское отношение. Изучению детско-родительских отношений посвящено множество работ. Проблема влияния отношений родителей на личность ребенка обсуждалась в трудах З. Фрейда, А. Адлера, Д. Боулби, Э. Эриксона и др. В отечественной науке наиболее известны работы А.С. Спиваковской (1981), Э.Г. Эйдемиллера (2008), А.Я. Варга (1986), В.В. Столина (2006) и др.

При определении актуального понятийного аппарата мы разделяем позицию Н.А. Ефремовой, которая предлагает разводить понятия «детско-родительские отношения» и «родительское отношение», определяя первые как двусторонние: обе стороны (родитель и ребенок) активно формируют систему взаимоотношений между взрослым и ребенком, которые появляются в процессе взаимодействия родителя и ребенка, имеющие свою динамику и специфическое содержание; а вторые – как результат работы сознания и самосознания

родителя, результат психического отражения взрослым человеком своего взаимодействия с ребенком [6].

В нашем исследовании мы рассматриваем феномен родительского отношения как фактор, способствующий или препятствующий формированию суверенности психологического пространства, и опираемся на положение Э. Шафера о том, что воспитательное воздействие родителей можно охарактеризовать при помощи трех факторных переменных: принятие – эмоциональное отвержение, психологический контроль – психологическая автономия, скрытый контроль – открытый контроль.

Рассматривая связи между суверенностью психологического пространства и отношением матерей и отцов к дочерям и сыновьям подросткового возраста, Д.Б. Иркин и Т.Д. Шевеленкова устанавливают особую значимость взаимосвязи по шкале «враждебность». В то же время положительное отношение к ребенку со стороны родителей, основанное на психологическом принятии и умеренном контроле, создает наиболее благоприятную среду для суверенизации личности, причем наблюдается специфика в зависимости от пола родителя и пола ребенка [7].

При изучении взаимосвязи стратегий семейного взаимодействия и суверенности психологического пространства подростков О.Ю. Гроголева и М.А. Королева обнаруживают, что большая часть испытуемых обладают средним уровнем суверенности психологического пространства. Родительские стратегии взаимодействия (мягкость, лояльность в установлении правил, предоставление возможности проявлять самостоятельность, эмоциональная близость, доверие и сотрудничество с ребенком) способствуют, а контроль, отвержение и эмоциональная дистанция являются препятствиями для формирования умеренной суверенности [4].

В семьях старших подростков с депривированным психологическим пространством преобладают такие стили воспитания родителей, как авторитарный (62,8 %), либеральный (15,6 %), индифферентный (8,2 %). Л.В. Скорова приходит к выводу, что жесткий контроль, суровые запреты, физические наказания в сочетании с безразличием и попустительством способствуют формированию у ребенка неуверенности, безответственности и неумению отстаивать свои интересы [17].

Анализ литературы показал, что имеются данные о связи суверенности с детско-родительскими отношениями, прежде всего в подростковом возрасте. Но остается без должного внимания юношеский возраст. Также недостаточно освещен вопрос о взаимосвязях в зависимости от пола родителя. В связи с этим было организовано экспериментальное исследование, направленное на исследование обозначенной проблемы.

Целью исследования стало изучение взаимосвязи показателей суверенности психологического пространства и родительского отношения у лиц подросткового и юношеского возраста.

В исследовании были выдвинуты следующие гипотезы:

1. Существуют взаимосвязи между показателями суверенности детей и родительского отношения отцов и матерей – связи имеют специфику в зависимости от возраста детей и пола родителей.

2. При повышении позитивного интереса и фактора близости родителей показатели суверенности детей усиливаются, а при враждебности, директивности, непоследовательности, факторе критики показатели суверенности снижаются.

Выборка и методы исследования

Экспериментальное исследование проводилась в двух выборках. Первую группу составили подростки в возрасте 14–15 лет, учащиеся восьмых классов общеобразовательной школы г. Перми в количестве 40 человек. Вторая группа испытуемых – 41 человек в возрасте от 18 до 20 лет, проходила тестирование на платформе Online test pad.

В ходе исследования были использованы следующие методы:

- Психодиагностические методы: опросник «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер, опросник «Подростки о родителях» под редакцией Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицыной, который позволяет изучить особенности восприятия и понимания детей воспитательной практики их родителей.

- Методы математической обработки данных: Т-критерий Стьюдента, коэффициент корреляции Пирсона. Первичные данные были подвергнуты статистической обработке с помощью программы Statistic 10.0 for Windows.

Результаты исследования

Для проверки гипотезы о существующей специфике значимых взаимосвязей между показателями суверенности и родительского отношения был использован коэффициент корреляции Пирсона. Проведен анализ корреляционных связей в выборке испытуемых подросткового и юношеского возраста отдельно с матерями и отцами. Результаты представлены в табл. 1–4.

Взаимосвязь суверенности психологического пространства подростков с родительским отношением матерей (см. табл. 1). По результатам корреляционного анализа наблюдается взаимосвязь шкалы «позитивный интерес» с «суверенностью социальных связей» ($r=0,38$; $p\leq 0,05$). Испытуемые, ощущающие со стороны матери принятие и одобрение, более свободны в выборе социальных связей. «Автономность» матерей слабо детерминирует суверенность, роль этого типа родительской практики мала. Данный показатель имеет положительную взаимосвязь только со шкалой «суверенность социальных связей» ($r=0,35$). Чем более мать предоставляет возможности ребенку почувствовать самостоятельность, тем более свободен он в выборе своего окружения, что является важным условием его социального развития.

Таблица 1

Взаимосвязь суверенности психологического пространства подростков с родительским отношением матерей

	ПИ	ДИР	ВРАЖ	АВТ	НЕП	ФБ	ФК
Суверенность ценностей			-0,43**				
Суверенность привычек		-0,40**	-0,36*		-0,36*	0,33*	-0,41**
Суверенность физического тела		-0,40**	-0,41**		-0,32*	0,35*	-0,38*

	ПИ	ДИР	ВРАЖ	АВТ	НЕП	ФБ	ФК
Суверенность вещей			-0,41**			0,31*	
Суверенность территории			-0,33*		-0,44**		
Суверенность социальных связей	0,38*	-0,41**	-0,47**	0,35*		0,47**	-0,45**
Суверенность психологического пространства (общий)			-0,49**		-0,38*	0,40**	

Примечание. ПИ – позитивный интерес; ДИР – директивность; ВРАЖ – враждебность; АВТ – автономность; НЕП – непоследовательность; ФБ – фактор близости; ФК – фактор критики.

Шкала «директивность» имеет отрицательную связь со шкалами «суверенность привычек» ($r=-0,40$), «суверенность физического тела» ($r=-0,40$), «суверенность социальных связей» ($r=-0,41$). Чем более контролирующим является отношение матери к подростку, тем более депривировано психологическое пространство и снижено чувство субъектности по отношению к внешнему миру. Особое внимание следует обратить на наличие отрицательной связи показателей по шкале «враждебность» со всеми показателями суверенности. Исходя из этих результатов можно сделать вывод о том, что проявление злости и возмущения за несущественные проступки и в целом подозрительное отношение к семейной среде, дистанция по отношению к ее членам (в частности, к детям) являются наиболее депривующими факторами родительских отношений. Данные результаты согласуются с результатами исследования Д.Б. Иркина и Т.Д. Шевеленковой, которые установили наибольшее число отрицательных взаимосвязей враждебного отношения обоих родителей и суверенности психологического пространства подростков [7].

Отрицательная связь между шкалами «непоследовательность» и «суверенность привычек» ($r=-0,36$), «суверенность физического тела» ($r=-0,32$); «суверенность территории» ($r=-0,44$), «общий показатель суверенности» ($r=-0,38$) указывает на то, что склонность матери к переменам в стиле воспитательных приемов является неблагоприятным условием для формирования суверенности ребенка. При невозможности предвидеть реакцию родителя на те или иные свои поступки у ребенка возникает чувство незащищенности и тревоги, что способствует депривации психологического пространства.

«Фактор близости» коррелирует с такими показателями, как «суверенность привычек» ($r=0,33$), «суверенность вещей» ($r=0,33$), «суверенность физического тела» ($r=0,35$), «суверенность социальных связей» ($r=0,47$), «суверенность психологического пространства» ($r=0,40$). Чем более теплыми и открытыми ощущает подросток отношения с матерью, тем более суверенно его психологическое пространство. «Фактор критики» имеет обратную связь с такими показателями, как «суверенность привычек» ($r=0,41$), «суверенность физического тела» ($r=0,38$), «суверенность социальных связей»

($r=0,45$). Чем более родитель склонен к чрезмерному контролю, с одной стороны, и недостаточно заинтересован в жизни ребенка, с другой, тем менее суверенна личность ребенка.

Взаимосвязь суверенности психологического пространства юношей и девушек с родительским отношением матерей (см. табл. 2). Корреляционный анализ показателей суверенности испытуемых юношеского возраста и их взаимоотношений с матерями демонстрирует динамику в сторону усиления взаимосвязей. В юношеском возрасте, когда ребенок сталкивается с необходимостью принимать важные жизненные решения, отношения с матерью становятся особенно важны при формировании и поддержании суверенности.

Таблица 2

Взаимосвязь суверенности психологического пространства испытуемых юношеского возраста с родительским отношением матерей

	ПИ	ДИР	ВРАЖ	АВТ	НЕП	ФБ	ФК
Суверенность ценностей	0,45**	-0,50***	-0,56***	0,55***	-0,48**	0,53***	-0,55***
Суверенность привычек		-0,43**			-0,38*		-0,37*
Суверенность физического тела		-0,35*	-0,42**	0,31*	-0,53***	0,36*	-0,35*
Суверенность вещей	0,36*	-0,49**	-0,49**	0,38*	-0,55***	0,45**	-0,48**
Суверенность территории	0,35*	-0,31*	-0,38*		-0,36*	0,38*	-0,31*
Суверенность социальных связей	0,42**	-0,63***	-0,56***	0,62***	-0,39*	0,51***	-0,67***
Суверенность психологического пространства	0,43**	-0,57***	-0,57***	0,51***	-0,59***	0,52***	-0,58***

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Так, шкалы «*позитивный интерес*» и «*фактор близости*» имеют положительную связь со шкалами «суверенность ценностей» ($r=0,45$; $r=0,53$), «суверенность вещей» ($r=0,36$; $r=0,45$), «суверенность территории» ($r=0,35$; $r=0,38$), «суверенность социальных связей» ($r=0,42$; $r=0,51$) и с «общим показателем суверенности» ($r=0,43$; $r=0,52$).

«*Автономность*» материнского стиля по отношению к детям юношеского возраста, в сравнении с подростковым, играет более важное значение. Выявлены связи с большинством показателей суверенности, кроме шкал «суверенность территории» и «суверенность привычек». Предоставление возможности самостоятельности и свободы выбора дают возможность развития суверенности.

Значимая отрицательная связь между шкалами «*директивность*» и «*враждебность*» (кроме шкалы «суверенность привычек»), «*непоследовательность*», «*фактор критики*» и почти всеми показателями суверенности ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$) указывает на особо важное значение в юношеском возрасте проявлений негативных материнских отношений при формировании всех параметров суверенности. Усиление жесткого контроля,

снижение ориентации на мнение ребенка, возрастание критичности, агрессивности, неустойчивости в стилях воспитания препятствуют суверенизации и депривирует психологическое пространство сына или дочери. И наоборот, при снижении проявлений этих родительских практик у детей появляется возможность более благоприятного развития суверенности.

Взаимосвязь суверенности психологического пространства подростков с родительским отношением отцов. Характер взаимосвязей родительского отношения отцов, по сравнению с материнским отношением к детям в подростковом возрасте, отличается усилением плотности этих взаимосвязей (см. табл. 3).

Таблица 3

Взаимосвязь суверенности психологического пространства подростков с родительским отношением отцов

	ПИ	ДИР	ВРАЖ	АВТ	НЕП	ФБ	ФК
Суверенность ценностей	0,33*	-0,57***	-0,46**			0,50***	-0,49**
Суверенность привычек	0,33*	-0,53***	-0,49**	0,43**		0,39*	-0,55***
Суверенность физического тела	0,40**	-0,44**	-0,55***	0,30*	-0,44**	0,58***	-0,43**
Суверенность вещей	0,43**	-0,36*	-0,51***		-0,33*	0,51***	-0,30*
Суверенность территории	0,35*		-0,39*			0,40**	
Суверенность социальных связей	0,43*	-0,45**	-0,63***		-0,37*	0,57***	-0,37*
Суверенность психологического пространства	0,51*	-0,54***	-0,66***		-0,39*	0,65***	-0,49**

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Важным для формирования суверенности детей является «*позитивный интерес*» и «*фактор близости*» отцов, что свидетельствует о значимой роли отцовского уважительного и заинтересованного, поддерживающего отношения к личности подростка в процессе формирования суверенности. «*Автономность*» отцов, как и матерей подростков, проявляет себя более слабо по сравнению с другими стилями родительского отношения. Положительно взаимосвязана с двумя показателями: «суверенностью привычек» ($r=0,43$) и «суверенностью физического тела» ($r=0,30$).

«*Директивность*», «*враждебность*», «*фактор критики*» отца, как и матери, отрицательно тесно связаны с показателями суверенности ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$). Этот факт подтверждает, что агрессивность, отчужденность, повышенная критичность обоих родителей пагубно влияют на суверенность ребенка во обоих изучаемых возрастах. «*Непоследовательность*» по сравнению с другими родительскими стилями оказывает неблагоприятное воздействие на формирование отдельных параметров суверенности.

Взаимосвязь суверенности психологического пространства юношей и девушек с родительским отношением отцов. Родительская практика отцов иначе себя проявляет во взаимосвязях с показателями суверенности в выборке испытуемых юношеского возраста, по сравнению с выборкой подростков. Плотность взаимосвязей между изучаемыми показателями значительно ослабевает, сохраняются фрагментарные связи между отдельными показателями (см. табл. 4).

Таблица 4

Взаимосвязь суверенности психологического пространства испытуемых юношеского возраста с родительским отношением отцов

	ПИ	ДИР	АВТ	НЕП	ФБ	ФК
Суверенность привычек		-0,45**	0,41**			-0,52***
Суверенность физического тела	0,35*			-0,43**	0,37*	
Суверенность социальных связей		-0,30*				-0,32*

Примечание. * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

Так, значимая положительная связь остается между родительскими стилями «*позитивный интерес*», «*автономность*», «*фактор близости*» и тремя параметрами суверенности: «суверенность привычек», «суверенность социальных связей» и «суверенность физического тела». Отрицательная связь сохраняется с показателями «*директивность*», «*непоследовательность*» и «*фактор критики*» ($p \leq 0,05$; $p \leq 0,01$; $p \leq 0,001$). Важно подчеркнуть, что ни один стиль отцовского отношения не имеет значимой связи с *общим показателем суверенности* психологического пространства.

Полученные результаты могут объясняться возрастными особенностями личности и характером отношения с родителями разного пола. В юношеском возрасте в большинстве случаев происходит сепарация, т.е. психологическое отделение ребенка от родителей, в результате которой человек становится самостоятельным в разных аспектах жизни. Возникают новые психологически здоровые отношения с родителями – отношения между взрослыми людьми. Сепарация позволяет человеку вступить в роль «взрослого» и полноценно начинать собственную жизнь. По-видимому, процесс сепарации раньше начинается в диаде отношений «отец – ребенок» и более медленно и сложно в диаде «мать – ребенок».

Анализ корреляционных связей данного исследования согласуется с исследованиями других авторов, в частности, с работой О.Ю. Гроголевой и М.А. Королевой, которые отмечали положительную связь суверенности с родительскими отношениями, ориентированными на сотрудничество, доверие, предоставление возможности проявлять самостоятельность и др. [4]. И напротив, отвержение, контроль и эмоциональная дистанция как стратегии семейного взаимодействия снижают уровень суверенности психологического пространства подростков.

Выводы

При повышении «позитивного интереса» и «фактора близости» родителей более суверенным становится психологическое пространство ребенка. Усиление «враждебности», «директивности», «фактора критики» «непоследовательности» депривирует психологическое пространство. Роль «автономности» родительского стиля менее значима по сравнению с другими типами родительского отношения в процессе формирования суверенности психологического пространства детей.

В подростковом возрасте тесная связь показателей суверенности и родительского отношения отца характеризует значимость этих отношений при формировании суверенности подростка, в то время как в юношеском возрасте эта детерминанта значительно ослабевает. Роль материнского отношения в становлении суверенности ребенка имеет противоположную тенденцию: в юношеском возрасте, по сравнению с подростковом, эта связь усиливается. Выявленная специфика взаимосвязей обусловлена особенностями возрастного развития и спецификой взаимоотношений отцов и матерей со своими детьми.

Список литературы

1. Бисингалиева Ж.А. Исследование взаимосвязи психологических границ и суверенности психологического пространства // Мир науки. Педагогика и психология. – 2019. – № 3. – Т. 7.
2. Буравцова Н.В. Суверенность психологического пространства как фактор, способствующий развитию ценностно-смыслового пространства личности // Вестник НГУ. Серия: Психология. – 2008. – Т. 2, вып. 1. – С. 331–334.
3. Волохова В.И. Взаимосвязь психологических границ и темпоральной компетентности личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – СПб., – 2021. – 25 с.
4. Гроголева О.Ю., Королева М.А. Влияние стратегий семейного взаимодействия на суверенность психологического пространства подростка, Молодежь третьего тысячелетия : сб. науч. ст. : XLI регион. студенч. науч.-практ. конф., 10–28 апреля 2017 г. – Омск, 2017.
5. Дорофеев Д.Ю. Спонтанность и суверенность как категории философско-антропологического исследования : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2011. – 41 с.
6. Ефремова Н.А. Психологическое содержание Я-концепции родителя : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Омск, 2004. – 27 с.
7. Иркин Д.Б., Шевеленкова Т.Д. Суверенность психологического пространства личности подростков и ее взаимосвязь с уровнем невротизации и представлениями подростков об их воспитании родителями [Электронный ресурс] // Психология и право. – 2011. – Т. 1, № 3. – URL: https://psyjournals.ru/journals/psylaw/archive/2011_n3/46566
8. Ключко А.В., Краснорядцева О.М. Суверенность личности как основание психологического здоровья // Сборник научных трудов. – Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002.

9. Кондратова Н.А. Субъективная репрезентация жизненного пространства личности : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2009.
10. Крецан З.В., Морозов Е.В. Содержательные характеристики суверенности во взаимосвязи с личностными параметрами подростков в условиях образовательной среды // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2022. – № 6 (2). – С. 102–109.
11. Кузнецова О.П. Субъективное благополучие подростков с разным уровнем суверенности личности : материалы XV Междунар. науч. конф. «Общество: научно-образовательный потенциал развития (идеи, ресурсы, решения)» (г. Чебоксары, Россия, 31 мая 2021 г.) // Общество. – 2021. – № 2 (21). – С. 120–125.
12. Леви Т.С. Психологическая граница как телесный феномен // Бюллетень АТОП. – 2007. – № 9. – С. 51–68.
13. Нартова-Бочавер С.К. Понятие «психологическое пространство личности»: обоснование и прикладное значение // Психологический журнал. – 2003. – № 6.
14. Нартова-Бочавер С.К. Психология суверенности десять лет спустя : моногр. – М. : Смысл, 2017. – 200 с.
15. Пивненко Т.В. Психологические границы Я в игре детей, не принимаемых сверстниками : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – М., 2008. – 26 с.
16. Рябикина З.И. Личность как субъект формирования бытийных пространств // Субъект, личность и психология человеческого бытия / под ред. В.В. Знакова, З.И. Рябикиной. – М. : Институт психологии РАН, 2005. – С. 45–57.
17. Скорова Л.В. Формирование суверенности психологического пространства у старших подростков // Сибирский психологический журнал. – 2013. – № 48. – С. 75–83.
18. Трофимова Ю.В. Проявления суверенности в юношеском возрасте: различия субъектных характеристик личности // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 6 (37). – С. 336–339.
19. Харламенкова Н.Е. Суверенность психологического пространства личности при разных типах переживаемых угроз // Вестник Костром. гос. ун-та им. Н.А. Некрасова. Серия: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика. – 2015. – Т. 21, № 1. – С. 38–41.

УДК 159.922.7

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-103-111

Харламова Татьяна Михайловна

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей и клинической психологии

e-mail: okpsychology@mail.ru

Тазина Карина Дмитриевна

студентка III курса кафедры общей и клинической психологии

e-mail: okpsychology@mail.ru

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15, +7 (342) 239-66-17*

СПЕЦИФИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МАТЕРЕЙ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ НАРЦИССИЗМА С ДЕТЬМИ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

Tatiana M. Kharlamova

Associate Professor at the Department of General and Clinical Psychology, Ph.D.

e-mail: okpsychology@mail.ru

Karina D. Tazina

Third-year student at the Department of General and Clinical Psychology

e-mail: okpsychology@mail.ru

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva, 614990, Perm, Russia*

SPECIFICITY OF THE INTERACTION OF MOTHERS WITH DIFFERENT LEVELS OF NARCISSISM AND CHILDREN OF PRIMARY SCHOOL AGE

Аннотация. В статье представлены результаты исследования специфики взаимодействия матерей с разным уровнем нарциссизма (высокий, средний, низкий) с детьми младшего школьного возраста. Согласно полученным данным, матери с высоким уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более склонны к проявлению требовательности и контроля во взаимодействии со своим ребенком, у них более выражены макиавеллизм и неклиническая психопатия, проявляющиеся и в отношении собственных детей. Матери со средним уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями

с низким уровнем, более склонны тревожиться за своего ребенка. Показано также, что матери с высоким и средним уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более удовлетворены отношениями с ребенком, но только если он соответствует эгоистичным требованиям нарциссической матери. Результаты исследования могут быть интересны и полезны специалистам в области психологии семьи и детско-родительских отношений, психологам образовательных учреждений, социальным педагогам, учителям начальных классов и всем интересующимся проблемой взаимодействия нарциссических родителей с детьми.

Ключевые слова: матери, нарциссизм, взаимодействие, младшие школьники.

Abstract. The article presents a study on the interaction of mothers with different levels of narcissism (high, medium, low) and children of primary school age. Results show that unlike mothers with low narcissism, those with high narcissism are more prone to being demanding and controlling in interactions with their child; they have more pronounced Machiavellianism and non-clinical psychopathy that also affect the child. Mothers with average narcissism are more likely than those with low narcissism to worry about their child. It is also observed that unlike mothers with low narcissism, those with high and medium narcissism are more satisfied with the relationship with the child, but only if the child meets the egoistic requirements of the narcissistic mother. These results may be interesting and useful to specialists in the fields of family psychology and child-parent relations, psychologists of educational institutions, social educators, primary school teachers, and anyone interested in the interactions of narcissistic parents and their children.

Key words: mothers, narcissism, interaction, primary school students.

Семья является одной из самых закрытых межличностных групп, и это создает определенные трудности в ее изучении, особенно с акцентом на проблемы нарциссического детско-родительского взаимодействия (И.В. Сулима, Е.А. Ковалева, 2018; и др.).

Описывая нарциссизм как «антропологическо-экзистенциальный феномен», А. Лэнгле отмечает, что «...он проявляет себя не только в личном переживании, но с гораздо большей силой – во взаимодействии с другими людьми». Автор утверждает также, что «...современный стиль воспитания способствует проявлению нарциссических тенденций», поскольку в современном мире в приоритете – ориентация на успех, удовлетворение «индивидуальных потребностей», «ценности обладания» и т.д. [5, с. 34–35]. Время подтвердило прозорливость А. Лэнгле в отношении усиления нарциссических тенденций в обществе, особенно в семейных системах. Соответственно, не случаен интерес психологической науки и смежных дисциплин к изучению данной проблемы. Сегодня основные исследовательские акценты делаются на изучении своеобразия проявления нарциссизма в семье (R.E. Neuman, A.M.S. Slep, S.R.H. Beach, M.Z. Wamboldt, N.J. Kaslow, D. Reiss, 2009), на его роли в искажении интимных отношений супругов и процессе

формирования у них родительских установок, на разрушении семейных отношений (И.Е. Жмурин, И.В. Корнейчик, 2021) и т.д. Несомненную исследовательскую актуальность сохраняет и проблема нарциссического родительства, а также его последствий для психического здоровья ребенка (Т.М. Дьяченко, 2018 [1]; К. Макбрайд, 2019 [6]; И.Е. Жмурин, И.В. Корнейчик, 2022 [4]; и др.). При этом большинство авторов акцентируют свое внимание на взаимоотношениях нарциссических родителей с детьми дошкольного, подросткового и юношеского возрастов.

В нашем исследовании мы попытались дополнить существующее знание о специфике взаимодействия нарциссических родителей с детьми на примере матерей младших школьников. В частности, рассмотреть имеющиеся в этом взаимодействии различия с учетом специфики уровня неклинического нарциссизма матери (высокий, средний, низкий).

Новизна работы заключается в обобщении имеющихся и рассмотрении новых фактов в отношении взаимодействия нарциссических родителей с детьми младшего школьного возраста.

Гипотеза исследования. Мы предполагаем, что существуют различия во взаимодействии матерей с разным уровнем нарциссизма с детьми младшего школьного возраста, а именно: матери с высоким уровнем нарциссизма более требовательны к своим детям и более удовлетворены взаимодействием с ними, чем матери со средним и низким уровнем нарциссизма.

Процедура и методики исследования

Эмпирическая часть исследования, целью которого являлось изучение специфики взаимодействия матерей с разным уровнем нарциссизма с детьми младшего школьного возраста, проходила в период с февраля по март 2023 г. на базе общеобразовательных организаций Пермского края (г. Пермь, с. Барда, с. Печмень). Интернет-опрос был проведен посредством родительских чатов в социальной сети «ВКонтакте». Общая выборка (91 респондент, средний возраст – 36 лет) с помощью кластерного анализа была разделена на 3 группы. В первую группу вошли матери с высоким уровнем нарциссизма (35 чел.), во вторую группу – со средним (30 чел.), в третью группу – с низким уровнем нарциссизма (26 чел.).

Методики исследования

«Короткий опросник темной триады» (адаптация М.С. Егоровой, М.А. Ситниковой, О.В. Паршиковой), позволяющий измерить три психологические черты личности: макиавеллизм, нарциссизм и психопатию. Для нашего исследования особый интерес представляет шкала неклинического нарциссизма, выявляющая такие характеристики, как чувство собственной значимости, демонстративность поведения, неадекватное восприятие себя и мира, чувствительность к критике, безразличие к окружающим и др. Участнику исследования предлагается выразить степень своего согласия или несогласия с 27 утверждениями по пятибалльной шкале от «полностью согласен» до «совершенно не согласен». Обработка результатов проводится простым подсчетом баллов по каждой шкале (максимальное количество баллов – 45, минимальное – 9). Чем выше величина балла, тем выше показатель уровня исследуемой черты личности [2, 3].

Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И.М. Марковской (вариант для родителей дошкольников и младших школьников), позволяющий измерить 10 критериев данного взаимодействия: нетребовательность – требовательность родителя, его мягкость – строгость, автономность – контроль по отношению к ребенку, эмоциональную дистанцию – эмоциональную близость ребенка к родителю, отвержение – принятие ребенка, отсутствие сотрудничества – сотрудничество с ним, тревожность за ребенка, воспитательную конфронтацию в семье, удовлетворенность отношениями ребенка с родителем. Участнику исследования предлагается оценить степень своего согласия или несогласия с предложенными утверждениями по пятибалльной шкале от «совершенно согласен» до «совершенно не согласен». Обработка результатов проводится простым подсчетом баллов по каждой шкале. Чем выше показания по шкале, тем более выражен положительный полюс исследуемого взаимодействия [7, 8].

Методы математической статистики

Полученные данные обработаны следующими методами математической статистики: для разделения общей выборки на группы по уровню нарциссизма применялся кластерный анализ (метод k-средних); для проверки данных на соответствие закону нормального распределения применялся одновыборочный критерий Колмогорова – Смирнова; для сравнения степени выраженности показателей взаимодействия родитель – ребенок у матерей с высоким, средним, низким уровнем нарциссизма применялся непараметрический U-критерий Манна – Уитни. При обработке первичных данных использовались программы Microsoft Excel и Statistica 12.

Описание результатов

Результаты кластерного анализа

Кластерный анализ (метод k-средних) позволил разделить общую выборку матерей детей младшего школьного возраста на 3 кластера: матери с высоким уровнем неклинического нарциссизма (35 чел.), со средним уровнем (30 чел.) и с низким уровнем (26 чел.). Всего 91 респондент, средний возраст – 36 лет (рисунок).

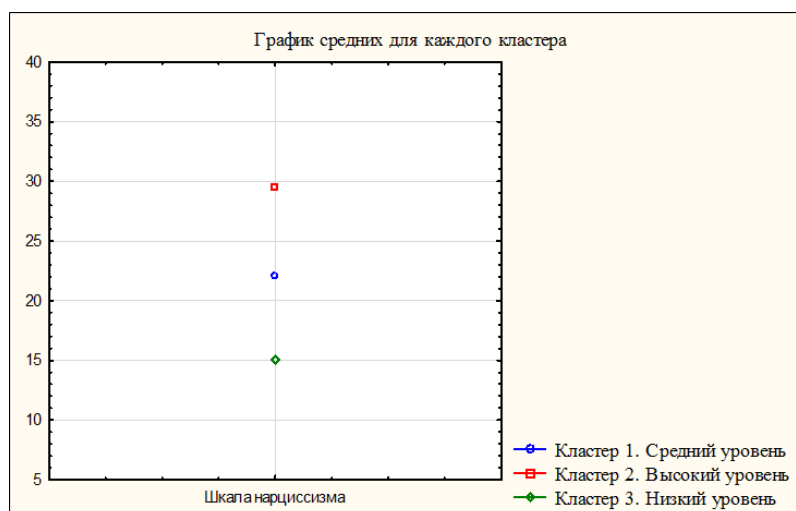

График средних значений показателей выделенных кластеров

Результаты проверки данных на соответствие закону нормального распределения

Установлено, что большинство исследуемых шкал не соответствуют закону нормального распределения, уровень значимости (p) меньше 0,05. Поэтому для сравнения показателей взаимодействия родитель – ребенок у матерей с высоким, средним и низким уровнем нарциссизма был применен непараметрический U-критерий Манна – Уитни.

Различия в показателях детско-родительских отношений в связи с уровнем выраженности нарциссизма

Сравнительный анализ исследуемых показателей позволил установить, что в выборках матерей с высоким и низким уровнем нарциссизма (табл. 1) существуют значимые различия по показателям «нетребовательность – требовательность родителя» ($U=206,50$; $p \leq 0,02$), «автономность – контроль по отношению к ребенку» ($U=230,00$; $p \leq 0,05$) и «удовлетворительность отношениями ребенка с родителем» ($U=151,00$; $p \leq 0,00$).

Полученные данные свидетельствуют о том, что матери с высоким уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более склонны к проявлению требовательности и контроля во взаимодействии со своим ребенком и более удовлетворены отношениями с ним. Следует отметить также, что в исследуемых выборках статистически значимые различия были обнаружены и по шкалам макиавеллизма и неклинической психопатии.

Таблица 1

Результаты попарного сравнения рангов с помощью U-критерия Манна – Уитни в выборках матерей с высоким и низким уровнем нарциссизма

Показатели	Сумма рангов матерей с высоким уровнем нарциссизма	Сумма рангов матерей с низким уровнем нарциссизма	U критерий Манна – Уитни	p-уровень
Нетребовательность – требовательность родителя	820,50	557,50	206,50	0,02
Мягкость – строгость родителя	752,50	625,50	274,50	0,25
Автономность – контроль по отношению к ребенку	797,00	581,00	230,00	0,05
Эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребенка к родителю	748,50	629,50	278,50	0,28
Отвержение – принятие ребенка родителем	666,50	711,50	315,50	0,69
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	792,00	586,00	235,00	0,06
Тревожность за ребенка	738,50	639,50	288,50	0,37
Непоследовательность – последовательность родителя	673,00	705,00	322,00	0,78
Воспитательная конфронтация в семье	664,00	714,00	313,00	0,65
Удовлетворительность отношениями ребенка с родителем	876,00	502,00	151,00	0,00

Показатели	Сумма рангов матерей с высоким уровнем нарциссизма	Сумма рангов матерей с низким уровнем нарциссизма	U критерий Манна – Уитни	p-уровень
Шкала макиавеллизма	812,50	565,50	214,50	0,02
Шкала психопатии	848,00	530,00	179,00	0,00

Проведенный нами далее сравнительный анализ характера детско-родительского взаимодействия в выборках матерей с высоким и средним уровнем нарциссизма не выявил статистически значимых различий, но они были обнаружены при сравнении матерей со средним и низким уровнем нарциссизма (табл. 2).

Как видно из табл. 2, у матерей со средним уровнем нарциссизма более выражены показатели «тревожность за ребенка» ($U=220,00$; $p \leq 0,03$) и «удовлетворительность отношениями ребенка с родителем» ($U=163,00$; $p \leq 0,00$). На основе полученных данных мы можем предположить, что матери со средним уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более склонны тревожиться за ребенка, единолично решая, что для него лучше, и они в большей степени удовлетворены отношениями с ним.

Статистически значимые различия по шкалам макиавеллизма и неклинической психопатии в данных выборках не обнаружены.

Таблица 2

Результаты попарного сравнения рангов с помощью U-критерия Манна – Уитни в выборках матерей со средним и низким уровнем нарциссизма

Показатели	Сумма рангов матерей со средним уровнем нарциссизма	Сумма рангов матерей с низким уровнем нарциссизма	U критерий Манна – Уитни	p-уровень
Нетребовательность – требовательность родителя	714,50	663,50	312,50	0,65
Мягкость – строгость родителя	674,50	703,50	323,50	0,80
Автономность – контроль по отношению к ребенку	776,00	602,00	251,00	0,11
Эмоциональная дистанция – эмоциональная близость ребенка к родителю	717,50	660,50	309,50	0,61
Отвержение – принятие ребенка родителем	700,00	678,00	327,00	0,85
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	773,50	604,50	253,50	0,12
Тревожность за ребенка	807,00	571,00	220,00	0,03
Непоследовательность – последовательность родителя	684,50	693,50	333,50	0,94
Воспитательная конфронтация в семье	662,00	716,00	311,00	0,63
Удовлетворительность отношениями ребенка с родителем	864,00	514,00	163,00	0,00

Показатели	Сумма рангов матерей со средним уровнем нарциссизма	Сумма рангов матерей с низким уровнем нарциссизма	U критерий Манна – Уитни	p-уровень
Шкала макиавеллизма	723,50	654,50	303,50	0,53
Шкала психопатии	781,50	596,50	245,50	0,09

Интерпретация и обсуждение результатов исследования

Проведенное эмпирическое исследование позволяет нам утверждать наличие специфики во взаимодействии матерей с разным уровнем нарциссизма с детьми младшего школьного возраста. Так, было установлено, что матери с высоким уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более склонны к проявлению требовательности и ожиданию высокой ответственности от своего ребенка. Они делегируют ему собственные нереализованные цели и требуют их достижения, воспринимая ребенка как ресурс для удовлетворения нарциссических потребностей. Подобное взаимодействие требует со стороны матери усиленного контроля над ребенком, который проявляется в установлении жестких границ для его автономности, формировании чувства вины, культивировании созависимости, угрозах санкциями и т.д. В общую картину эгоистичного отношения нарциссической матери к ребенку органично вписываются поведенческие проявления макиавеллизма (склонность к манипуляции и эксплуатации других, центрированность на личных интересах) и неклинической психопатии (высокомерие, импульсивность, игнорирование проблем других людей). Удовлетворенность матери с высоким уровнем нарциссизма отношениями со своим ребенком можно объяснить его покорностью, готовностью быть продолжением матери, желанием угодить ей, что во многом объясняется его возрастом и психологической незрелостью. Пока ребенок соответствует эгоистичным требованиям нарциссической матери, она удовлетворена отношениями с ним. Эта тенденция справедлива и в отношении матерей со средним уровнем нарциссизма, которых отличает, по сравнению с матерями с низким уровнем, и более выраженная тревожность за ребенка. Данная тревожность проявляется в потребности матери единолично принимать решения за своего ребенка, жестко определяя, что для него лучше в публичных сферах его жизни и деятельности. При этом вне фокуса внимания и эмпатического сопереживания матери остаются внутренний мир, интересы и потребности ребенка.

Таким образом, предположение о существовании различий в проявлении требовательности к ребенку и удовлетворенности отношениями с ним у матерей с разным уровнем нарциссизма нашло свое эмпирическое подтверждение и было дополнено фактами различий по показателям контроля и тревожности за ребенка.

Полученные данные согласуются с представлением С. Ванкина (2023), Т.М. Дьяченко (2015, 2018) и других авторов о нарциссических родителях. Соответственно, выявленные тенденции можно считать закономерными. При этом имеет место специфика взаимодействия матерей с разным уровнем нарциссизма с детьми младшего школьного возраста.

Выводы

В исследовании выявлены следующие особенности взаимодействия матерей с разным уровнем неклинического нарциссизма с детьми младшего школьного возраста.

1. Матери с высоким уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более склонны к проявлению требовательности и контроля во взаимодействии со своим ребенком, что проявляется в восприятии его как ресурса для удовлетворения нарциссических потребностей, установлении жестких границ детской автономности, формировании чувства вины, культивировании созависимости, угрозах санкциями и т.д.

2. У матерей с высоким уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более выражены макиавеллизм и неклиническая психопатия. В их поведении чаще встречаются склонность к манипуляции и эксплуатации других, центрированность на собственных интересах, высокомерие, импульсивность, игнорирование проблем других людей, в том числе собственных детей.

3. Матери со средним уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более склонны тревожиться за ребенка, что проявляется в потребности единолично принимать за него решения во всех жизненных сферах. При этом вне фокуса внимания матери остаются внутренний мир, интересы и потребности ребенка.

4. Матери с высоким и средним уровнем нарциссизма, по сравнению с матерями с низким уровнем, более удовлетворены отношениями с ребенком, но эта тенденция сохраняется только до тех пор, пока ребенок соответствует эгоистичным требованиям нарциссической матери.

Результаты исследования могут быть интересны и полезны специалистам в области психологии семьи и детско-родительских отношений, психологам образовательных учреждений, социальным педагогам, учителям начальных классов и всем интересующимся проблемой взаимодействия нарциссических родителей с детьми.

Список литературы

1. Дьяченко Т.М. Опасный нарцисс. Кн. 3. Нарциссические родители. – М.: ЛитРес, 2018. – 280 с.
2. Егорова М.С., Ситникова М.А. Темная триада // Психологические исследования. – 2014. – № 38. – С. 12–37.
3. Егорова М.С., Ситникова М.А., Паршикова О.В. Адаптация «Короткого опросника Темной триады» // Психологические исследования. – 2015. – № 43. – С. 1–12.
4. Жмурин И.Е., Корнейчик И.В. Особенности проявления негативного нарциссизма в семейных отношениях // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2022. – № 1. – С. 102–118.

5. Лэнгле А. Грандиозное одиночество: нарциссизм как антропологическо-экзистенциальный феномен // Московский психотерапевтический журнал. – 2002. – № 2. – С. 34–56.

6. Макбрайд К. Достаточно хорошая. Путь исцеления для женщин, выросших рядом с нарциссическими матерями. – Владимир : Изд-во Елены Терещенковой, 2019. – 274 с.

7. Марковская И.М. Психология детско-родительских отношений : моногр. – Челябинск : Изд-во ЮУрГУ, 2012. – 91 с.

8. Марковская И.М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми. – СПб. : Речь, 2005. – С. 43–49.

УДК 159.99

DOI: 10.24412/2308-717X-2023-1-112-118

Зарипова Лина Зефаровна

кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии развития
e-mail: Linochka03@gmail.com

Гранадский Владислав Сергеевич

студент V курса бакалавриата, з/о, направления подготовки «Психология»

*ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», Пермь, Россия
614990, Пермь, Букирева, 15*

ДЕТСКАЯ ТРЕВОЖНОСТЬ И ТРЕВОЖНОСТЬ РОДИТЕЛЕЙ В СВЯЗИ С ОПЫТОМ РОДИТЕЛЬСТВА

Lina Z. Zaripova

Associate Professor at Department of Psychology of Development, Ph.D.
e-mail: Linochka03@gmail.com

Vladislav S. Granadskiy

Bachelor's Degree Student of the 5th Year, Extramural Department,
Direction "Psychology", Philosophy and Sociology Faculty

*Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Perm State National Research University»
15, Bukireva St., 614990, Perm, Russia*

CHILD ANXIETY AND PARENTAL ANXIETY IN RELATION TO THE EXPERIENCE OF PARENTHOOD

Аннотация. В статье представлен обзор теоретических и эмпирических источников в рамках изучаемой проблемы. Выявленные результаты исследования подтверждают взаимосвязь детской и родительской тревожности в связи с опытом родительства. Обнаружены наиболее тесные связи между показателями: тревожность детей в семьях без опыта родительства – симбиоз; симбиоз – инфантилизация; авторитарная гиперсоциализация – инфантилизация; тревожность детей в семьях с опытом родительства – симбиоз; принятие – отвержение – социальная желательность; а также наличие значимых обратных корреляционных связей между показателями принятие – отвержение – симбиоз; принятие – отвержение – инфантилизация; тревожность детей в семьях с опытом родительства – принятие – отвержение; тревожность детей в семьях с опытом родительства – социальная желательность.

Ключевые слова: детская тревожность, родительская тревожность, опыт родительства, симбиоз, инфантилизация, социальная желательность, принятие – отвержение, авторитарная гиперсоциализация.

Abstract. The article presents an overview of theoretical and empirical sources within the framework of the studied problem. The revealed results of the study confirm the relationship between child and parental anxiety in connection with the experience of parenthood. The closest links between the indicators were found: anxiety of children in families without parenting experience – symbiosis; symbiosis – infantilization; authoritarian hypersocialization – infantilization; anxiety of children in families with parenting experience – symbiosis; acceptance – rejection – social desirability; as well as the presence of significant inverse correlations between the indicators of acceptance – rejection – symbiosis; acceptance – rejection – infantilization; anxiety of children in families with parenting experience – acceptance – rejection; anxiety of children in families with parenting experience – social desirability.

Key words: childhood anxiety, parental anxiety, parenting experience, symbiosis, infantilization, social desirability, acceptance – rejection, authoritarian hypersocialization.

Вопрос тревожности в психологии на протяжении многих лет не теряет своей актуальности, поскольку тревожность многогранна и зависит от большого числа факторов. В отечественной психологии данный вопрос фундаментально изучали: Л.И. Божович [2], А.М. Прихожан [10], А.И. Захаров [5], Р. Мэй [8] и др. [1, 4, 9, 11]. Вместе с тем в современных условиях знание становится дефицитным в связи с общим увеличением уровня тревожности у людей, а также детей во всем мире. Так, согласно исследованию, тревожность имеет тенденцию «омоложения». В проведенном исследовании Д.А. Толмачева [13] уровень тревожности был взаимосвязан с учебной нагрузкой. Важно отметить, что уровень тревожности также взаимосвязан с опытом родительства. Семейная среда, отношение родителей к детям, а также отношения между родителями также могут являться поводами для повышения уровня тревожности детей. Это подтверждают исследования, проведенные О.А. Камзиной [6], а также Н.С. Киселевой и Т.В. Слотиной [7].

Особый вклад в изучение тревожности и личности в целом внесли Г.С. Салливан и К. Хорни. Так, согласно полученным в исследованиях данным, причиной возникновения детской тревожности может являться незаполненная потребность в межличностной безопасности с родителями.

В целом большинство исследователей придерживаются подобных взглядов, считая, что причина личностной тревожности может находиться в нарушениях детско-родительских отношений, в системе отношений «мать – ребенок». Авторы активно разрабатывали теории, стараясь обнаружить причинно-следственные связи (А.И. Захаров [5], А.С. Спиваковская [12], Дж. Боулби [3], К. Хорни [14], а также М. Эйнсворт, Э. Эриксон, Г.С. Салливан, Б. Филлипс).

Так, А.И. Захаров полагает, что тревога развивается в раннем детстве и возникает вследствие опасности потери связи с определенным сообществом людей: для маленького ребенка это мать; с возрастом этот круг расширяется – добавляются новые люди. Автор предполагает также возможность дальнейшего онтогенеза тревоги (наследственная или патологическая) на протяжении последующих лет и даже десятилетий развития детей. В том случае, если складывается неблагоприятная ситуация для развития ребенка, например, взрослые люди испытывают чувство страха и тревоги или ребенок сам переживает травматический витальный опыт, тревога трансформируется в тревожность и становится стабильной чертой характера личности. Этот процесс обычно происходит у детей старше 5 лет (старший дошкольный возраст). При таком раскладе ситуативная тревожность может стать личностной чертой.

Дж. Боулби, основоположник теории привязанности, считает, что основной фактор возникновения страха и тревоги – ожидание того, что в опасных ситуациях объект привязанностей всегда будет рядом с ним. В зависимости от реального опыта объект привязанности формируется с раннего детства до подросткового возраста и держится в некотором роде всю жизнь. Наиболее важным этапом является период шестого месяца по пятый год жизни, когда ребенок начинает демонстрировать первые проявления чувства любви к родителям. Наиболее важной задачей развития ребенка является формирование привязанности, проявления которой начинают ослабевать к подростковому возрасту.

Если в раннем детстве ребенок испытывает неуверенность в том, что объект привязанности доступен ему, то согласно Дж. Боулби, формируется тревожное и неопределенное поведение привязанности. Дети, которые считают мир ненадежным, недоступным, враждебным или угрожающим, позже могут испытывать сильную тревожность и формировать поведенческие модели избегания.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что и тревога как состояние, и тревожность как свойство человека находятся в конфронтации с базовыми личностными потребностями: потребностью в эмоциональном благополучии, чувстве уверенности, безопасности. Ситуативная тревога способна преобразовываться под воздействием длительных неблагоприятных факторов в личностную. Важно учитывать, что тревожность может быть обусловлена влиянием особенностей нервной системы и эндокринной системы. В данном случае тревожность может не иметь никаких психологических причин. Взаимоотношения между родителями и ребенком играют фундаментальную роль в формировании тревожности.

Организация и методы исследования

В исследовании приняли участие 60 человек. Из них 30 детей в возрасте от 7 до 12 лет, а также 30 родителей. Все участники были разделены на две группы: семьи с одним ребенком и семьи с несколькими детьми. В нашем исследовании под опытом родительства понималось наличие двух и более детей. Для изучения проблемы применялись следующие методики: тест-

опросник родительского отношения к детям (А.Я. Варга, В.В. Столин), Шкала явной тревожности для детей Тейлора, Профессиональная и родительская тревожность (А.М. Прихожан). Полученные результаты исследования были подвергнуты статистической обработке с применением корреляционного анализа Спирмена (табл. 1).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа по шкале детской тревожности Тейлора и родительского отношения А.Я. Варга, В.В. Столина

			Pearson r	p	Spearman rho	p
Тревожность детей в семьях без опыта родительства	-	Симбиоз	-0.673*	0.033	-0.516	0.127
Принятие – отвержение	-	Симбиоз	0.716*	0.020	0.644*	0.045
Принятие – отвержение	-	Инфантилизация	-0.713*	0.021	-0.682*	0.030
Симбиоз	-	Инфантилизация	-0.694*	0.026	-0.640*	0.046
Авторитарная гиперсоциализация	-	Инфантилизация	0.795**	0.006	0.692*	0.026
Тревожность детей в семьях с опытом родительства	-	Принятие-отвержение	-0.790*	0.007	-0.833**	0.003
Тревожность детей в семьях с опытом родительства	-	Социальная желательность	-0.714*	0.020	-0.735*	0.015
Тревожность детей в семьях с опытом родительства	-	Симбиоз	-0.672*	0.033	-0.751*	0.012
Принятие – отвержение	-	Социальная желательность	0.655*	0.040	0.697*	0.025
Принятие – отвержение	-	Инфантилизация	-0.718*	0.019	-0.721*	0.019

Примечание. $p < .05$, ** $p < .01$, *** $p < .001$.

Проведенный корреляционный анализ в группах детей, родители которых имеют опыт родительства, в сравнении с группой детей, чьи родители данного опыта не имеют, показал наличие значимых прямых корреляционных связей между показателями: тревожность детей в семьях без опыта родительства – симбиоз; симбиоз – инфантилизация; авторитарная гиперсоциализация – инфантилизация; тревожность детей в семьях с опытом родительства – симбиоз; принятие отвержение – социальная желательность; а также наличие значимых обратных корреляционных связей между показателями принятие – отвержение – симбиоз; принятие отвержение – инфантилизация; тревожность детей в семьях с опытом родительства – принятие – отвержение; тревожность детей в семьях с опытом родительства – социальная желательность.

Таблица 2

Результаты корреляционного анализа по шкале детской тревожности Тейлора и родительской тревожности А.М. Прихожан

			Pearson r	p	Spearman rho	p
Тревожность детей в семьях без опыта родительства	–	Тревожность родителей в семьях без опыта родительства	0.747***	0.476	0.741** *	0.543
Тревожность детей в семьях без опыта родительства	–	Тревожность детей в семьях с опытом родительства	0.204	0.233	0.187	0.252

			Pearson r	p	Spearman rho	p
Тревожность детей в семьях без опыта родительства	–	Тревожность родителей в семьях с опытом родительства	0.045	0.499	-0.054	0.576
Тревожность родителей в семьях без опыта родительства	–	Тревожность детей в семьях с опытом родительства	0.047	0.433	0.028	0.460
Тревожность родителей в семьях без опыта родительства	–	Тревожность родителей в семьях с опытом родительства	-0.484	0.966	-0.525	0.978
Тревожность детей в семьях с опытом родительства	–	Тревожность родителей в семьях с опытом родительства	0.205	0.231	0.110	0.348

Примечание. p < .05, ** p < .01, *** p < .001

Как видно из таблицы, можно предположить, что авторитарная гиперсоциализация тесно связана с инфантилизацией. Можно предположить, что родитель воспринимает своего ребенка несостоятельным, а его увлечения и интересы – несерьезными и детскими. Данное отношение способно сформировать некий авторитаризм со стороны родителя по отношению к ребенку. Помимо этого, исходя из полученных данных, можно сказать, что родители с опытом воспитания детей обладают меньшим в сравнении с родителями без опыта воспитания уровнем тревожности. Это коррелирует также с уровнем тревожности детей из семей с опытом родительства.

Исходя из данных, полученных в исследовании и предоставленных в табл. 1 и 2, можно выделить следующую взаимосвязь уровня тревожности детей из семей с опытом родительства. Уровень тревожности детей в семьях с несколькими детьми ниже, чем в семьях с одним ребенком. При этом можно сказать, что в семьях с опытом, родители в большей степени симпатизируют ребенку. Родитель стремится провести больше совместного времени, в большей степени интересуется жизнью и увлечениями своих детей. Соответственно, дети в таких семьях ощущают более качественную поддержку родителя. Значения по шкале «Принятие – отвержение» у родителей из семей с несколькими детьми выше, чем у родителей с одним ребенком. Уровень детской и родительской тревожности также коррелирует, как и в случае семей без опыта родительства, однако как у детей, так и у родителей показатели тревожности оказались меньше.

Семья, если сохранена сама суть ее психолого-педагогической функции, является системой равновесной, так как имеет в своем основании набор устойчивых связей между ее членами. Однако при этом система остается весьма подвижной и динамической, она живо реагирует на изменение социального статуса каждого члена и их развитие как в частности, так и в целом. Наличие у членов семьи особых навыков для ее развития является гарантом успешной жизни и развития семьи. Брак же несет за собой новую,

высшую форму поведения супругов – кооперативную. Из всех человеческих взаимоотношений отношения членов семьи являются наиболее прочными и устойчивыми. Естественно, что у семьи, которая обладает большим опытом семейной жизни, имеет более развитые навыки межличностного взаимодействия и кооперации внутри семьи, что напрямую влияет на качество внутрисемейного воспитания ребенка, развитие его навыков и этико-моральных качеств и норм. Ребенок из семьи, которая уже сталкивалась с проблемами воспитания ранее, не будет подвержен возрастным кризисам в той же степени, как его сиблинги, а значит, и уровень его тревожности будет сравнительно ниже. Важно также отметить, что удалось обнаружить взаимосвязь опыта родительства и тревожности детей, а также взаимосвязь уровней родительской и детской тревожности, что подтверждают проведенные исследования других авторов.

Уровень тревожности детей из семей без опыта родительства заметно выше в сравнении с детьми из семей с этим опытом. Полученные результаты совпадают с теоретической информацией, представленной исследованиями других психологов. Также можно предположить, что при выраженной детской тревожности в семьях с одним ребенком родители в меньшей степени симпатизируют ребенку. Родитель не стремится провести больше совместного времени, в меньшей степени интересуется жизнью и интересами своих детей. В таких семьях родители стремятся усилить контроль над своим ребенком, считая его несамостоятельным, а его интересы – детскими. Значения по шкале «Принятие – отвержение» родители с одним ребенком набирают более низкие. Это может характеризовать детско-родительские взаимоотношения большей частотой конфликтных ситуаций. Родители в таких семьях в большей степени склонны считать, что их ребенок не сможет добиться успехов в жизни, в меньшей степени доверяют своему ребенку. Поскольку детская тревожность может являться индикатором конфликтных взаимоотношений между родителями и ребенком, то при наличии повышенного уровня тревожности можно предположить о большей конфликтности во взаимоотношениях как между супругами, так и в детско-родительских отношениях. Помимо этого, важно отметить, что уровень тревожности родителей с опытом родительства оказался ниже, чем у группы родителей, не имеющих подобного опыта. Это также отразилось и на полученных результатах детской тревожности, поскольку уровень детской тревожности в семьях с опытом оказался ниже. Таким образом, удалось подтвердить ранее проведенные исследования другими авторами. Уровень детской тревожности взаимосвязан с уровнем тревожности родителей.

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать вывод, что опыт родительства благоприятно взаимосвязан с уровнем детской и родительской тревожности. Уровень тревожности детей в таких семьях ниже, чем в семьях без опыта родительства. Помимо этого, родители, имеющие опыт воспитания, более демократичны и лояльны к своим детям, в большей степени выстраивают доверительную связь со своим ребенком. Помимо взаимосвязи опыта родительства и детской тревожности, важно учитывать уровень

тревожности родителей, поскольку они напрямую коррелируют между собой. Соответственно, чем выше уровень тревожности родителей, тем больше оказывался уровень детской тревожности, и наоборот.

Список литературы

1. Андреева Т.В. Семейная психология : учеб. пособие. – СПб. : Речь, 2019. – 246 с.
2. Божович Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте. (Психологическое исследование). – М. : Просвещение, 1968.
3. Боулби Дж. Привязанность / под ред. Г.В. Бурменской. – М., 2003.
4. Галич Т.В. Проблема влияния детско-родительских отношений на тревожность ребенка // Вопросы студенческой науки. – 2022. – Вып. № 7.
5. Захаров А.И. Происхождение детских неврозов и психотерапия. – СПб. : Апрель-Пресс, 2000. – 448 с.
6. Камзина О.А. Взаимосвязь родительской тревожности и родительской компетентности, обусловленной социальными ожиданиями // Социальные явления. – 2016. – № 4. – С. 55–60.
7. Киселева Н.С., Слотина Т.В. Детско-родительские взаимоотношения и компоненты социальной уверенности детей младшего дошкольного возраста [Электронный ресурс] // Комплексные исследования детства. – 2020. – № 2. – С. 80–89. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/detsko-roditelskie-vzaimootnosheniya-i-komponenty-sotsialnoy-uverennosti-detey-mladshego-shkolnogo-vozrasta/viewer> (дата обращения: 28.03.23).
8. Мэй Р. Проблема тревоги / пер. с англ. А.Г. Гладкова ; под ред. С. Пьянковой, Т. Багдаевой. – М. : Эксмо-Пресс, 2001. – 432 с.
9. Нехорошкова А.Н., Грибанов А.В. Тревожность у детей: причины и особенности ее проявления [Электронный ресурс] // Современные проблемы науки и образования. – 2014. № 5. – 476 с. – URL: <https://science-education.ru/pdf/2014/5/281.pdf> (дата обращения: 28.03.23).
10. Прихожан А.М. Психология тревожности: дошкольный и школьный возраст. – СПб. : Питер, 2000. – 192 с.
11. Смолярчук И.В. Влияние нарушенных детско-родительских отношений на проявление тревожности // Психологические исследования: электрон. науч. журн. – 2018. – № 5. – С. 19.
12. Спиваковская А.С. Профилактика детских неврозов. – М. : МГУ, 1988. – 200 с.
13. Толмачев Д.А., Казакова Т.А., Кудрявцева А.Л. Тревожность как критерий оценки здоровья молодежи // Наука, образование, культура. – [Б. г.], [Б. н.]. – С. 104–106.
14. Хорни К. Невротическая личность нашего времени. Новые пути в психоанализе. – СПб. : Питер, 2019. – 304 с.

Электронное издание

**ВЕСТНИК ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ГУМАНИТАРНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Серия № 1
Психологические и педагогические науки

ВЫПУСК 1, 2023

Электронный научный журнал

Ответственный редактор выпуска:
Баландина Людмила Леонидовна

Дата размещения на сайте: 22.12.2023

Технический редактор *О.В. Вязова*
Компьютерная верстка выполнена *Д.Г. Григорьевым*

Редакционно-издательский отдел
Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета
614990, г. Пермь, ул. Пушкина, д. 44, кааб. 310
тел. (342) 215-18-52 (доб. 394)
e-mail: rio@pspu.ru